

6
2007

РОСССНЯ XXI

6. 2007 ноябрь-декабрь

Общественно - политический

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Качели. Новый виток войны спецслужб
и его влияние на ход политического
процесса _____

4

Геоглобалистика

Ольга Четверикова

Стратегия «балканизации» Европы
(окончание) _____

46

Страницы истории

Владимир Лапин

Кавказская война
XVIII–XIX веков
в исторической памяти _____ 82

*Анастасия Готовцева,
Оксана Киянская*

К истории несостоявшейся револю-
ции (С.П.Трубецкой и восстание
Черниговского полка) _____ 102

Редакционная почта

Илья Смирнов

Извилистые дороги к храму ____ 162

Contents in English look at the page 196

**Наша единственная надежда –
в притягательной силе новых идей.
Бесполезно предлагать
ту или иную реформу, ничего
в конечном счете
не меняющую в самой системе,
ибо такая реформа лишена
побудительной силы мотивации.
«Утопическая» цель более
реалистична, чем «реализм»
сегодняшних руководителей.**

Эрих Фромм

В безумстве декадентского мышления человек чувственного общества сегодня снова разрушает свой чувственный дом, который он с такой гордостью строил последние пять столетий. Чувственные этика и право вновь зашли в тупик, отмечающий конец настоящей эпохи. ... Без новой абсолютизации и универсализации ценностей общество не сможет избежать этого тупика.

Питирим Сорокин

Сергей Кургинян

КАЧЕЛИ*

НОВЫЙ ВИТОК ВОЙНЫ СПЕЦСЛУЖБ
И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ХОД
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

The subject matter of the author's analysis is the article 'It is impossible to allow warriors to turn into salesmen' by Victor Cherkesov published on October 9, 2007, and the nature of the Russian analytical community's reactions to this article. The author notes not only topicality of Cherkesov's article but also a great scope of problems Cherkesov deals with. Generally, such endeavors are uncommon for top officials. However the author indicates that acuteness of the problem has been reflected inadequately. The life of the present-day elite is imbued with blood of the primitive accumulation (that is larceny). Oligarchy which unites money and power is forming within this absolutely rotten process of this accumulation. Oligarchy may disrupt the existing state system. If the system comes down it will ruin everything. Therefore, the issue consists, first of all, in prevention of this nightmare. To prevent it ideology is required as sine qua non. It must be ideology in proper sense. Substitutes, pseudo-ideological sects, imitations of the CPSU will be inadequate. The principal danger on the way to genuine ideology is reliance on existing conceptual institutions that are submerged into the anti-systemic 'cloaca' and are taking over qualities of this 'cloaca'.

---

* Журнальный вариант доклада на заседании клуба «Содержательное единство» 11 октября 2007 года.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПРОЛОГ

Ко мне со всех сторон обращаются с просьбами прокомментировать недавнюю статью Виктора Черкесова в газете «Коммерсант». Статья называется «Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев». Чаще всего с этим обращаются представители той самой чекистской корпорации, чью судьбу обсуждает в вышеназванной статье глава Госнаркоконтроля. Но и не только они.

Сторонники обсуждения этой статьи говорят о ее актуальности. И они правы. Они также говорят о том, что содержание статьи в чем-то перекликается с тем, о чем я говорю начиная с 1994 года. Что впервые за 13 лет возникла какая-то перекличка между затрагиваемыми нами темами и тем, что волнует высокие должностные лица. Что это нельзя проигнорировать. И они, опять-таки, правы.

Но есть не только сторонники обсуждения данной статьи. Есть и противники обсуждения. И я, как вам ни покажется странным, – один из них. Прочитав статью В.Черкесова, я спросил себя: как бы я реагировал на перипетии, сходные с теми, которые сейчас разворачиваются на моих глазах, в каком-нибудь 1982 или даже 1987 году? Ответить было нетрудно. Я определил бы для себя, кто честный человек, а кто вор. Кто по сути ратует за коррупцию, а кто за очищение. А дальше я обнажил бы меч и встал в ряды тех, кто ратует за благо против зла.

Что произошло за эти 20 с лишним лет? – спросил я себя.

Я стал циничнее? Вроде нет. Я стал осторожнее? И это, увы, не так. У меня возникли ангажементы и обязательства? Опять же нет. Но тогда в чем дело? Не в том, что я изменился. То есть, конечно, я изменился. Наверное, в чем-то в лучшую, в чем-то в худшую сторону. Но по отношению к изменениям макроситуации мои изменения несущественны. Как бы сильно я ни изменился, дело не в этом. В невероятно большей степени изменилась страна. Общество. Стандарты, нормы, критерии, ценности.

Возник некий мир, который я, сознательно эпатируя политкорректное сообщество и в чем-то даже утрируя, называю «русский ад».

Мне укажут на ряд процессов, говорящих о том, что это вовсе не ад. Я признаю все эти процессы, соглашусь со всеми цифрами и констатациями. Но оценку не сниму. Я не считаю эту оценку до конца верной. Но я считаю, что она схватывает суть дела. А все остальные оценки – даже более достоверные и глубокие – суть дела не схватывают. В любом случае, у меня есть право на оценку, и я этим правом пользуюсь. И эта моя оценка – не умственна. Она тотальна. Я так чувствую. Я с этим грузом живу. Потому что, в конце концов, и я в чем-то виноват. Да, я боролся с тем, что привело к этому. Но, значит, боролся недостаточно эффективно.

Такая оценка ну никак не связана с мерой моей собственной успешности. Оговариваю это для того, чтобы не сложилось впечатление: ему лично в чем-то не повезло, и он обиделся на свое время. Я никогда не мог себе представить 20 лет назад, что получу столько, сколько получил. Что смогу издавать журнал, печататься в газетах, выступать по радио и телевидению, вести международную деятельность, издавать книги, иметь свой театр, писать пьесы, ставить спектакли. Ничего больше мне лично не нужно. Любое пребывание за каким-то бюрократическим столом лишило бы меня имеющегося и было бы для меня лично социальным несчастьем. В силу этого моя оценка свободна от определенной предвзятости. Той, которая возникает у людей, ждавших от жизни одного, а получивших другое.

Я всего лишь не верю в возможность замкнутого личного счастья посреди огромной беды. Я не верю в башню из слоновой кости посреди гулжающегося безвременья.

И я вижу, как складывается этот самый «русский ад». А по отношению к нему честность и нечестность, нормативность и анормативность... Все уже не так важно. Социальный ужас стирает грани. Контекст меняет текст. Причем до неузнаваемости. Люди (и не просто не худшие, а лучшие и наиболее мне симпатичные) искренне кричат, повторяя Лютера: «На том стою и не могу иначе» – а я вижу, что никто уже не стоит. И вспоминаю Блока:

*Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, Ветер!
НА НОГАХ НЕ СТОИТ ЧЕЛОВЕК.
Ветер, Ветер –
На всем божьем свете!*

Он несет всех вместе – этот ветер. Он сбивает с ног и волочет куда-то – добрых и злых, честных и нечестных... Всех вместе... Рухнул мир, в котором что-то от чего-то можно отделить. А в этом новом мире что-то с чем-то иначе надо связывать. Иными мерами мерить. Может, даже более жесткими. Но иными.

Отнекиваясь от обсуждения статьи Черкесова, я не кокетничал. И одновременно знал, что в итоге сдамся и буду ее обсуждать. «Ну, так и обсуждай», – скажет читатель. И он абсолютно прав. Но почему-то мне кажется важным этот экзистенциальный пролог. Знаю точно: он мне важен не потому, что мне нечего сказать по поводу конкретной статьи. Может быть, дело в другом. Что сказать-то надо либо слишком много, либо ничего. Слишком много я все равно не скажу. Не успею. Не найду той точки, в которой текст и мои рассуждения по его поводу окажутся в

равновесии. А говорить все равно начну. Ну, так пусть хотя бы будет этот экзистенциальный пролог.

ТЕМА И СИТУАЦИЯ

Виктор Черкесов поднял очень острую тему. Он обсудил ее на уровне, который в принципе несвойствен нынешним чиновникам его ранга. Мне это импонирует. И я совершенно не собираюсь фыркать по поводу того, что тема не раскрыта полностью. Виктор Черкесов не философ, не историк и даже не политолог. У него другая судьба, другой подход к рассматриваемым вопросам. Для этой судьбы и этого подхода заявленный им уровень обсуждения беспрецедентно высок. И это, как мне кажется, заслуживает и высокой оценки, и пристального политического внимания.

Но при всей остроте поднятой темы (а она, я понимаю, превышает предельно допустимую в несколько раз) данная острота уже категорически недостаточна. Я не хочу девальвировать этим значение статьи Черкесова. И тем более не хочу красоваться на этом фоне. Но обсуждение – это обсуждение, а не совокупность критических или комплиментарных оценок. Начиная обсуждать, я должен соотнести тему и ситуацию. В чем-то я уже соотнес, назвав ситуацию «русским адом». Но этого недостаточно. Теперь надо соотносить все то же самое – но уже не экзистенциально, а аналитически. Это ведь и значит обсуждать, правда ведь? И что получится?

Увы, слишком легко может получиться, что это обсуждение все равно начнут рассматривать как выражение определенной однозначной позиции. В этом случае вопрос: «С кем вы, мастера культуры?» – полностью уничтожит то, что только и может составлять предмет обсуждения. А для меня этот предмет невероятно важен.

А ну, как я его угроблю, сопрягая общее со слишком лакомыми кое для кого частностями?

А ну, как контекст, сплетенный из этих частностей, и впрямь пожрет текст? Бог бы с ним, с текстом.

А ну, как он тему пожрет – однажды и навсегда?

Вот этого допустить нельзя.

Выходит, что обсуждать и надо (ведь нельзя уходить от обсуждения острых и живых конфликтов), и не надо (нельзя, чтобы острота частных конфликтов притупила другую остроту – остроту переживаемой нами макросоциальной коллизии).

Все то, что предьявлено в статье в качестве содержания, я могу обсуждать лишь с оглядкой на эти методологические ограничения. Но к методологии все не сводится. Виктор Васильевич Черкесов предьявил

не только некое отчужденное от него содержание. Он предъявил себя самого как личность. И тут уже дело не в методологических, а в психологических рамках. Без оглядки на которые тоже невозможно никакое продуктивное обсуждение.

Ведь личность автора в подобных случаях не может быть выведена за скобку. Тут важно не только что сказано, но и – кем сказано. Личность Виктора Черкесова неразрывно связана с ситуацией, которую он обсуждает. Ну, и ..?

ЛИЧНОСТЬ И СИТУАЦИЯ

Наблюдая как аналитик за деятельностью Виктора Черкесова, начиная с ранних 90-х, я имел возможность убедиться в том, что данная личность (поскольку она может быть реконструирована, так сказать, «по делам своим») вызывает у меня скорее симпатию.

Но тут важно оговорить, что я подразумеваю под наблюдением. На основе какого материала даю оценку. Я даю оценку на основе отстраненного материала, которым может обладать аналитик, занятый определенными петербургскими сюжетами, в которых Виктор Черкесов тем или иным образом себя проявил.

Такого рода материал великий психолог и философ Гуссерль называл «рационально-рефлексивным». А лермонтовский герой, иронизируя над собой как субъектом чистой рефлексии, писал: «И какое мне дело до радостей и бедствий человеческих? Мне, странствующему офицеру, да еще с дорожной по казенной надобности...»

Что имел в виду Гуссерль? Да и Печорин, созерцая себя со стороны как наблюдателя, соприкасающегося с фантастически острыми событиями в провинциальной Тамани, куда он ненароком попал в ходе своего путешествия...

Гуссерль прямо и с научной категоричностью, а Печорин с лирической самоиронией указывали на то, что есть рефлексия, а есть перцепция. Перцепция – это глубокая сопричастность. Она требует вхождения внутрь того круга, в котором действуют акторы и разворачиваются события, глубокого погружения в их атмосферу, контекст, обстоятельства, частности.

Всего этого у меня категорически нет. А вне этого возможна только рефлексия. Позволяет ли она сделать какие-то окончательные выводы? Нет, не позволяет. Значит ли это, что вообще нельзя высказывать никаких суждений? Никоим образом. Высказывать их можно и должно. Иначе оказалось бы, что все оценки должны быть делегированы только близким друзьям и родственникам. А это, согласитесь, неправильно.

Я не являлся, например, близким родственником или другом Юрия Владимировича Андропова, а также членом его команды. А также его личным секретарем или шофером. И вообще не был с ним знаком. Значит ли это, что я не могу оценивать личность? Ее действия? Мотивы этих действий? Никоем образом. Я только должен знать, что эти мои оценки будут лишены той нюансировки, которую может придать опыт глубокого личного соприкосновения. Ну, нет у меня этого опыта... Ну, не будет этих нюансировок – и что?

В чем-то при этом мои оценки могут быть глубже, чем оценки тех, кто оперирует перцепцией: личным опытом и порожденной им тонкой и детальной нюансировкой. А в чем-то они всегда будут недостаточны. И я должен, делая их, одновременно понимать, что они необходимы, но недостаточны.

С указанной оговоркой могу сказать, что у меня сформировалось представление о Викторе Черкесове как о человеке вполне цельном, сдержанном, осторожном. И при этом способном к очень рискованной игре в ситуации, когда эта игра ему представляется эффективной. К тому же все, что я знаю, ну никак не свидетельствует в пользу причастности господина Черкесова нынешней административно-предпринимательской моде.

Называя данное веление времени столь корректно и не употребляя термин «коррупция», я намеренно дистанцируюсь от манихейского противопоставления: мол, Черкесов не коррумпирован, а его противники погрязли в коррупции.

Я всего лишь констатирую, не говоря, хорошо это или плохо, то, что мне кажется несомненным. Что Черкесов во всех (во всяком случае, мне известных) эпизодах, еще с начала 90-х годов, упорно (а иногда даже резко и грубо) противопоставлял себя тому, что так свойственно нашей эпохе первоначального накопления. Мол, «если хотите – накапливайте себе на здоровье, а я сижу и занимаюсь своим профессиональным делом». И не он единственный, набычившись, взял подобную установку.

Одно родственное Черкесову по виду деятельности близко знакомое мне высокое административное лицо настойчиво говорило в 1996 году, что единственная цель его деятельности – понемногу подрезать крылья преступности. Я с недоумением спрашивал: «А если преступность – это все, что нас окружает? В элитном смысле, разумеется... То как Вы хотите, чтобы по одну сторону баррикад было это "все", а по другую – Вы? Причем как романтический герой-одиночка, занимающий высокий должностной пост?»

Сравнивая своего знакомого с неким легендарным тогда спецслужбистом, считавшимся самым влиятельным в стране (назову его «имя-

рек»), я говорил знакомому: «Имярек, в отличие от Вас, твердо решил, что поскольку преступность – это все, то он ее разделит на "хорошую" и "плохую". "Хорошая" – это русская. "Плохая" – кавказская. А дальше начнет действовать соответственно. В этом есть логика. А в Вашем поведении я ее не вижу».

Говоря все это, причем довольно резко, я наткнулся на ответную резкость моего знакомого. На его холодный колючий взгляд. На его невнятные рычания: «Не хочу, не буду, не буду, не хочу».

Ну, не захотел – и что? Некий шанс вмешаться в происходящее был утерян. Это даже не обернулось личной катастрофой. Может быть, этот шанс и не был ценен? Но тогда бессмысленно говорить о миссии. Или даже о стратегической цели.

Между тем в определенных исторических ситуациях моральный и даже морально-профессиональный императив уже ничего не значит. Человек либо обретает миссию и судьбу (победоносную, трагическую – любую), либо отсеивается. Место, в которое он после такого испытания отсеивается, может быть почетным и даже нужным. Например, это может быть Государственная Дума. И что? Отсев, он и есть отсев. Процесс – сам по себе, тот, кто сказал ему нет, – сам по себе.

В каком-то смысле это отказ от исторической роли. Историческая роль приобретает не в силу каких-то экстраординарных интеллектуально-волевых качеств. Иногда этот исторический вызов принимает человек, который в любой другой ситуации был бы более зауряден, чем те, кто отказывается от роли. Это очень тонкий и не до конца рациональный отсев. Он же калибровка, разбраковка etc. В фокусе такого процесса – этот самый «дух времени», своего времени. Другого тебе никто, увы, не предложит.

Если апелляция к исторической роли для кого-то чересчур патетична, можно понизить градус. И сказать об участии в Большой Игре. Кто-то участвует. А кто-то отказывается от Игры. И тогда Игра идет без него. Высший класс – изменить правила Игры. Но это возвращает нас к патетике. И той же исторической роли.

Резкое отстранение Виктора Черкесова от «духа времени», видимо, не пиар, а его органика. Он, как мне кажется, «на том стоит».

Могу ошибиться в этом, ибо оцениваю все на основе чистой рефлексии. Но думаю, что не ошибаюсь. Слишком много было эпизодов, в которых данное лицо могло приобрести совсем иные возможности, приобщись оно к этому специфическому «духу».

Подобная констатация вызывает у меня двойственное чувство.

С одной стороны, я не могу не симпатизировать такому отстранению от духа времени, поскольку этот дух мне самому глубоко отвратителен.

С другой стороны, не могу понять, как можно, отстранившись в такой степени, играть большую игру, ставки в которой носят сейчас слишком определенный характер. Ведь Виктор Черкесов не герой романа Войнич, он не Овод. Не Че Гевара. Он чиновник высочайшего ранга. Пафос его статьи в том, что он, находясь в этом качестве, хочет попытаться исправить Систему.

Но Столыпин тоже когда-то пытался исправить Систему. Весь вопрос в том, исправима ли эта Система в принципе. И может ли она быть исправлена на базе столь глубокого отстранения от всех ее фундаментальных свойств, формирующих тенденции, алгоритмы, подходы, форматы и прочее.

Мне кажется, что в игре побеждает тот, кто перестает чураться своего времени. Каково бы оно ни было. Потом, слившись с ним, как всадник с конем, герой может повернуть время. А может и двигаться в заданном до этого направлении.

Но как может быть иначе? Что значит в политическом смысле противопоставить себя времени, сколь бы плохо оно ни было, в тот момент, когда другие такого противопоставления не делают? Я вовсе не хочу петь осанну этим другим. Я вообще не использую тут оценочного метода. Я уже объяснил почему, сказав по поводу «русского ада».

Итак, другие – в ладу со временем. И что делать будем?

Повторить следом за великим кавказцем: «Что дэлать будем? Завидовать будем!» – я не могу. Потому что нет в душе моей этого чувства зависти. Нет страсти к сопричастности «духу времени». Но я понимаю... Словом, если переходить от экзистенциальных образов (таких, как «русский ад») к аналитическим образам, то следует сказать, что я, как аналитик, до боли понимаю: **первоначальное накопление капитала не может не быть преобладающей (а в чем-то доминирующей) функцией той элиты, которая сложилась в постсоветской России.**

ДОМИНИРОВАНИЕ СИТУАЦИИ НАД ТЕМОЙ И ЛИЧНОСТЬЮ

Я описал это еще в книге «Постперестройка», предсказав все качества постсоветского периода. Теперь они реализованы на 300 процентов. И весь процесс разворачивается именно в рамках такой «гиперреализации».

Это не значит, что все воруют. Это значит, что все движутся в колее первоначального накопления. А кто не движется в ней, тот, как я уже говорил выше, отказывается от исторической роли... выходит из игры... В любом случае – отсеивается.

Я не вижу реальных тормозов, способных сдержать данный процесс. Вполне понятно желание Виктора Черкесова обсуждать подобные тор-

моза. Но я не понимаю, откуда они возьмутся. Пока что тенденция – однонаправленная. Тормоза сломаны. И как именно их хочет починить автор, мне неясно. Впрочем, ему виднее.

То, что эта тенденция гибельная... С этим я абсолютно согласен. То, что ей надо бросить какой-то вызов... То, что ее надо хотя бы обсуждать... Все это, безусловно, так.

Но есть то, что есть. «Русский ад» или первоначальное накопление – это уж как кому нравится. Главное, что тенденция перекрывает собою любое моральное содержание. Даже такое острое, которое предложил нам Виктор Черкесов.

Что? Я слишком изысканно выражаюсь? Возможно, вы правы. Ну, так я скажу грубее и резче.

Глядя на разворачивающийся ужас, я вынужден сказать, что «теперича не то, что давеча». И что, имея этот ужас в качестве всеобъемлющего «теперича», вдруг с изумлением понимаешь: тебе уже глубоко наплевать на то, кто чист, а кто нечист. Наплевать, причем с высокой горы, сколько именно украли или не украли в «Трех китах». Наплевать, сколько кто «срубил» на операциях с китайской контрабандой. Да, есть те, кому не наплевать. Это романтики, которых я уважаю. И это интересные, которым не «отстегнули». А остальным наплевать.

Черкесова я могу в силу всего вышеописанного отнести, как это ни покажется странным, к романтикам. И я настаиваю на этой оценке.

Ему не наплевать по этой причине. Кому-то – по другой. Как там говорил городничий у Гоголя? «Не по чину берешь»?

Узок круг романтиков. Не широк круг обиженных интересных. А остальные... Когда-то эти остальные выходили на улицы при первых разоблачениях Гдяна и Иванова. Где те времена? Они ушли безвозвратно. И не только потому, что люди скурвились. Просто шибает серой в ноздри. Дышит в затылок этот самый «русский ад». Повизгивает, похохатывает... Вот и имеем то, что имеем.

Может быть, я ошибаюсь? О, как бы я был рад ошибиться! А если я не ошибаюсь, что тогда?

В любом случае я-то исхожу из этой своей прискорбной оценки. И я эту оценку не намереваюсь скрывать. А другие пусть скрывают. Они, другие эти, в силу своего положения, не только имеют право скрывать – они обязаны это делать. Вот уж и вправду – положение обязывает.

Высокие должностные лица – они... Во-первых, они высокие. Во-вторых, должностные. В-третьих, лица... На них наведены соответствующие международные окуляры. Им предстоят выборы. Так пусть они и осторожничают. А я не буду. И договору до конца.

Итак, мне наплевать, кто сколько и по какому эпизоду украл. Или не украл, а «прихватил». Или не «прихватил», а «первоначально накопил», называйте как хотите.

Мне на это наплевать сразу по двум причинам.

Во-первых, я глубоко убежден, что каждая молекула нынешней элитной жизни пропитана именно этим самым соком первоначального накопления. Хотите называть его воровством? Пожалуйста, называйте. Но я его так называть не буду. И самое мерзкое для меня в том, что сейчас самые громкие «ахи и охи» по поводу воровства исторгают именно те либералы и оппозиционеры, которые упорно толкали страну на этот путь и ломали все механизмы, способные хоть что-то затормозить. Сейчас, когда уже стало ясно, что тормозов нет (или они устроены весьма специфически, наподобие клина, которым клин вышибают), эти люди вдруг «прозрели». Они прозрели все сразу. Как по команде. Они переквалифицировались в борцов с коррупцией и защитников трудящихся!

Эти перестроечные «властители дум», которые (могу поименно перечислить и подробно процитировать) утверждали, что нет бедных, а есть лентяи и что любая социальная защита – это «совковая» муть, ныне возглавили ряды защитников обездоленных. Эти позднесоветские элитари, говорившие о том, что любой бедняк – маргинал и деградант, заслуживший свою участь, теперь хотят оседлать справедливый социальный протест.

Вчерашние социал-дарвинисты срочно переквалифицируются в защитников прав трудящихся. Энергия протеста однажды уже была использована для обрушения государства. Теперь хотят исполнить все тот же номер «на бис». «Заказчик» отслеживает процесс и дает точные задания исполнителям. Остальные самоустраиваются.

Власть играет по неозастойным правилам. Пусть пока эта игра успешна. Мы знаем, что такой успех – это, по определению, «временка». Застоя не бывает. Есть закон сохранения социальной энергии. Вытесненная с поверхности, эта энергия уходит на глубину. И там – мутирует.

Патриотическая оппозиция в ответ на необрежневизм заржала, как боевой конь при звуке трубы.

В итоге Немцов вот-вот начнет выигрывать у Проханова. И что прикажете делать?

Воспевать «сок» первоначального накопления я не могу. Становиться в ряды тех, кто, соорудив подобное общество, запоздало обнаружил, что сооруженное не ахти, что «сок первоначалки» не нектар и амброзия, тоже не могу. Потому что очень хорошо понимаю, как эти ряды устроены.

Так что же я могу? Я могу называть вещи своими именами. И выкликать эти имена на всех базарах. Так учил великий Конфуций. Но каковы же тогда настоящие имена? «Три кита»... «Китайская контрабанда»... Еще более масштабные штуки... Это что? Это чье-то частное воровство в особо крупном размере? Так в том-то и дело, что оно по факту уже не является воровством. Это страшная часть страшного и абсолютно гнилого процесса первоначального накопления. Внутри этого процесса полным ходом формируется олигархия. Слышите? ОЛИГАРХИЯ!

Березовский, Гусинский, Невзлин, Ходорковский и прочие не были олигархами. Как не являются ими оставшиеся и даже преуспевающие элементы так называемого «околосемейного» бизнеса. Это все вторичные элементы нынешней Системы. Ее «кабанчики». Ее дистрофичные кошельки. А первичные элементы олигархичны постольку, поскольку они соединяют в себе два начала, формирующие олигархию (рис. 1).

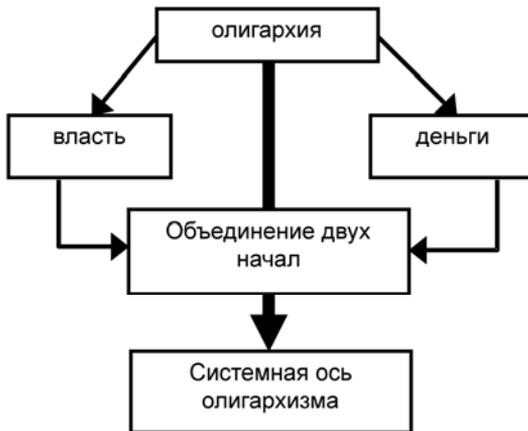

Рис. 1

Эти начала – власть и деньги. Как только они образуют симбиоз, начинается реальный олигархизм. Симбиоз налицо. А это значит, что олигархизм уже сформирован. Все, что дальше будет разворачиваться, окажется подчиненным его динамике. Его системным кодам.

Не находясь внутри этой Системы, управлять ее динамикой невозможно. А она такова, какова она есть. Олигархизм может добить Систему. И тогда она рухнет всем нам на голову. Мало не покажется никому. Все, кто думает, что это будет напоминать 1991 год, глубоко ошибаются. Это будет кровавая разборка на одной шестой планеты, в которую

очень быстро начнут вмешиваться сторонние силы. Их вмешательство вряд ли будет эффективным. Хаос будет клубиться достаточно долго. И оставит в наследство тем, кто будет претендовать на статус наследника, жалкие остатки некогда великой державы.

Кровавый ужас станет уделом десятков миллионов. Что такое по отношению к этому ужасу что-то конкретное воровство (прошу прощения – «первоначальное накопление»)?

Вопрос один. Может ли олигархизм что-то другое? Возможны ли тут рамки, управляющие механизмы, достройки, трансформационные процедуры? Очищением все это никак не может исчерпываться. Если все (то есть социальный мейнстрим) – это грязь, то скажите на милость, что такое ее очищение?

Вопрос не в очищении. И не в том, как нам теперь достичь блага.

Вопрос в том, как нам не допустить ужаса. А блага уже не будет. Вы о нем забудьте, пожалуйста. Пусть оно вам снится. Но вы должны твердо знать, что наяву мы с вами его уже не увидим. Может быть, наши внуки увидят. Но мы можем увидеть ужас без берегов. А можем попытаться ввести этот ужас в какие-то рамки. Ну, так и надо обсуждать эти рамки... А для того, чтобы их обсуждать, надо соотнести ситуацию (первоначальное накопление, олигархизация и т.п.) с некими историческими прецедентами. Потому что вне их эта ситуация может сначала раздавить наше моральное чувство, а потом и лишить нас разума. Или, если точнее, интеллектуального мужества. Но да не будет так. И потому давайте все-таки посмотримся в прецеденты.

ПРЕЦЕДЕНТЫ

Виктор Черкесов апеллирует к историческим прецедентам. Его противопоставление «воинов» и «торговцев» имеет смысл только при наличии таких прецедентов. Я понимаю, что он не может в острейшей публицистической статье эти прецеденты даже предъявлять. И уж тем более рассматривать. Но я-то не могу их не предъявлять. И тем более не рассматривать. Иначе обсуждение провисает. И размывается на частности или пошлости.

Так каковы прецеденты? Или даже не прецеденты, а прецедент?

Прецедент – кастовое закрытое общество вообще и индийское кастовое закрытое общество, к которому постоянно апеллируют все, кто в разной интонации обсуждает разницу между воинами и торговцами.

Сразу напомню, что Виктор Черкесов, применив определенный образ или метафору, немедленно оговаривает, что ему лично не слишком симпатична та социальная философия закрытого общества, в рамках которой этот образ (или метафора) возникли и укрепились.

Но поскольку Черкесов (настойчиво дистанцируясь) называет эту социальную философию «кастовой», то я имею все основания предполагать, что автор адресует нас к системе, в которой воины именуются кшатриями, а торговцы – вайшьями. В той кастовой системе путаница в том, что касается рода деятельности, действительно является смертным грехом.

Однако эта система никак не сводится к двум кастам – торговцам и воинам. Над торговцами и воинами есть брахманы. То есть жрецы. На современном языке – идеологи. А под этими двумя кастами есть работники – шудры. А также внесистемные элементы. То есть неприкасаемые – парии.

Поскольку Черкесов к этому апеллирует (а мне кажется, что он апеллирует именно к этому – к чему же другому?), то надо соотнести его усеченную модель с полной моделью. Если глава Госнаркоконтроля апеллирует к чему-то другому, то я приношу свои извинения. Но вряд ли есть другой прецедент, в котором два упомянутых им кастовых элемента фигурируют в том соотношении, которое он рассматривает (рис. 2).

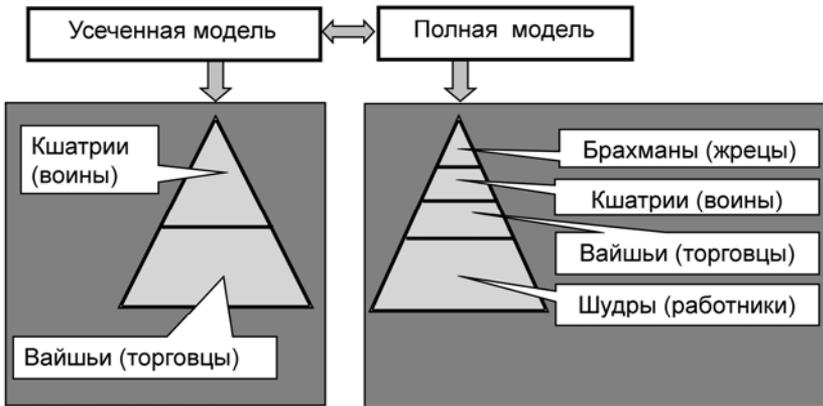

Рис. 2

В принципе, и эта модель не является полной. Потому что есть сакральность, без которой модели нет. И есть некое земное воплощение этой сакральности. Богоподобный царь. Не царь как помазанник, а царь как часть священной иерархии. Как воплощение невоплощаемого.

Здесь я вкратце все-таки должен описать тот полный кастовый прецедент, к которому адресует в своей статье глава Госнаркоконтроля. Поскольку это в дальнейшем окажется политически значимым. Итак, кастовая система в ее, так сказать, каноническом исполнении.

Самое первое и раннее упоминание о варнах содержится в ригведийском гимне «Пурушасукта», в котором повествуется о происхождении варн из частей тела мифического первочеловека Пуруши. Брахманы – из уст, кшатрии – из рук, вайшьи – из бедер, шудры – из ступней.

Варна брахманов (*brahmana* – «знающий священное учение») занимала верховное положение. Сюда входили представители родов, которые выполняли жреческие обязанности, и царских родов. Установлению социального превосходства брахманов над другими членами общества способствовала мифическая теория их происхождения. Так как брахманы были созданы из самой «чистой» части тела Брахмы, то боги общались с людьми устами брахманов. Судьба людей зависит от бога, а узнать божью волю и воздействовать на нее могут только брахманы. Им было предоставлено исключительное право совершать жертвоприношения, основные обряды, знакомить людей со священными писаниями. Считалось, что они достигли высшей степени совершенства.

Пользуясь тем, что им была доверена духовная жизнь народа, они стремились закрепить свое привилегированное положение в обществе, приписывая себе божественное происхождение. В древние священные книги – шастры – были включены предписания, которые подчеркивали исключительность брахманов по сравнению с другими представителями индийского общества. Брахманы были освобождены от повинностей, сами распоряжались своей собственностью. Убийство брахманов было самым большим грехом.

Следующая по схеме сословной иерархии была варна кшатриев (*ksatruya* – «наделенный могуществом»), в которую входила военная знать. Эта варна располагала реальной властью в индийском обществе, так как имела в своих руках материальные ресурсы и военную силу. Сословие царей и воинов было призвано устанавливать земные законы в соответствии с метафизическими принципами и поддерживать порядок в интересах всего общества и, прежде всего, касты жрецов.

На третьей ступени стоят *вайшьи* – земледельцы, ремесленники и торговцы. Они реализуют установленный брахманами и кшатриями порядок на уровне материального интереса. Вайшьи также входят в число высших каст («дваждырожденных»). Каждая из этих трех каст имеет свои соответствующие инициатические ритуалы.

Последняя традиционная каста – *шудры*, рабы, которые должны подчиняться трем высшим кастам и осуществлять низшие функции в структуре общества (т.е. работать). Они не имеют никакой символической цели и в древности считались максимально близкими к полуживотным существам.

Возможно, с самого начального периода утверждения кастовой системы внутри нее началось сопротивление ее основным установлениям.

Сначала сами *брахманы*, добиваясь закрепления окончательной исключительности своего положения, начинают искажать в свою пользу идею каст как механизма относительного социально-структурного равновесия. Против такой деградации восстают *кшатрии*, цари и воины, уверенные в возможности исправления сложившегося кризиса собственными силами. Эти силы действительно позволяют несколько сдерживать историческое сползание за счет установления имперского порядка. Но порядок *кшатриев* также оказывается неустойчивым в силу внутренней конфликтности касты кшатриев. Увеличивается количество *удельных князей*, нарастает конфликтность между ними, что разрушает единую власть в государстве. Тогда верх одерживает следующая каста – *вайшьи* – торговцы и буржуазия.

Все это важно, поскольку такой авторитет, как Рене Генон (а значит, и все, кто на него опирается, а это круг влиятельных современных политиков и экспертов), распространяя эту индуистскую модель на западное общество, соотносит ситуацию вытеснения кшатриев вайшьями с победой буржуазно ориентированного масонства над воинским Орденом тамплиеров.

В российской новейшей истории мы можем говорить, например, о борьбе Березовского с Коржаковым, в которой Коржаков выступал как кшатрий и потерпел поражение от совокупных вайшьев. Это был очень острый момент. Но почему в этот момент вайшьи могли на что-то претендовать? Потому что они ненадолго прикинулись брахманами, подписав пресловутое «Письмо 13-ти». Вскоре оказалось, что они пошутили. И что вайшьи – они и есть вайшьи. Как только это выяснилось, кшатрий по фамилии Путин блистательно разгромил вайшьев, отправив кого-то на нары, а кого-то за рубеж. Так что мы никак не можем рассматривать коллизию кшатриев и вайшьев только как дела давно минувших дней. Да в противном случае мы бы и не стали ее рассматривать.

И тем не менее исторические детали необходимы.

Восставая против кшатриев, вайшьи, по мнению Генона, пытаются остановить кшатрийскую деградацию путем придания приоритета сугубо экономическим законам существования государства. Но усиление экономической эксплуатации с их стороны в результате приводит к «восстанию *шудр*», рабов.

Если кто-то считает, что теория Генона мне хоть как-то близка... Мне она близка не более, чем Черкесову кастовое общество древности. И все же я не могу не оговорить подобные обстоятельства. Иначе мы не содержание обсуждаем, а кости перемываем, подобно всем

остальным. А вот это для меня как раз и недопустимо, и неэффективно одновременно.

Итак, еще кое-что по поводу подлинного исторического контекста.

Имеется много свидетельств о соперничестве между кшатриями и брахманами за привилегированное положение в обществе. Кшатрии постоянно оспаривали главенствующее положение брахманов, утверждая, что брахман не владыка и что жрец – только слуга царя.

Борьба брахманов и кшатриев отражена в мифологии и эпической поэзии Индии.

Так, в мифе о Парашу-Рама (Рама с топором), одном из аватар (воплощений) Вишну, Рама явился в мир для обуздания тирании кшатриев, от которых он очищал землю двадцать один раз, с тем, чтобы отдать ее брахманам. Несомненно, что в этом мифе отразилась реальная историческая борьба кшатриев и брахманов за первенство. А также роль царя в подобной борьбе.

С другой стороны, в одной из частей «Махабхараты», посвященной родословной Кришны (земной ипостаси Вишну), есть эпизод, отражающий амбиции набравшей силу касты кшатриев. Кришна, как его называют, «индийский Геракл», воин и наставник в воинском искусстве главного героя «Махабхараты», убеждает пастухов отказаться от приношения жертв ведийскому царю богов Индре, поскольку всем, что они имеют, они обязаны не ему, но только лесам и горам. Разгневанный Индра посылает убийственный ливень, от которого Кришна в течение недели защищает своих подопечных, держа над их головами как зонтик гору Говард-хана. И громовержец Индра, «индийский Зевс», вынужден признать приоритет Вишну и Кришны как его аватары.

Обе великие поэмы – «Махабхарата» и «Рамаяна» – несомненно, вышли из среды кшатриев, поскольку вишнуизм (религия кшатриев) отражен в них несравненно ярче: «Рамаяна» вся посвящена истории аватара Вишну-Рама, а в «Махабхарате» другой аватар, Вишну-Кришна, является одним из ведущих героев поэмы.

Однако в них можно найти множество следов возвеличивания шивизма, религии, которая к тому времени стала связываться с кастой брахманов. «Махабхарата» отразила и соперничество богов, вплоть до открытого сражения между ними. В тех местах поэмы, где поработала рука брахманов, Шива отождествляется с Вишну и даже его превосходит. Тем не менее места с положительным изображением Шивы явно более поздние и в основном тоне «Махабхараты» отношение к Шиве отрицательное. Таким образом, в первой половине первого тысячелетия до нашей эры, когда создавалась «Махабхарата», соперничество богов

(а значит, каст и социальных групп, ими символизируемых) было в полном разгаре.

В реальной истории Индии также можно найти следы борьбы каст, и даже один большой исторический период, который можно назвать «восстанием кшатриев против брахманов». Речь идет об эпохе династии Маурьев и создании ими огромной державы в VI–V веках до нашей эры.

Это был период, когда Индию, состоявшую из множества мелких княжеств, захватили Ахемениды, а позднее (327–325 г.г. до н.э.) – Александр Македонский. Сопротивление греко-македонским захватчикам возглавил выдающийся индийский полководец Чандрагупта. По одним версиям, он происходил из касты кшатриев, по другим, распространяемым его врагами, – из касты шудр. Он правил с 321 по 298 г. до н.э. и явился основателем могущественной державы Маурьев.

Чандрагупта за свое долгое правление объединил под своим началом почти всю северную Индию. Завоевательная политика продолжалась и при преемниках Чандрагупты, в особенности при его внуке Ашоке (273–236 гг. до н.э.). В результате была создана огромная держава Маурьев, охватившая почти всю Индию, за исключением самой южной окраины.

Чандрагупту и его преемников все меньше удовлетворял господствующий брахманизм, прежде всего, из-за поддерживавшегося им резкого деления на обособленные варны с главенством жречества. Кроме того, в огромном государстве с развивающейся торговлей роль третьей варны (вайшьев – купцов) значительно возросла и вайшьи требовали увеличения своих прав. Цари династии Маурьев стали привлекать на службу нужных им людей, не считаясь с их происхождением.

Кроме того, со старой системой брахманизма стали соперничать новые религиозные учения, соответствующие духу времени – джайнизм и буддизм. Если основатель династии Чандрагупта стал в конце жизни приверженцем джайнизма, то его внук Ашока выбрал еще более радикальный буддизм и сделал его государственной религией. Буддизм не интересовался происхождением лиц, вступивших в общину, – ни племенная принадлежность, ни варна, в которой состоял человек, не могли препятствовать его обращению в новую веру.

Кшатрии стояли, если можно так выразиться, за спиной и джайнизма, и буддизма. Сами учителя, проповедовавшие эти учения, происходили из кшатриев. И вся каста, атакуя брахманов, вполне готова была расстаться с правящей брахманистской религиозной идеологией. То есть в каком-то смысле в ядром собственной аутентичной цивилизации.

Вам это ничего не напоминает? Разве это не рождает ярких ассоциаций из современной эпохи? Мы видим: нет ничего нового под луной.

В современной Индии, продолжающей оставаться по преимуществу кастовой страной, также можно найти отголоски борьбы каст. Так, созданная в 1925 году «Раштрия сваямсевак сангх» («Союз добровольных служителей нации» – РСС) стала фактически кшатрийской боевой организацией. Правда, свои усилия она направила на борьбу с индийским исламом. Идеологической основой РСС является коммунизм (довольно внятный аналог национал-социализма, но с ярко выраженной религиозной спецификой). В настоящее время РСС насчитывает свыше 4-х миллионов активистов, в основной массе представляющих студенческую молодежь. Собираясь 2–3 раза в неделю, активисты организации занимаются спортом, боевой подготовкой, разучивают приемы владения холодным оружием.

С марта 1964 г. РСС возглавляет выходец из кшатрийской кастовой среды Раджендр Сингх, длительное время преподававший ядерную физику в Аллахабадском университете. Кшатриями по статусу являются и другие руководители высшего звена РСС.

В 1992 г. активисты РСС совместно с другими индусскими радикалами снесли знаменитую мечеть Бабура в городе Айодхье (штат Уттар-Прадеш), построенную исламскими завоевателями на месте храма бога Рамы. Эта мечеть несколько столетий воспринималась как символ национального унижения индусов. Ответом на акцию стала волна страшной резни, спровоцированной исламистами, во время столкновений погибло свыше двух тысяч человек. Правительство Индии запретило РСС и ряд других арийских радикальных партий. Однако следует отметить, что действия РСС спровоцировали стремительное политизирование культа бога-героя Рамы, рассматриваемого в ряде ариософских доктрин в качестве древнего вождя Белой Расы. Сегодня рамаизм становится своеобразной национал-религиозной идеологией.

На этом позвольте завершить адресацию к прецедентам. Для тех целей, ради которых она осуществляется, сказанного более чем достаточно. И я совершенно не хочу вдаваться в детали.

В самом деле, если нет желания затаскивать Россию в феодальную кастовость, зачем обсуждать тонкую структуру подобной кастовости? Но, может быть, Черкесов собирается делать нечто подобное? Сомневаюсь!

Так что же делает Черкесов? Он использует противопоставление воинов и торговцев как метафору, позволяющую раскрыть современную ситуацию.

У нас на памяти были случаи, когда кшатрии (и не худшие по нынешним временам), впадая в соблазн вайшьев, осуществляли самоподрыв. Ведь если вы помните, и Коржаков-то по сути начал рушиться тогда, когда написал знаменитое письмо Черномырдину и ультимативно

сказал этому «вайшь» из ТЭКа, что, мол, надо делиться. И тут же коржаковское начинание стало проседать. «Кшатрий» начал превращаться в «вайшью», а в итоге было потеряно все. В том числе и шансы на то, что поделится.

Итак, в статье В.Черкесова имеет место не прецедент как средство для моделирования, а метафора как средство понимания современности.

Сказано: судите художника по законам, которые он для себя выбрал. Так я и сужу. То есть сам использую данное кастовое описание как метафору, и не более. Сам затачиваю это на нашу грешную современность. И что тогда получается?

МЕТАФОРА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Получается, что «брахманы» на уровне метафоры, отражающей современность, – это ЦК КПСС (например, секретарь по идеологии М.А.Суслов). А «кшатрии» – это на аналогичном языке КГБ СССР (рис. 3).

Рис. 3

Армия? В течение многих десятилетий армия была выведена за рамки политических амбиций. Даже ее наиболее амбициозные части, которые Черкесов деликатно называет системными конкурентами (таково мое личное прочтение, на котором я отнюдь не настаиваю). Даже эти спецкомпоненты огромной деполитизированной и омещанной со времен Хрущева машины прятали свои амбиции так глубоко-

ко, что можно говорить о политической безамбициозности всей военной системы. А политическая безамбициозность не может претендовать на «кшатризм». Отсутствие подобных претензий дополнительно подтвердила так называемая перестройка. А также 1993 год и последующие события.

А поскольку я рассматриваю сейчас эпоху КПСС, то ясно, что «кшатризм» – это нечто, относящееся скорее к КГБ. К этому самому «чекизму». Причем не к «чекизму» как целому. И не ко всем высоким фигурам, руководившим советской госбезопасностью. Поскольку я все же не занимаюсь энциклопедическим рассмотрением вопроса, а хочу оставаться в определенных прикладных рамках, то некая констатационность не просто допустима. Она необходима. Потому что без нее надо будет доказывать все подряд. Кроме того, там, где есть метафоры, невозможны понятийные доказательства. Концептуальность и академизм – принципиально разные вещи.

Итак, я не буду доказывать, почему настоящим и стопроцентным «кшатрием» был именно председатель КГБ СССР, а позднее и генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Владимирович Андропов. Я просто скажу, что для меня это так. И не для меня одного.

Говорю об этом без апологетики или демонизации. Непросто быть кшатрием. И по моим условным критериям, Андропов им, безусловно, был. Он – я абсолютно убежден в этом – готовил восстание кшатриев против брахманов, будучи убежденным, что брахманы липовые, порязшие в мракобесии, в никчемности, в несоответствии духу времени. И в этой своей оценке он был прав.

Он был глубочайше неправ в другом. В том, что общество в принципе может обойтись без брахманов. Тем более то общество, которое сложится на руинах системы, обрушенной восстанием кшатриев. Но Андропов готовил такое восстание. Он не успел его подготовить до конца. А главное – не возглавил его.

То, что осуществлялось в виде так называемой перестройки, было (а) осуществлением плана Андропова, (б) искажением этого плана и (в) наложением на искаженный план чужих планов, которые изначально были в основной план изысканным образом встроены.

Дело в том, что замкнутые системы, подобные советской, разрушает не активность масс, а антагонизм между уровнями в элитной иерархии. Это знает каждый социолог. У меня нет никаких оснований считать, что американские социологи не понимали подобных азбучных истин. Или что они не сумели довести это свое понимание до начальства – как политического, так и спецслужбистского.

Единственный шанс на разрушение советской империи был связан с крахом коммунизма как основания империи. Единственный шанс на крах коммунизма и КПСС (а значит, и на разрушение империи) был связан с восстанием кшатриев.

У кшатриев были свои основания для восстания. Эти основания могли фундаментальнейшим образом отличаться от происков ЦРУ и американского империализма. Но ЦРУ и американский империализм не могли не понимать, что единственный шанс на избавление от советского сверхдержавного конкурента связан с вышеупомянутым восстанием кшатриев. Это восстание надо было (а) использовать и (б) извратить. Было сделано и то, и другое.

Петербургские сюжеты, по которым я могу формировать свою оценку личности В.Черкесова и мотивов его административно-политического поведения, известны мне как совершенно стороннему наблюдателю. Но я как-то их отслеживал. Поскольку, во-первых, в какие-то годы достаточно глубоко взаимодействовал с нехудшими представителями ленинградской партийной номенклатуры, ставшими функционерами постсоветской региональной системы. И, во-вторых, предполагал возможность возвышения ленинградцев в рамках постсоветского процесса. И считал это возвышение отнюдь не худшей из возможностей.

Итак, эти сюжеты я знаю относительно – со стороны. А вот сюжеты перестройки я знаю изнутри. И в совсем иной степени. И категорически могу утверждать, что все национальные движения в союзных республиках, а также многие другие политические движения (прежде всего радикальные), обрушившие СССР, находились под абсолютным контролем «кшатриев», которые были твердо уверены, что надо добить «брахманистскую» гнилую гадину, а потом строить что-то новое на ее трупце.

Новое оказалось гайдаризмом-ельцинизмом. Ничто другое и не могло быть построено при столь тотальной зачистке как самого «брахманизма», так и всех его оснований. Да, именно всех оснований!

И это самый больной вопрос, к которому сейчас необходимо переходить.

КШАТРИИ И КАРНАВАЛ

Если бы «кшатрии», восстав, то есть осуществив гэбэшный переворот, расстреляли всю коммунистическую номенклатуру и утвердили какой-нибудь внятный авторитаризм или даже демократию, то это было бы полбеды. А возможно, и вообще бедой бы не было. Но они поступили иначе.

КАЧЕЛИ

Они начали так называемую карнавализацию, построенную по следующему принципу.

Красные брахманы живы постольку, поскольку жив Красный Смысл.

Красный Смысл жив постольку, поскольку жив Смысл вообще.

Смысл жив постольку, поскольку живо Идеальное.

Если уничтожить само это Идеальное и все его предпосылки, то срывается большое домино.

Гибель предпосылок Идеального завалит Идеальное.

Идеальное, завалившись, завалит смыслоцентризм.

Смыслоцентризм, завалившись, завалит Смысл как таковой.

Смысл как таковой, завалившись, завалит Красный Смысл.

Красный Смысл, завалившись, завалит красных брахманов, то бишь КПСС.

Так за работу, товарищи!

И эта работа была начата (рис. 4).

Рис. 4

Мы видим, что технология восстания кшатриев была основана на создании зоны поражения, несовместимой с той, которая нужна была

для прямого изымания власти у полусгнивших красных «брахманов». Графически это можно изобразить так (рис. 5).

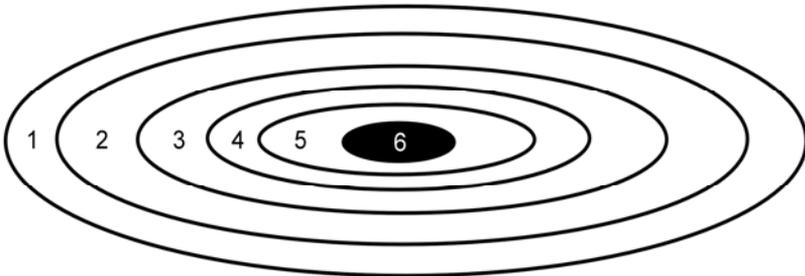

Рис. 5

Итак, при самой страшной революции кшатриев и самом кровавом уничтожении в рамках этой революции самого сословия красных «брахманов» образовалась бы зона повреждения, обозначенная цифрой «6».

Это было бы очень страшное повреждение. И невероятно болезненное. Но его можно было бы залечить. Вокруг него надо было бы создать некий жесткий железобетонный пояс, ограждающий поврежденное от здорового. А на оставшейся почве строить здание с новым фундаментом. При том, что опоры фундамента были бы погружены в здоровый грунт (рис. 6).

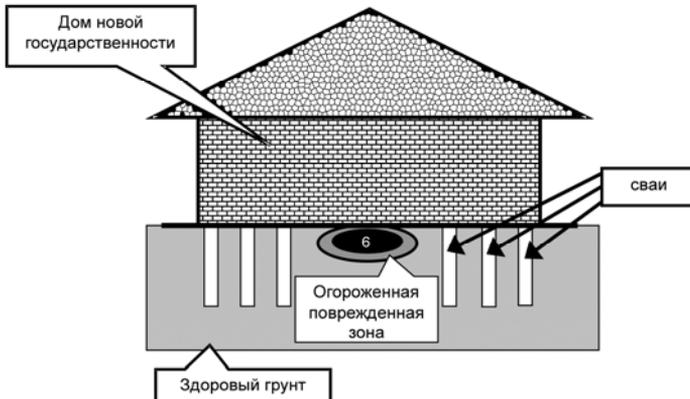

Рис. 6

Так выглядела бы страна после кшатрийского восстания по модели какого-нибудь Народно-трудового союза. Сказать, что я воспеваю эту модель, это значит извратить мою мысль самым коренным образом.

Мне подобные затеи глубоко чужды. А смысловая зона, которую означенные кшатрии хотели бы выжечь каленым железом, родственна и глубоко созвучна по соображениям самого разного характера. Включая и фундаментально метафизические.

Но я могу представить себе (хотя с огромными оговорками), что нечто подобное, осуществленное этак году в 1987-м, могло бы создать контрастную и альтернативную российскую государственность, какую-то здоровую социальную жизнь и прочее.

Может быть, мне была бы глубоко чужда эта государственность и эта социальная жизнь. И скорее всего, лично я при подобной трансформации оказался бы похоронен в одном из многочисленных (не надо иллюзий!) коллективных расстрельных рвов.

Но я здесь обсуждаю не ценность тех или иных трансформаций в рамках собственного мировоззрения и не личную судьбу – свою и мне подобных. Я обсуждаю некую технологию и порождаемые ею последствия. Такая технология могла породить в качестве последствий мало-мальски внятное государство и мало-мальски внятную общественную систему. Те, кто грезил Пиночетом, говорили именно об этом.

Однако это могло быть хоть как-то реализуемо до того, как сработал весь принцип домино, запущенный, как я убежден, специфическим восстанием кшатриев, в котором андроповская задумка, оказавшись и выполненной, и трансформированной, наложилась на чужие планы и породила нечто глубоко отличное от того, что я только что описал. Еще раз адресую вас к рисунку 4.

Подчеркну, что ровно в той степени, в какой у меня нет перцепции по отношению к тем спецслужбистским битвам, элементом и откликом на которые стала статья главы Госнарконтроля, у меня есть перцепция (да и рефлексия тоже) по отношению к вышеописанному домино. Никто не переубедит меня в том, что оно не было задумано и осуществлено.

Простейший пример на эту тему я уже приводил неоднократно. Он касается личного решения Ю.В.Андропова «вытащить» из ссылки выдающегося советского литературоведа и философа Михаила Бахтина. Я говорил и буду говорить, что это решение не могло носить филантропический характер. Что Андропов просто не мог его осуществить, не придав ему соответствующий ракурс. То есть не объяснив, зачем ему какой-то литературовед. Единственное объяснение относилось к борьбе с так называемой смеховой культурой (она же – культура подрывных анекдотов, распространяемых в советском обществе).

Бахтин действительно был крупнейшим советским специалистом по смеховой культуре. А также по ее истокам. То есть по так называемой

карнавализации, которая сама коренилась в еще более глубоких вещах. В том числе в поклонении богам, альтернативным Олимпу, прежде всего Сатурну (он же – Кронос). Именно сатурналии породили карнавал как социокультурное явление.

Вся эта смеховая культура имела своей целью разрушение вертикальных смысловых систем, к которым относились и системы церковные. В этом смысле можно говорить о специфической антицерковной версии Ренессанса.

Ставить знак равенства между Эразмом Роттердамским и Франсуа Рабле, говорить, что и то, и другое – это ренессансная борьба с церковью, значит сильно упрощать существо дела.

Эразм Роттердамский оппонировал церкви с позиций разума и морали. Франсуа Рабле подымал Плоть на войну с Духом. То есть и здесь был задействован тот же принцип концентрических кругов. Поскольку церковь – это институт, а у института есть Смысл в виде христианства, а Смысл апеллирует к Духу, а у Духа есть предпосылки, то если эти предпосылки подорвать, если заточить против Духа Плоть, то Дух завалится, а с ним завалится Смысл вообще. Это потянет за собой христианский Смысл. А христианский Смысл, завалившись, завалит и церковь.

Бахтин – отвечаю на сто процентов за этот «концептуальный базар» – строго в этом смысле трактовал и Рабле, о котором подробно писал, и карнавализацию, которой посвятил все свое творчество. Речь шла не о борьбе с той или иной смысловой системой. А о борьбе с вертикальным Смыслом как таковым. Борьбе с Духом. На эту борьбу – этот бунт против Духа – подымалась Плоть. Но не она была окончательным триумфатором. На руины, порожденные этим бунтом, должны были высадиться старые боги. Они жаждали. И их призывали.

Никто не осуществил в итоге системных действий по модели Франсуа Рабле. Ни ренессансные гуманисты, ни просветители, ни табориты, ни якобинцы. Ни у кого не поднялась рука на Смысл как таковой. На всю и всяческую вертикаль. Каждый, кто когда-нибудь скажет, например, что Ленин или большевики в целом планировали что-то подобное, солжет нагло и злокозненно.

Все работы Ленина посвящены тому, как этого не допустить. Постоянно обсуждается одно и то же: от какого наследства мы отказываемся. От этого отказываемся, от этого – нет. Травму создаем, но не расширяем. Вокруг травмы оградительный пояс. А дальше – новый дом. И враги, заполнившие расстрельные рвы... И новая индустриализация... И ГОЭЛРО... И новые открытые социальные перспективы. И социальные, и духовные. Можно обсуждать качество этих перспектив, но нельзя отрицать их наличие.

Короче, было сделано именно то, что я уже представил в своей архитектурной аллегории. Только вместо зачистки «красных» нужно в зоне «6» разместить зачистку «белых».

Никто не повреждал основной грунт. Не рубил сук, на который хотел усесться. Приводя примеры, доказывающие правоту данного утверждения, я не раз апеллировал к образу Цурюпы – наркома продовольствия, – который падал в голодные обмороки. Я постоянно и настойчиво говорил о том, что мне неважно, является ли этот образ мифом или реальностью. Что лично я считаю данный образ релевантным. То есть адекватным реальности. Но даже если это абсолютный миф большевистской пропаганды, а Цурюпа на самом деле жрал в три горла, то по сути ничего не меняется. Потому что большевистская пропаганда послала обществу моральный миф – миф о честном голодном наркоме.

Ровно то же самое делала яacobинская пропаганда, говоря о Робеспьере как о Неподкупном. И вновь я подчеркивал, что в принципе неважно, был ли Робеспьер таковым или же являл собой предтечу кровавого коррупционизма и лживой ханжеской сладострастности. Ведь французским массам предъявлялся идеал неподкупности как стандарт новой общественной ситуации. И эта ситуация позволяла выстроить новый дом над локализованной травмой.

Ситуация, в которой сказано прямо противоположное, в которой идеалом стало то, что всегда было грехом, не позволяет ничего выстроить. Это ситуация фундаментальной карнавализации по принципу великого домино. Вновь и вновь всмотритесь в этот принцип, породивший все то, в чем вы живете. Ощутите же, наконец, масштаб катастрофы, жертвой которой будете вы и все, что вам дорого. В очередной раз адресу вас к рисунку 4.

Никто и никогда не осмеливался сделать ничего подобного. Это сделали наши специфические «кшатрии». И то, что их разыграли другие силы, ничего не меняет по существу. Ну, «обманули дурачка на четыре кулачка».

Во-первых, не надо быть дурачком.

Во-вторых, сами-то что замысливали? Сами зачем играли в своего Бахтина? Так вот, играли и доигрались. И получили следующую картинку (рис. 7).

Я не только предполагаю, но абсолютно убежден, что Виктор Черкесов не имел никакого отношения к замыслам «кшатрийской» верхушки, игравшей в бахтинизацию всей страны. Даже люди, занимавшие в то время посты на три порядка более высокие, чем Черкесов, ни к чему подобному никак не были причастны. И «кшатрии», которые находились совсем рядом с Андроповым, иногда с сомнением выслушивают

подобные построения: «Ну, наводил человек порядок по части дисциплины... Дальше этого его фантазии не шли». Поверьте, это не так.

Но даже те, кто, так или иначе, участвовал в кшатрийском восстании, не всегда смотрели далеко вперед. И во всем, что я говорю, нет никакого желания найти виновных. Я просто хочу описать масштаб катастрофы. По принципу «снявши голову, по волосам не плачут».

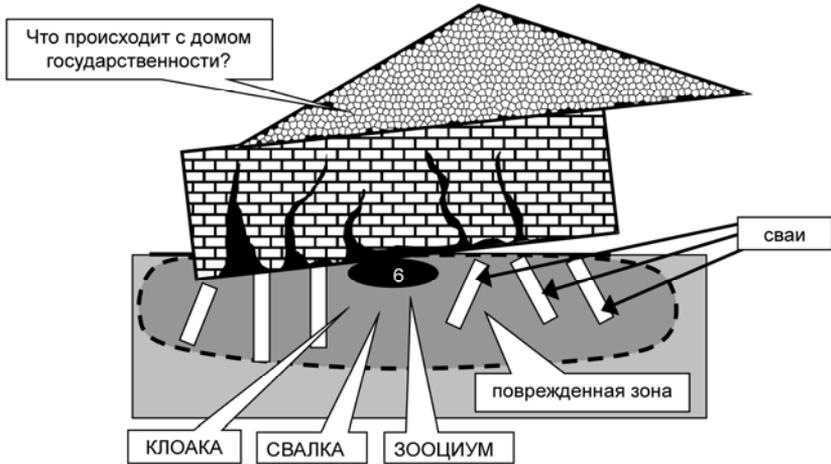

Рис. 7

Я описываю масштаб катастрофы уже не первый год. В ответ – молчание. Все, что оно мне напоминает, это фильм «Молчание ягнят». Впервые это жертвенное молчание как бы прервано статьей В.Черкесова. Но именно «как бы». Потому что болезни такого масштаба не лечатся «через очищение». Их можно было так лечить 20 лет назад. Может быть, тогда советскую элиту можно было очистить – пусть и достаточно свирепыми мерами. Эту элиту очистить уже нельзя. Поздно. Первоначальное накопление, тудить его... Тут – либо революция, либо... Очень тонкие и многомерные системные технологии.

Черкесов говорит: «Так случилось, что...». Так оно само так случилось? Или это КРК – карнавальная (а не абы какая) революция кшатриев? То бишь нерукотворность того коллапса и хаоса, из которого вынырнула специфическая чекистская твердь. Ведь коллапс был порожден бахтинизацией. А бахтинизация – клубом кшатриев. И негоже корпорации дистанцироваться от случившегося. Даже если конкретные персонажи, подобно Черкесову, не имеют к этому совсем никакого отноше-

ния, причастность к корпорации предполагает взятие на себя коллективной ответственности за то, что произошло.

При том, что степень ответственности очень разная. Кто-то ведал и творил. Кто-то творил и не ведал. Кто-то и не творил, и не ведал, а диссидентствовал на технократический лад. А кто-то, подобно Черкесову, просто работал в среднем или нижнем спецслужбистском звене так, как и предполагала профессия. И попал в ситуацию как кур в ощи́п. Как и сотни миллионов других советских людей.

В любом случае, нельзя отделить честь от греха, доблесть корпорации от ее вины. Как минимум, корпорация не усмотрела, не удержала.

К чести Черкесова должен сказать, что он и не пытается приподнять корпорацию на пьедестал. И просто говорит: «Получилось так, что на нас все это навалилось». А как получилось-то? Враг козни чинил? ЦРУ? А КГБ чем занимался? Почему СССР распался, а США нет?

И что в итоге получилось? Каковы слагаемые той фундаментальной ситуации, которую я называю «клоакой», «свалкой», «зооциумом»?

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ НАЛИЧЕСТВУЮЩЕГО

Меня часто упрекают в том, что я использую для описания полухудожественные термины. Такие, как эта самая «клоака», «свалка», «зооциум» и так далее. На самом деле я вполне готов придать каждому из этих терминов строго научный характер. Поверьте, это сделать совсем нетрудно. Но абсолютно не нужно. Потому что данные термины применяются мною для феноменологических, а не теоретических описаний.

Теоретическое описание обязательно изымет из происходящего цвет, вкус и запах. И многое другое. Например, волевое, а значит и политическое, начало. У теории своя территория. У феноменологии – своя. И если мы начнем игнорировать феноменологический метод, мы просто не схватим существа ситуации.

Между тем вот оно, это существо – прямо перед нами. Александр Хинштейн в очень содержательной статье «Солнцевский удар» описывает конкретную ситуацию, в которой некое лицо нанесло тяжелые телесные повреждения офицеру Федеральной службы охраны. А после этого, оказавшись задержанным, ведет себя определенным образом.

Александр Хинштейн всего лишь приводит абсолютно достоверный фактологический материал. И это очень смелый материал. Что, безусловно, должно быть оценено по достоинству. Александр Хинштейн не может этот материал исказить. Это невозможно уже потому, что находилось бы за рамками правил, которые всегда соблюдает Хинштейн. Это невозможно вдвойне в данном конкретном случае в

силу влияния затронутых лиц. И это невозможно втройне, поскольку текст достоин пера Шекспира. Такого рода текст никто не может сфальсифицировать. Короче, это аутентичный текст, приведенный смелым журналистом. И это текст эпохи. Ярчайший феноменологический документ. Я не могу его не воспроизвести. Итак, цитирую по Хинштейну.

(Камера показывает крупным планом лицо Аверина. Он сидит, развалившись на стуле, перед следователем и опером. Чуть в стороне находятся его адвокат и несколько милиционеров.)

Аверин (кричит): – Я хочу посмотреть, где моя камера! Где моя камера?! И я хочу посмотреть на этого лысого негодяя, который, слышь, мне сейчас глазки строит!

Следователь: – Показаний не даете?

Аверин: – Я ничего не даю, вообще. Вообще, ничего не даю. Свои два года я отсижу, как человек. А ты, лысый (следователю. – А.Х.), б...ь, будешь через два месяца на пенсии, х...плет еб...й. Вместе с ним (оперу. – А.Х.).

(Слышен гул возмущения.)

Аверин: – Да, да. Вместе с ними. Я никого не зарезал, никого не убил.

Опер: – Зато оскорбляете всех.

Аверин: – Я никого не оскорбил.

Опер: – Следователя оскорбили.

Аверин: – Послушай, ты. Если он ведет себя неправильно. Конечно, е... твою мать, ни х... себе попался бандит, твою мать. Ох...ть! Ну, попался. Е... твою мать, на ровном месте! Хулиган! Приехал на день рождения к хулигану! Да вы, х...плеты, вы, суки, оскорбляете, что вы говорите! Вы – мерзости! Мерзости чистые!

Адвокат (успокаивающе): – Саша, Саша!

Аверин: – Пошел ты на х...! Вы – чистые мерзости. Откуда у вас столько негатива, я не пойму. Ну откуда у тебя, у молодого, столько негатива, скажи?

Опер: – Не у тебя, а у вас.

Аверин: – Ты – г...о е...ное. Откуда у тебя столько негатива, скажи?.. Я отдал миллион двести. Послушай, я отдал миллион двести! Дальше давай, давай. Что дальше-то? Что ты мне можешь сделать?

Опер: – Только послушаю, как вы ругаетесь и всех оскорбляете. И к судье, на 15 суток.

Аверин: – Х... с ними! Я отсижу не хуже людей. Дальше? Я сейчас набью е...ло этому е...ну, который в углу сидит.

Опер: – Лучше мне тогда.

Аверин: – Ты не стоишь этого. Послушай, как тебя зовут?

Опер: – Игорь меня зовут.

Аверин: – Игорь, вот смотри сюда. Я приехал в ресторан. Я отмечал там день рождения своей внучки. Да, получился кипеж, драка. Послушай, что в этом, на х..., сверхъестественного? Б...ь, получилась драка!.. Я набил е...ло фсошнику, дальше что. Я с ним разобрался. Какая тебе от этого выгода?

Опер: – Никакой.

Аверин: – Е... твою мать, что вые...тесь, скажи? Я договорился. Я отдал им деньги.

Опер: – Сколько?

Аверин: – При чем здесь сколько, е... твою мать!.. Послушай, ты, демон, я тебе еще раз говорю: я заплатил столько, что тебе и не снилось ни х... Я заплатил столько! Чего ты вые...ся?

Опер: – Вам сказали: вас допросят и отпустят под подписку. А вы всех нас уже оскорбили.

Аверин: – Я никого еще х... не покрыв. Я вам сказал: ребята, не бластвуйте. Слышь, му...ло, я сам мечтал быть милиционером. А ты – г...о! Ты еще не родился, когда я мечтал быть милиционером! Я был в ЮДМ, е... твою мать. Знаешь, что такое ЮДМ? Не знаешь! Потому что ты – дебил. Скажи, что такое ЮДМ? Ну, кто? Юный друг милиции! Это – я. А ты – х...плет. Ты мне говоришь какую-то х...ню. Ты, ох...евшая рожка, б...ь! Я мечтал быть в милиции. Мечта. Что дальше-то? Чего ты хочешь? Я свои пять лет отсижу, е... твою мать. Я вас всех на х... видел! Я еще в 89-м на х... видел всех вас. Послушай, ты, я дружу со всеми ворами в России, и они у меня друзья. Я на х... видел тебя со всеми твоими мусорами! Ты даже не понимаешь, с кем ты разговариваешь! Ты даже не понимаешь!

Опер: – А чего мне понимать?

Аверин: – Ты даже не понимаешь!.. Ну что, давайте, ребята, у меня время нет ни х... на вас. У меня день рождения уважаемого человека.

Именно после этих слов разошедшийся не на шутку Авера схватил стоящий рядом принтер и демонстративно разбил его об пол.

Той же ночью он был отпущен под подписку о невыезде...

Александр Хинштейн обсуждает этот феноменальный текст как симптом определенного неблагополучия. Это его право. И я уважаю его позицию. Но я считаю данный текст заслуживающим другой оценки. Это не симптом неблагополучия, а ярчайшее выражение стиля и смысла эпохи. Ее внутреннего содержания. И это касается не только ненормативной лексики.

По роду первой профессии я был в эту лексику погружен по самым-самым. С бичами, копающими канавы и рубящими просеки, на нормативном языке говорить невозможно. И я вовсе не собираюсь тут ханжесковать. Я просто хочу обсудить несколько уровней этой ситуации.

Уровень №1 состоит в том, что по некоторым критериям, находящимся по ту сторону ханжеской нормативности и даже юридической тщательности, героем данной ситуации является, безусловно, Аверин (Авера), который себя так ведет. Он демонстрирует собою (подчеркну, на данном, первом по счету, уровне) некую настоящую свободу («я отсижу» – и так далее). Внутреннюю раскрепощенность по отношению к системе. Вообще все то, что называется личностью. Он, Авера, здесь выступает как личность. Криминальная, но яркая личность. А все остальное – это ходячая немочь. Тени, движущиеся вокруг подлинного центра событий.

Я убежден, что, начиная с момента публикации статьи (а она опубликована в газете «Московский комсомолец» 25 сентября 2007 года, дней за пять до событий с Госнарконтролем), Авера стал героем всего криминального сообщества. О нем будут слагать былины и песни соответствующего жанра. Он станет легендой, культовым персонажем.

Так все происходит на первом уровне.

Уровень №2 ничуть не менее важен. Может быть, Авера и является просто таким вот героическим и даже супергероическим персонажем. У каждой среды свои герои. Но правомерна и другая гипотеза. Она выражена во фразе «я дал миллион двести». Тут не говорится – кому. Ясно, что не только пострадавшему лицу. Авера знает что-то такое, что позволяет ему так себя вести. И тогда возникает вопрос, что именно он знает? Как этот феноменологический сюжет накладывается на ту самую войну групп, которую мы рассматриваем? Элитная группа потому и группа, что имеет корни в неэлитной среде.

Нет элитных групп, неспособных оперировать в периферийных мирах. Криминальных в том числе. Там можно выяснять отношения иначе. Там можно развязывать те узлы, которые нельзя развязать, так сказать, нормативно-элитным образом. Даже если нормы подорваны – все равно руки в чем-то связаны. А тут они развязаны полностью.

Другое дело, что в нормальной ситуации господствует элитная группа и она посылает мессиджи вниз.

В ситуации инверсии процесс приобретает обратный характер.

А в так называемых паранормальных ситуациях имеет место сочетание нормального и патологического мессиджей.

Мы наблюдаем большую игру. Она ведется сразу на всех полях.

Когда депутат Госдумы отправляет официальный запрос о преступной деятельности руководителя Службы безопасности президента Золотова, то это не мелочь. И не страсть к антикриминальному воительству, вдруг поселившаяся в сердцах отдельных членов фракции ЛДПР. Во фракции ЛДПР действует железная дисциплина. Элита ЛДПР абсолютно чувствительна к веяниям из Кремля. Ни один идиот, каким бы отморозком он ни был, не начнет воевать с Золотовым иначе как по высокой отмашке с другой стороны. Никакие высокие антикриминальные интересы тут не могут возобладать над элитной логикой. Но они могут с нею переплестись.

И у меня есть вопрос к ситуации. Как именно высказывание (согласитесь, тут факт высказывания не менее важен, чем собственно факт), опубликованное Хинштейном в «Московском комсомольце» 25 сентября 2007 года, соотносится с арестом Кумарина в Санкт-Петербурге, осуществленным примерно месяцем раньше. При том, что страсть, которая перед этим овладела сердцами антикоррупционных депутатов из ЛДПР, требовала именно рассмотрения ситуации, касающейся связи между Золотовым и Кумариным.

А вскоре после того, как страсть вспыхнула, Кумарин оказался арестован. А потом мы читаем документ эпохи, в котором Авера «делает всех, как лежачих». А потом начинаются эксцессы с Госнарконтролем. И появляется статья Виктора Черкесова, в которой обсуждается весьма серьезное содержание, сопряженное с этими эксцессами.

Согласитесь, что норма все же состоит в том, что даже самый отвязанный представитель криминального мира не станет просто так наезжать на тех, кто его задержал. А будет вести себя несколько более сдержанно, пусть и высокомерно. Мол, ребята, вы хорошие, но не туда залезли. И давайте расходиться, как подобает. Точка.

Вместо такого нормативного поведения – суперэксцесс. И публикация суперэксцесса в самой многотиражной газете страны.

Уровень №3 ничуть не менее важен, чем предыдущие.

Он касается профессионализма. Специфического и крайне существенного. Расскажу то, что знаю.

И сразу оговорю, что этим рассказом не хочу никого дискредитировать. Отнюдь не каждый работник ФСО должен быть суперменом. Но

даже супермены из реальной жизни – отнюдь не супермены из боевиков, где «махнул в одну сторону – улочка, отмахнулся – переулочек». Прекрасно подготовленный человек может получить неожиданный удар по голове и дальше оказаться беспощадно избитым. На моей памяти один великолепный спортсмен и боевик получил подобный удар от женщины, раскрутившей авоську с консервными банками.

Нет вообще защиты от дурака. Никакая квалификация не дает сто-процентных гарантий. Группа не слишком квалифицированных, но решительных людей может создать для одного суперподготовленного специалиста очень острую, а то и тупиковую ситуацию. Ну, что еще я должен оговорить для того, чтобы не оказаться романтическим юношей с неверными представлениями о рамках реальных человеческих возможностей? Есть у меня эти представления, есть. Но есть и некий опыт, которым почему-то мне здесь захотелось поделиться. И вовсе не потому, что я кого-то (особенно пострадавшее лицо из ФСО) хочу в чем-то упрекнуть. Итак, несколько слов по поводу этого опыта.

Лично я никогда не блистал спортивными достижениями. Но в силу юношеских амбиций получал какие-то умеренные разряды по всем основным боевым искусствам. С учителями мне повезло больше, чем им со мной. Был среди них, например, уже давно покойный и высоко уважаемый мною Анатолий Аркадьевич Харлампиев. Да и не только он. Итак, спортсменов я уважал. Потому что они были трудягами. И личностями. А интеллектуальное рафинэ никогда не было мне присуще. С годами же отвращение к этому рафинэ даже усилилось. Почему-то спортсмены отвечали мне взаимностью. Уж точно не по причине моих спортивных достижений.

Потом появилось каратэ. В том числе и в достаточно элитном исполнении, не имеющем отношения к массовым секциям Штурмина. Я и в этом как-то участвовал. Постепенно такое участие привело к тому, что у меня появились друзья из тех легендарных структур, которые брали шахский дворец в Кабуле. А также из еще более серьезных подразделений. Помню, как в одной компании очень известный и ныне покойный журналист, с которым мы тогда были близки, спрашивал моего друга: «Покажи, как надо бить кулаком». А друг отвечал: «Бить надо так, чтобы кулак выходил с другой стороны тела». Журналист бледнел и впадал в полубоморочное состояние. А тому это очень нравилось. Друг потом сделал блестящую карьеру. У нас с ним и поныне прекрасные отношения.

Ну, так вот. Постепенно уровень моих знакомств повышался (я имею в виду эту специфическую квалификацию знакомых). Возникали странные персонажи, в том числе и кубинцы, наделенные действительно в

чем-то сверхъестественными возможностями. Эти возможности интересовали меня как начинающего театрального режиссера, занимающегося так называемым паратеатром.

Короче – однажды в каком-то пансионате с некими подобными суперпрофи надо было пить водку. Их было четверо. И они пили, как прорвы. Пили и не пьянели. Пили и ужасно скучали. Потом им не хватило, и надо было поехать на «Жигулях» в деревенский магазин. Был вечер. Поселок был неблагополучный. Вместо продавца их вышли встречать человек двадцать бойких молодых бычков, вооруженных кто чем. Кто финкой, кто монтировкой, а кто и просто жердиной.

Как только эта толпа появилась на горизонте, моих (достаточно в данном случае шапочных) знакомых как подменили. Они вдруг стали тревожно-счастливыми. Их жизнь обрела смысл. Но они не торопились. Они стали кидать на пальцах, кому повезет. Повезло одному коренастому и слегка лысоватому парню, блондину. Ему нужно было разбираться с вышедшей толпой. Остальные тоскливо отошли в сторону. И забрали, естественно, меня с собой. По лицу оставшегося парня блуждала рассеянная счастливая улыбка. Но он тоже не торопился. Он вытащил «Беломор» и закурил. Он курил и улыбался. Улыбался и курил. В абсолютно бессмысленном существовании, заполняемом диким количеством спиртного, появилась легкая тень какого-то смысла. Она олицетворялась приближавшейся двадцаткой. Потом он начал работать. Это и был счастливый миг его жизни. Относительно счастливый, потому что ему противостояли те, кого он считал недочеловеками. Но все-таки их было много. Ножи и все прочее.

Он отработал в течение нескольких минут. Он оставил двадцать неподвижно лежащих тел, витальное состояние которых я оценить не могу. Но никакого желания двинуться или даже шевельнуться ни одно из этих тел не изъявило. Никто не корчился. Все лежали тихо. Светила луна.

Отработавший сел в машину. В другом селе водку все же достали и выпили. Так же тоскливо и жадно, как и предыдущие семь бутылок. И так же не пьянели от выпитого.

Я совершенно не хочу жить в стране, где данная корпоративная норма является законом. Но я не понимаю, что происходит. И я хочу две вещи.

Во-первых, чтобы главу государства в условиях неблагополучной страны охраняли по вышеприведенным нормам. Подчеркиваю, по этим нормам. С поправкой на любые случайности.

Во-вторых, чтобы в Интернете не смаковали отсутствие этих норм. Потому что это просто опасно.

Опасно, когда определенная среда так вкушает крови – поломанных лицевых костей и всего прочего. Но еще опасней, когда появляются деньги.

Уровень №4 – это те самые деньги. И вновь – никого не хочу осуждать. И ни к чему противоправному не призываю. Но все знают, что произойдет, если кто-нибудь из бойких уличных ребят (пусть даже и с высокой бойцовской квалификацией) переломает кости простому нью-йоркскому полицейскому. Не супермену, а пожилому человеку с брюшком. Начиная с этого момента сообщество полицейских (каста, варна, группа, комьюнити) начнет мстить. Причем непропорционально. Как именно будет оформлена месть – это отдельный вопрос. Но месть будет. Потому что запах полицейской крови пьянит. И не устроишь чего-то показательного немедленно – умоешь-ся кровью. И будет поздно.

Готов бесконечно делать поправки на нынешнюю ситуацию. И ничего, кроме глубокого сочувствия и понимания, конкретный пострадавший субъект из ФСО, описанный Хинштейном, у меня не вызывает.

Ну, хорошо – таково время. Ну, хорошо – он пострадал, и ему нужны деньги. Ну, хорошо – он пал духом или попал в соответствующие обстоятельства. Это его право и его дело. Я не о нем. Я об этой самой касте, варне, группе, комьюнити.

Предположим, повторяю, что он пал духом. Может быть, пал, а может быть, нет. Я не знаю и категорически не хочу сказать ничего плохого. Но в порядке мысленного эксперимента предположим, что он пал духом. И что? Или у него специфические обстоятельства. И что? Я не о нем, я о других.

Другие – в том числе его подчиненные – собираются и говорят: «Емое, сегодня осколки лицевых костей кому-то не попали в мозг. А завтра попадут. Еще неизвестно, отвалят нам какие-то деньги за это или не отвалят. Но мы не хотим быть парализованными или трупами. А потому пусть тот, кто взял, идет своим путем, а мы пойдем своим». Каким в таком случае должен быть путь, совершенно ясно.

Коржаков, к чести его и его команды, несколько раз показывал, как выглядит этот путь. В том числе в Сочи, где кто-то как-то попытался выступить, а поплатилось все криминальное сообщество и весь город.

В суперэлитарной структуре, злоклучения отдельного представителя которой описывает Хинштейн, еще есть люди из той эпохи. И они это не могут не помнить. Что произошедшее значит? И почему мы должны об этом читать в газетах? Причем во многотиражных? Это что, скрытое предложение к танцу?

Ах, ох, деньги так много значат... Вы готовы продать за деньги жену, сестру, мать, дочь?.. Если вы готовы, то вы уже даже не зверь, вы – овощ. Если же вы не овощ, то вы проведете грань между товарным и нетоварным. Миром правит эта грань.

Грань подвижна. Она зависит от типа общества, типа личности, конкретной жизненной ситуации. Но она всегда есть. Если ее нет, какая корпорация? Какие нормы?

Но, как специалист по культуре, я хочу, чтобы была осознанная разница между классикой и так называемым симулякром (подделкой). Классический омерзительный ужас опричнины состоял в том, что за шишку на голове опричника нужно было сжечь всю деревню и истребить ее население. В смягченном виде это описано Лермонтовым в хрестоматийном произведении о купце Калашникове.

Классика сия – омерзительна. Ее поэтом я отнюдь не являюсь. Но как культуролог и аналитик понимаю, что симулякр, в котором Сорокин пугает «днем опричника», Юрьев этот день воспевает, а Хинштейн печатает подобные стенограммы, намного ужаснее.

И веет от него не абы чем, а ужасом скорой государственной катастрофы.

Деньги – отличная вещь. Но лишь на своем месте. Когда деньги становятся «нашим всем», подменяют право, честь, внутренний кодекс... Когда они становятся суррогатом национальной идеи, то возникает криминально-дистрофичный симулякр вместо государства.

Такой симулякр – это пузырь, который лопается даже не под воздействием извне, а в силу своего раздувания.

Вдумаемся: те люди, которые принадлежат к суперэлите безопасности и один из которых фигурирует в статье Хинштейна, не аналитики, не ученые, не оперативники, не следователи. Не хочу ничего плохого о них сказать (всегда к ним хорошо относился, как и к спортсменам), но в каком-то смысле понимаю, что агрессивное начало там должно доминировать. Оно не может не доминировать. Без этого нет настоящих достижений в боевых видах спорта. Тем более во всем, что за этим следует. Назовем это начало звериной сутью. Еще раз подчеркиваю: не хочу сказать ничего плохого. Звериная суть есть в любом человеке. А в каких-то профессиях она превалирует. Ну, жизнь так устроена. И профессии нужны. Что поделаешь?

Моя мать когда-то говорила, что ее любимый герой в «Поднятой целине» Шолохова – это Макар Нагульнов, но это вовсе не значит, что она хотела бы оказаться с ним, например, в одном купе поезда.

Так что происходит даже с этой сутью? Я ее не воспеваю. Я не призываю к антиправовым действиям. Я-то, напротив, требую, чтобы все было в рамках закона и Конституции. Но с этой сутью что происходит? А вот что (рис.8).

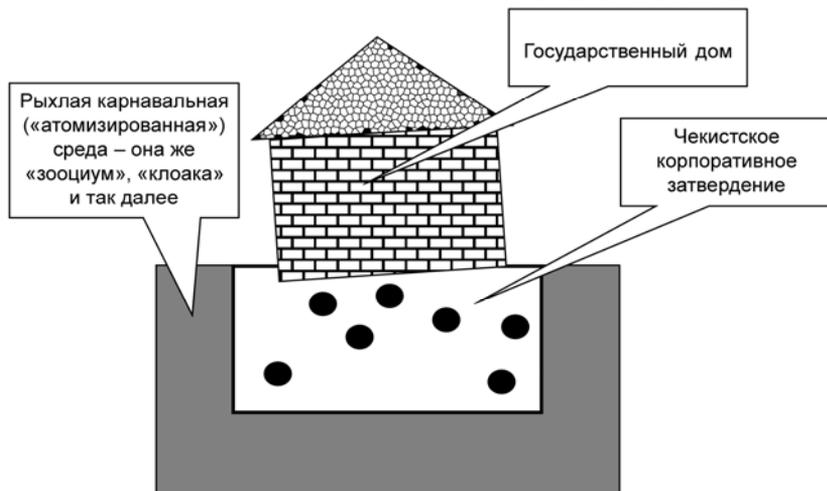

Рис.8

Не будем даже говорить о том, что внутри этого чекистского затвердения (условной корпоративной солидарности, стайности, как хотите) уже есть средовой геном и вкрапления той же среды. Затвердение-то появилось из карнавального ила. А ил был частью вод хаоса, окружающих этот кусок социальной структурности. Но главное – воды-то сохранились.

Вокруг этой самой относительно твердой социальной структуры (она же тот крюк, о котором говорит Черкесов, и так далее) существует агрессивная среда, наделенная определенными свойствами. Эти свойства я и называю «зооциумом», «клоакой», «свалкой». Среда лишь наращивает свою агрессивность.

«Крюк» этому не сопротивляется. Формально взяв контроль над телевидением, радио, прессой, он не хочет и не может контролировать даже смысловые потоки. В отличие от потоков финансовых. То есть корпоративная опорная социальная структура в лучшем случае осталась сомнительно кшатрийской. Но не приобрела характера нового брахманизма. А тогда она обязательно рухнет под напором среды. Изменить

качество среды могут только брахманы. Не пиарщики, не технологи, не идеологические лакеи – брахманы.

Не будет брахманов (взятых откуда угодно – хоть бы из кшатрийской варны), среда не изменится. Социальный мейнстрим сохранится. Деграция продолжится. Социальная опорная структура окажется погруженной даже не в воду, а сначала в серную кислоту, а потом в так называемую «царскую водку». А что тогда произойдет, предсказать нетрудно.

Сначала возникнут трещины. Потом – системная эрозия, которая превратит отдельные трещины в сеть (рис. 9).

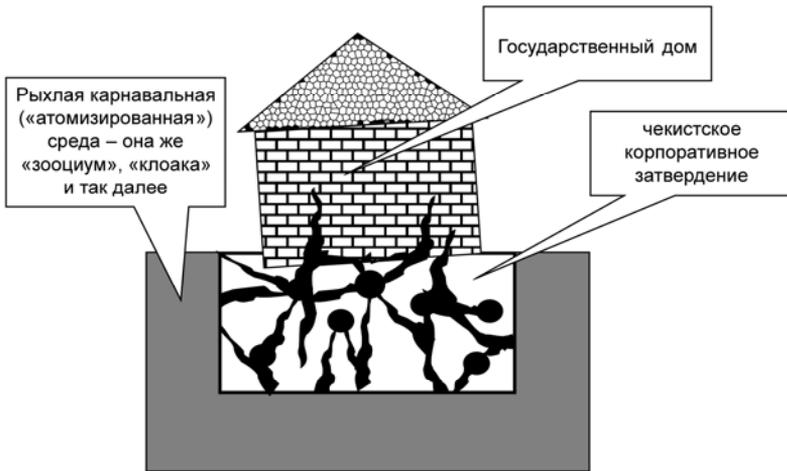

Рис.9

В итоге дом рухнет. Для того, чтобы он не рухнул, совершенно недостаточно следить за качеством опорной социальной структуры. Этого затверждения, «крюка», аттрактора и так далее. Следить за этим абсолютно необходимо. Но, как говорят математики, «необходимое не есть достаточное». И здесь я вынужден четко проартикулировать главное.

Кшатризм вообще недостаточен для того, чтобы управлять. Чтобы управлять, нужен брахманизм. Если уж так случилось, что кшатрии взяли власть, они должны стать брахманами. Или рухнуть в бездну. Вопрос не в их моральности. Хотя и это важно. Не в их кшатрийских доблестях. Вопрос в их неспособности выйти за кшатрийские рамки.

Решение находится за рамками, а они в рамках (рис. 10).

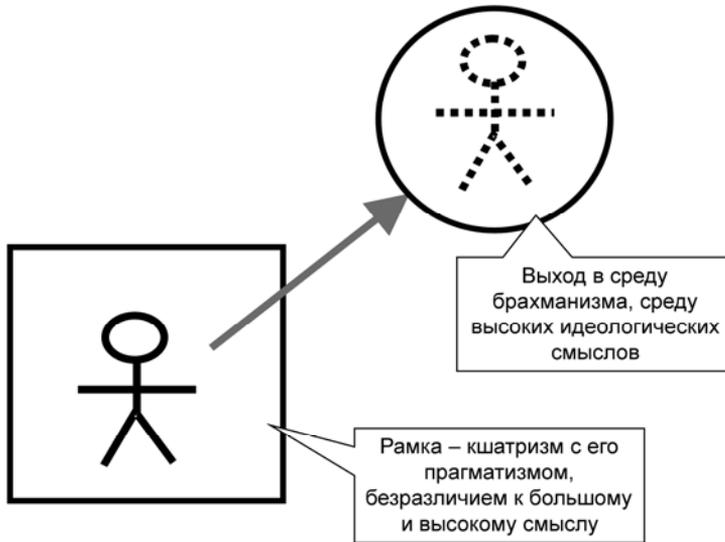

Рис.10

Чекистское сообщество начинает осознавать, что вирус золотого тельца может, отработав по полной программе, привести к сценарию румынского типа. Статья Черкесова знаменует собой это осознание. Превосходно! Но, увы, недостаточно. Есть такой симулякр «господа чекисты»... Чувствуете вирус этой самой клоаки? Ну, так вот – надо бросить вызов клоаке как таковой. Больше вы будете при этом воровать или меньше – конечно, важно. Но главное-то другое. Если в вас есть совесть, внутренняя страсть, драйв, мужское начало или что хотите еще – выходите за рамки кшатризма как такового. Учитесь брахманизму, в конце концов! Еще не поздно. Не боги горшки обжигают. Чему-то вас и так учили. А в условиях опасности любой человек – да, именно любой – способен выйти за флажки. Человек – не данность. Это открытая система, это процесс. Каждый, кто думает иначе, превращает острейший российский кризис в абсолютный тупик.

Переход к брахманизму надо начинать незамедлительно. Но на пути к такому переходу есть много препятствий.

Первое и основное – прагматизм. Зачем, спросят сильные мира сего, какой-то переход? Нам и так хорошо! У нас все схвачено! Все в шоколаде. А идеологизация – это от лукавого. Это когда зайти в кабинет не могут. А также не обладают всем остальным кшатрийско-вайшьиистским набором управленческих воздействий. Ну что на это ответить? Сказать

«поживем – увидим»? Поживем ли? Увидим ли? Объяснять, что без идеологии начнется сначала эта самая междоусобица, а потом очередная перестройка и ельцинизм? Констатировать, что эра вегетарианства ушла в прошлое?

Мне кажется, что значительная часть чекизма, причем, прежде всего, входящая в определенную группу риска, уже готова отказаться от прагматизма. И только остаточный синдром вкусовщины, точно описываемый словом «западло», еще останавливает тех, кто готов выходить за рамки. Преодолеть синдром можно, если есть «серое вещество» и желание жить. Хочется верить, что есть и то, и другое.

Второе препятствие – пиаризм. Очень легко при таком переходе спутать идеологию и ее суррогаты. Но и это преодолимо.

Третье препятствие – сервализм. Тут все ясно до боли. И это, как говорится, без комментариев.

Четвертое препятствие – «крейзи»-ционизм. Уже сейчас, как грибы после дождя, вырастают псевдоидеологические, псевдоинтеллектуальные секты.

Пятое препятствие – имитационизм. Чекисты, поняв, что «залетели», начинают создавать новую КПСС. Копируя Брежнева. Но Брежнев не был создателем. Нельзя начинать с конца. КПСС создали революционная энергия и гений Ленина. Брежнев мог в этом уютно разместиться и отворковать напоследок. Слышите – напоследок!

И, наконец, есть еще одна опасность... Опереться на фундаменталистские смысловые институты. Которые сами погружены в клоаку и понемногу перенимают ее же антисистемные свойства.

Мне почему-то кажется, что пока что все эти препятствия еще можно преодолеть. Что в этом смысле статья Черкесова невероятно актуальна. И что нужна она не только ему, но и его оппонентам.

Честные и нечестные, грешные и праведные, опомнитесь! Призрак страшной катастрофы маячит на горизонте. Все, что начало происходить, это первая ласточка. Не допустите, чтобы после подобных небезобидных ласточек вас посетили птицы из апокалипсиса. А они... они всегда наготове.

Нельзя терять ни минуты.

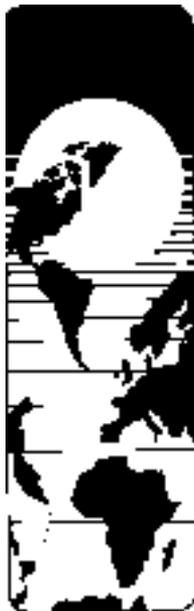
P.S. Я хочу сделать этот текст предметом обсуждения. Я готов встречаться и разговаривать, открыть дискуссионную рубрику. И только потом я подведу под этим черту.

В течение долгой исторической жизни великие государства вводят в пределы своей территории не только различные племена, но и целые национальности, нередко обломки иной государственности, отличной от той, в область мощи которой привела их потом историческая судьба. Все это вводит в государственную жизнь множество элементов разномыслия, раздоров и даже внутренней борьбы. Задачей национальной политики является – справиться с этим затруднением и победить его созданием внутреннего единства.

Лев Тихомиров

**Тревога перед лицом
основополагающего зла
все больше и больше
пробуждает другие виды тревоги:
не является ли бессмысленность
истории величайшим
выражением хаоса?**

Поль Рикер

Ольга Четверикова

СТРАТЕГИЯ «БАЛКАНИЗАЦИИ» ЕВРОПЫ:

РЕГИОНЫ И ЭТНОМЕНЬШИНСТВА
В ПЛАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА¹

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

Ethnic regions play a key role in implementation of Europe geopolitical restructuring. The essence of the process consists in dismantling state structures and their replacement with network organization structure. Intensification and mobilization of European ethnic and national minorities occur neither spontaneously nor in accordance with local needs. The process is coordinated and managed from centers that have to ensure unity of minorities' demands and synchronization of their advancement. Big corporate business hides behind these centers. Using anti-universal minorities' ambitions big business by virtue of respective mechanisms directs these ambitions into anti-state streambed and makes minorities its objective allies. Though Germany performs the principal role in realization of this strategy it will not reap fruits of such political creativity.

---

¹ Окончание. Начало см.: Россия XXI. 2007. №5.

**ТРЕТЬЕ НАПРАВЛЕНИЕ – АВТОНОМИЯ ЭТНИЧЕСКИХ
И НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ**

*Чтобы построить Европу,
необходимо расколоть нации.*

Ж.-Ж.Серван Шрейбер

Для закрепления прав регионов и придания процессу регионализации необратимого характера эта политика теснейшим образом увязывается с проблемой этносов и национальных меньшинств. Речь идет о создании не просто Европы регионов, но Европы этнорегионов, значительная часть которых расположена на приграничных территориях. Поэтому не случайно *Ассоциация европейских приграничных регионов* (АЕПР) работает согласованно с другим европейским институтом – *Федералистским союзом европейских национальных меньшинств* (ФСЕНМ), главная роль в создании которого также принадлежит Германии. Основан он был еще в 1949 году в Версале в рамках общей политики «защиты прав человека» (одновременно с созданием Совета Европы и принятием «Декларации прав человека») и представляет собой формально независимое объединение организаций национальных меньшинств Европы, инициатором которого выступил «Федералистский союз Бретани». Однако в действительности эта организация является немецкой «подставной фирмой», поскольку значительную финансовую поддержку Союзу оказывает Министерство внутренних дел ФРГ, которое определяет и состав участников ежегодно проводимых им конгрессов: первый из них состоялся в 1950 году, последний, 51-й, – в мае 2006 г. ФСЕНМ объединяет сегодня 81 организацию, представляющую 52 этнических меньшинства из 32 стран Европы и бывшего СССР². Штаб-квартира его находится в германском городе Фленсбурге. Союз поддерживает контакты с депутатами ЕС, имеет консультативный статус при Совете Европы и работает в тесной связи с американским институтом «Проект по этническим отношениям» (*Project on Ethnic Relations*), который также действует в рамках СЕ и поддерживается Госдепартаментом США³.

Надо отметить, что ФСЕНМ крайне осторожен и всегда подчеркивает, что «он выступает активно против сепаратизма и любого насильственного нарушения границ, работает на пользу добрососедского и мирного сосу-

---

² *Union Fédéraliste des Communautés Ethniques Européennes*

[//www.fuen.org/pages/france/f_1_2002.html](http://www.fuen.org/pages/france/f_1_2002.html)

³ *L'UFCE, ou l'Europe des régions ethniques // La lettre volée. Vendredi 09 juin 2006*
[//www.lalettrevolee.net/article-2966545-6.html](http://www.lalettrevolee.net/article-2966545-6.html)

ществования большинства с меньшинством внутри страны или региона»⁴, не допуская в свои ряды такие радикальные организации, которые могли бы его скомпрометировать. Однако целью его является достижение полной эмансипации этнических групп, которые должны быть объединены в федеральное государство этнорегионов, что планируется достигнуть в рамках легального процесса путем подготовки соответствующей правовой почвы. В этом отношении связь Союза с Ассоциацией приграничных европейских регионов играет крайне важную роль. Эти организации не просто сотрудничают, они проводят согласованную политику. Ведь растущая самостоятельность еврорегионов создает условия для расширения прав этноменьшинств, проживающих по обе стороны границы, а требование достижения единства этноса, в свою очередь, оправдывает необходимость стирания границ между приграничными регионами. Эта идея, например, ясно прозвучала в выступлении одного из членов Союза, депутата из Каталонии, который, описывая тяжелое положение французских и испанских каталонцев, заявил следующее: «Моя страна была абсурдным образом разделена по Пиренейскому договору (1659), и мои сограждане принадлежат двум государствам»⁵. В ноябре 1987 г. руководители ФСЕНМ и АЕПР провели первый совместный конгресс, после которого такие собрания проходили уже регулярно.

ФСЕНМ стал одним из главных механизмов проведения в жизнь этно-региональной стратегии правящих кругов ФРГ, имеющей давнее происхождение. Еще в одном из немецких политических документов второй половины XIX в. было указано: «Принцип национальности, автономии и децентрализации, самоуправления всех политических сообществ и общин является боевым кличем современности. В Европе возрождаются этносы, совершенно игнорируемые или забытые вплоть до сегодняшнего дня, которые заставляют уважать свою национальность... *Необходимо выделить этнический субстрат из его государственной оболочки, прежде чем приступить к новым комбинациям*» (курсив мой. – О.Ч.)⁶. Эта формула соответствует немецкой концепции национальности, которая в качестве своей основы признает принадлежность индивида к тому или иному этносу или народу, в отличие от французского и англосаксонского понимания нации как политического образования. И в современных условиях, когда с переходом к глобальному управлению идея национально-государственного суверенитета подвергается сильнейшей компрометации, а вместе с

---

⁴ *Ibid.*

⁵ Hillard P. *Décomposition des nations européennes*. P.19.

⁶ Hillard P. *Requiem allemand sur l'Europe* // www.strategicsinternational.com/f4hillard.htm

ней сводится на нет и политическая идея нации, идея этноса предстает в качестве ее замены, принимая форму принципа отстаивания прав меньшинств. Этот принцип последовательно встраивается Германией в реализацию ее стратегии Европы регионов. Поскольку ФРГ является моноэтническим государством, его воплощение не угрожает ее территориальной целостности, зато позволяет поставить вопрос о правах немецких меньшинств за пределами страны. В отношении же других европейских государств он срабатывает как детонатор.

Соответствующие документы, призванные ввести принцип широкой защиты прав меньшинств в общеевропейскую политику, были разработаны в недрах ФСЕНМ еще в 60-е годы, но к реализации в жизнь этих программ приступили в начале восьмидесятых, одновременно с воплощением проекта регионализации. Осуществить это было поручено премьер-министру Баварии Альфонсу Гоппелю, выступившему в 1984 г. с инициативой создания всеобъемлющего кодекса в защиту прав меньшинств и предложившему для этого целую серию мер. Однако тогда эта программа не прошла, так как выглядела слишком новаторской. Вторая попытка была предпринята в 1990 году графом фон Штауффенбергом, работавшим также в тесном контакте с ФСЕНМ и представившим на его очередном конгрессе в Мюнхене новую, слегка измененную программу. Но и на этот раз она не была принята в силу того, что многие европейские парламентарии были обеспокоены теми серьезными изменениями, которые программа требовала внести во внутреннюю жизнь их государств. Наконец, проект был предложен вновь уже в 1993 году другим немцем, Зигбертом Альбером, который для облегчения его прохождения в европейских инстанциях разделил его на четыре части и представил в виде: 1) Хартии региональных языков и языков меньшинств, 2) Рамочной конвенции о защите меньшинств, 3) Дополнительного протокола к Европейской конвенции по защите прав человека и 4) Специальной конвенции о правах на автономию.

Из этих проектов к обсуждению были приняты первые два. Оба документа разрабатывались фактически немецкими политиками при поддержке их каталонских коллег⁷. В первом случае активно участвовал предыдущий глава АЕПР Карл Аренс, а докладчиком был Герберт Кон, член юридического комитета ФСЕНМ. Второй документ продвигался высокопо-

---

⁷ Не случайно и нынешним главой АПЕР с 1996 года является представитель этнического меньшинства каталонец Хоан Вальве. Одновременно он возглавляет Международную группу языковых меньшинств в Европарламенте и проводит политику продвижения «наименее распространенных языков».

ставленным чиновником МВД Германии Рольфом Госсманном. Характерно, что, выступая еще в 1988 году на Антверпенском конгрессе ФСЕНМ, Г.Кон сделал следующее заключение: «Защита, разработка и продвижение региональных языков и языков меньшинств является *центральной проблемой* политики в Европе и для Европы... Признание права всех европейцев пользоваться собственными языками и гарантия этого права в различных сферах жизни, обеспечиваемая европейской хартией, приведет, наконец, к тому, что говорящие на этих языках будут ощущать себя дома в своих странах и в европейском доме в качестве лояльных членов одного целого»⁸. В итоге Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств СЕ была принята в 1992 году, и потребовалось пять ратификаций, чтобы в 1998 году она вступила в силу. А Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств принимается в 1994 г.⁹ и входит в силу также в 1998-м после 12 ратификаций. Надо подчеркнуть, что оба текста выдержаны в традициях немецкой правовой культуры.

Эти документы создали правовую базу для строительства «нового этнического порядка» по-германски. Конвенция 1994 г. стала первым многосторонним правовым обязательным актом, уточняющим правовые принципы, которые обязуются соблюдать государства для защиты прав национальных меньшинств в целом, понимаемой как защита прав человека. Хотя в конвенции не дается определение понятия «национальное меньшинство» и решение о признании меньшинствами групп на территории каждой страны оставлено за государством, в ней, однако, названы четыре основных элемента его самобытности (религия, язык, традиции и культурное наследие), позволяющие гражданам делать свой индивидуальный выбор. В ст. 3 по этому поводу говорится, что «любое лицо, принадлежащее к национальному меньшинству, имеет право свободного выбора рассматриваться или не рассматриваться как таковое, и этот выбор или осуществление прав, которые связаны с этим выбором, никоим образом не должны ущемлять данное лицо»¹⁰.

Главное же достоинство обоих документов, с точки зрения регионалистов, заключается в следующем. Во-первых, они способствуют этнической федерализации, так как государства обязываются не только создавать благоприятные условия для поддержания меньшинствами своей

---

⁸ Hillard P. *Requiem allemand...*

⁹ Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (СЕД № 157). Страсбург, 1 февраля 1995 г. // Конвенции Совета Европы и Российская Федерация. Сборник документов. М.: Юридическая литература, 2000. С.83.

¹⁰ Там же.

самобытности, но и разрешать использование региональных языков во всех сферах деятельности – образования, управления, юридической, административной, социально-экономической, финансовой, включая банковское регламентирование. Во-вторых, они создают условия для постепенного «преодоления» национальных границ, так как в них говорится, что границы не должны создавать проблем в каких-либо отношениях внутри этнической группы. Так, в ст.17 Рамочной конвенции сказано, что «стороны обязуются не препятствовать осуществлению прав лиц, принадлежащим к национальным меньшинствам, устанавливать и поддерживать свободные и мирные контакты через границы с лицами, на законных основаниях находящимся на территории других государств, в частности с лицами, с которыми они имеют общую этническую, культурную, языковую и религиозную самобытность или общее культурное наследие»¹¹. Учитывая же, что, в соответствии со ст.16 еще не вступившей в силу Хартии о региональном самоуправлении, допускается возможность приступить к пересмотру региональных границ, это создает условия в будущем для их постепенной перекройки в соответствии с этническим принципом. Но если Хартия о региональном самоуправлении так и не подписана, то Конвенция о защите национальных меньшинств подписана и ратифицирована большинством государств Европы и частью государств на территории бывшего СССР¹². Теперь того же добиваются в отношении Хартии о языках.

ФСЕНМ играет важную роль в защите принципов, изложенных в этих документах. В нее входят представители различных этносов: и крупных, обладающих своей государственностью, но проживающих как меньшинства на другой территории, и крайне малочисленных, таковой не имеющие и никогда не имевшие. Так, членами Союза являются организации немцев Венгрии, Богемии, Грузии, Казахстана, Узбекистана, венгров Словакии и Румынии, хорватов Воеводины и Словакии, поляков Чехии, чехов Словакии, французских бретонцев, фризов Нидерландов, эльзасцев и лотаринг-

---

¹¹ *Union Fédéraliste des Communautés Ethniques Européennes*

[/www.fuen.org/pages/france/f_3_2002.html](http://www.fuen.org/pages/france/f_3_2002.html)

¹² *К настоящему времени она подписана и ратифицирована Германией, Арменией, Австрией, Кипром, Хорватией, Данией, Испанией, Финляндией, Венгрией, Лихтенштейном, Люксембургом, Нидерландами, Норвегией, Великобританией, Словакией, Словенией, Швецией, Швейцарией, Украиной. Подписана, но не ратифицирована Францией, Италией, Чехией, Сербией, Румынией, Молдавией, Россией, Азербайджаном, Исландией. Не подписана Португалией, Ирландией, Польшей, Белоруссией, Литвой, Латвией, Эстонией, Грузией, Боснией, Болгарией, Македонией, Албанией, Грецией и Турцией.*

цев Франции, македонцев Греции, финнов Швеции, ингушей и кабардинцев России, крымских татар и венгров Украины, косовских албанцев и др. Входят в него и отдельные регионы – автономная провинция Бозен, автономный регион Трентино-Южный Тироль, земля Шлезвиг-Гольштейн, германоговорящее сообщество Бельгии и земля Каринтия.

Несмотря на то, что представленные здесь этнические меньшинства неоднородны по своим возможностям, уровню объединения и осознания своей идентичности, Союз ставит перед собой задачу унифицировать и интернационализировать их требования в соответствии с нормами вышеупомянутых документов. Разные этнические сообщества должны отстаивать *идентичные положения*, всячески подчеркивая свое право на инаковость и различия. При этом совершенно игнорируется тот факт, что некоторые меньшинства совершенно не готовы ни к какой форме автономии, что раскрывает заказной характер этой деятельности. Но в том и заключается хитрость глобализации, что, прикрываясь плюрализмом и диверсификацией форм, она навязывает жесткие единые стандарты и принципы поведения, исключая живое и реальное многообразие.

Требования меньшинств излагаются в ежегодно принимаемых резолюциях Союза, передаваемых для изучения в европейские институты, от которых ожидают соответствующую поддержку и практические меры. Документы эти не только поощряют этническое, лингвистическое и культурное разнообразие и расширение автономных прав меньшинств, но и настаивают на вовлечении их в процессы принятия решений и участия в работе соответствующих комитетов СЕ. Требования объединений становятся все более настойчивыми и решительными. В настоящее время Союз добивается, чтобы при решении проблем тех национальных меньшинств, которые не имеют государственности, СЕ опирался на признание не прав индивида, а коллективных прав меньшинств и сообществ: «Мы просим, чтобы права индивидов были заменены коллективным правом»¹³. То есть национальные меньшинства ставят в исключительное, привилегированное положение. Особенно ясно данный подход отражен в резолюции последней ассамблеи ФСЕНМ № 2006-01. Хотя этот документ достаточно объемный, мы позволим себе изложить его отдельные положения для лучшего пони-

---

¹³ *О том, что права меньшинств толкуются как права человека, свидетельствует ст.1–2 (Ценности Союза) Конституции ЕС 2005 года, в которой говорится: «Союз основан на ценностях уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства и соблюдения прав человека, включая права лиц, принадлежавших к меньшинствам».*

мания того, что именно планируют и как мыслят проведение в жизнь своих интересов защитники меньшинств.

В документе говорится, что Союз *требует* (в резолюциях чаще всего используется именно это слово):

– от *Европейского Союза*: создания независимого фонда, поддерживаемого представителями национальных меньшинств, целью которого будет оказание финансовой институциональной поддержки и осуществление целенаправленных проектов организациями меньшинств внутри государств-членов; создания специальной службы, занимающейся на институциональном уровне меньшинствами внутри европейских институтов, что обеспечит проведение согласованной стратегии защиты интересов меньшинств;

– от *Совета Европы*: вместо расплывчатых и гибких формул и требований иметь ясную концепцию, нацеленную на сохранение разнообразия языков и культур; дать такое определение «национального меньшинства», которое имело бы обязательную силу и исходило из права самих сообществ рассматривать себя таковыми и в соответствии с которым их права применялись бы *не только в зоне их традиционного проживания*; добиваться от государств, чтобы лингвистическое и культурное разнообразие превратилось бы в политику не только в отношении этноменьшинств, но в целом в отношении большинства населения¹⁴. Ставится задача создать международную юридическую инстанцию для отстаивания прав этносов и этнических сообществ, разработать концепцию, определяющую нормы и стандарты сообществ и различия между «старыми» сообществами и «новыми» меньшинствами.

– от *государств*: ратификации соответствующих конвенций и хартий, чтобы автохтонные этнические сообщества и национальные меньшинства, организованные в соответствии с гражданским правом, были признаны национальными органами на местном, региональном, национальном и международном уровнях в качестве партнеров; признать формы культурной автономии и автономного управления, особенно в области образования и обучения, культуры и средств массовой информации; лучше информировать население, представляющее большинство, о положении автохтонных национальных меньшинств в средствах массовой информации и школьной литературе, а также интенсифициро-

---

¹⁴ Речь идет о поощрении многоязычия, признания в обязательном порядке автохтонных этнических сообществ и национальных меньшинств, о достижении их самоопределения с гарантией соответствующих форм культурной автономии и необходимых финансовых средств.

вать преподавание второго и третьего языков, межкультурный обмен для населения большинства¹⁵.

Жесткие требования резолюция высказывает и в отношении отдельных государств. Например, от Греции ФСЕНМ требует: признания македонского и аромунского меньшинств, признания их языков как языков меньшинств и применения его в тех районах, где он широко распространен, в программах начальной и средней школы и создания кафедры этих языков в университете; признания таких культурных организаций, как «Дом Македонской культуры», который ждет этого 15 лет в соответствии с юридическим решением, вынесенным Европейским судом в защиту прав человека. Потребовано также использовать македонский и аромунский языки в средствах массовой информации, предоставить всем политическим беженцам македонского и аромунского происхождения безусловное право свободного въезда в Грецию и право приобретения земельной собственности, ратифицировать Рамочную конвенцию СЕ в защиту национальных меньшинств и все остальные международные конвенции и нормы ООН, ОБСЕ и СЕ, касающиеся прав меньшинств и др.¹⁶

В отношении Австрии ФСЕНМ высказывает недовольство тем, что все больше враждебности наблюдается в отношении национальных меньшинств в Каринтии и указывается: «ввиду... плохих результатов в области преподавания языка хорватского меньшинства в двух двуязычных начальных школах Бюргенланда, Конгресс национальностей ФСЕНМ обращается к австрийским компетентным службам администрации и школьного законодательства с тем, чтобы они изменили школьный закон в отношении меньшинств для Бюргенланда от 19 августа 1994 г. таким образом, чтобы язык меньшинств был введен в качестве обязательного предмета в средней школе в Бюргенланде. Те же проблемы существуют в Словении, где не признано официально и не пользуется какими-либо коллективными правами германоговорящее меньшинство. Хотя оно упомянуто в культурном соглашении, подписанном Словенией с Австрией, оно не получает никакой финансовой поддержки со стороны государственных властей. «Словения должна признать свое германоговорящее меньшинство, так как меньшинства, не имеющие закрепленного в Конституции статуса, не пользуются в Словении никакой коллективной защитой», – указывается в резолюции. Те же требования предъявляются в отношении Франции, которую обвиняют в том,

---

¹⁵ *Union Fédéraliste des Communautés Ethniques Européennes. Résolution 2006-01*

[//www.fuen.org/pages/fance/f_5c_2002.html](http://www.fuen.org/pages/fance/f_5c_2002.html)

¹⁶ *Ibid.*

что она сдерживает развитие бретонского языка – «последнего живого кельтского языка на европейском континенте, который является частью общего европейского наследия»¹⁷ (что касается вопроса о языках, к нему мы еще вернемся).

Не обходит Союз стороной и Россию, которой посвятил специальную резолюцию (2006-02), поскольку «Ассамблея делегатов обеспокоена продолжающейся расовой дискриминацией во многих городах Российской Федерации». Подсчитав, что в 2005 году 40 человек неславянской национальности стали жертвами агрессии, конгресс обратился к правительству РФ с просьбой «срочно принять меры, чтобы предупредить такого рода эксцессы и наказать виновных»¹⁸.

Итак, миссия ФСЕНМ – это мирное продвижение идеи языкового и культурного многообразия в качестве ключевой идеи европейского строительства и подготовка основы для соответствующих решений Совета Европы и Евросоюза.

Выдвижение же более радикальных требований и постепенное ознакомление общественности с реальными планами идеологов этнорегионализма осуществляет другая, тесно сотрудничающая с Союзом организация. Речь идет о политической группе депутатов Европарламента «Зеленые – Европейский свободный альянс». Родилось это объединение из созданной в 1994 году федералистской политической группы «Демократическая партия народов Европы – Европейский свободный альянс», в которую вошли партии, отстаивающие специфику представляемых ими в рамках ЕС этнических групп и открыто выступающих за достижение ими политической автономии. К ним относятся Националистический блок Галего (Галисия), Республиканская партия Каталонии, Эуско Алькартасунаи (из Страны Басков), Фризская Национальная партия (Нидерланды), Движение Савойского региона (Франция), Савойская лига (Франция), Окситанская партия (Франция), Союз эльзасского народа (Франция), Бретонский демократический союз (Франция), Партия за корсиканскую нацию, Партия германогворящих Бельгии, Сардинская партия, Лига Фронт Венето, Партия за Корнуолл, Уэльская партия – Плайд Кимру, Шотландская национальная партия, Союз за Южный Тироль, Словенское объединение (итальянская область Фриули-Венеция-Джулия), Спирит (из Фландрии) и др.¹⁹ Некоторые из выступающих за независимость партий уже участвуют в управлении региональной политикой. Речь идет о таких пар-

---

¹⁷ *Ibid. Résolution 2006-04.*

¹⁸ *Ibid. Résolution 2006-02.*

¹⁹ *См. caùm: www.e-f-a.org/kaartje.php*

тиях, как Республиканская партия Каталонии (вторая после социалистов партия Каталонии) и Шотландская национальная партия, о победе которой на выборах 2007 года мы уже писали.

Однако деятельность этих партий была бы ограниченной, если бы они не пользовались надежным покровительством со стороны соответствующих структур ЕС. Поскольку основополагающие документы Европейского Союза придают особый размах требованиям регионов, а европейское право первенствует над национальным, политические представители этнических регионов оказались в крайне благоприятных условиях для отстаивания своих требований в Брюсселе и для формирования политических союзов.

В марте 2004 г. входящие в Альянс партии и присоединившиеся к ним новые региональные движения (всего 30 организаций) подписали в Барселоне декларацию о сотрудничестве и приняли предвыборный документ «К Европе разнообразий». А буквально за месяц до этого, в феврале 2004 г., в Риме произошло объединение экологических движений и партий Европы, основавших «Зеленую европейскую парию», в которой руководящую и направляющую роль играют, естественно, зеленые ФРГ. Заключив между собой союз, Зеленые и Альянс объединились в политическую группу «Зеленые-ЕСА», которая представляет собой сегодня хорошо организованную силу, находящуюся на подъеме. Влияние этой организации ширится по мере возрастания роли регионов и усиления активности Федералистского союза. В настоящее время группа «Зеленые-ЕСА» находится на острие борьбы, играя роль «приводного вала». Выдвигаемые ею приоритетные задачи полностью согласуются с логикой развития региональной политики ЕС и совершенно четко отражают основополагающие принципы интеграционной стратегии Германии и особенности ее политической культуры. Задачи эти следующие:

- создание двухпалатной системы, состоящей из Европейского парламента, выбираемого прямым голосованием, и Совета (или Сената), состоящего из представителей территориальных автономных образований;
- признание всех существующих европейских языков;
- передача «децентрализованным» властям контроля и управления Структурными фондами;
- свобода вводить межрегиональное и трансграничное сотрудничество без какого-либо вмешательства государства;
- развитие еврорегионов;
- отказ от любой дискриминации на этнической, религиозной и сексуальной почве;

СТРАТЕГИЯ «БАЛКАНИЗАЦИИ» ЕВРОПЫ

- введение общей внешней политики для Европы²⁰.

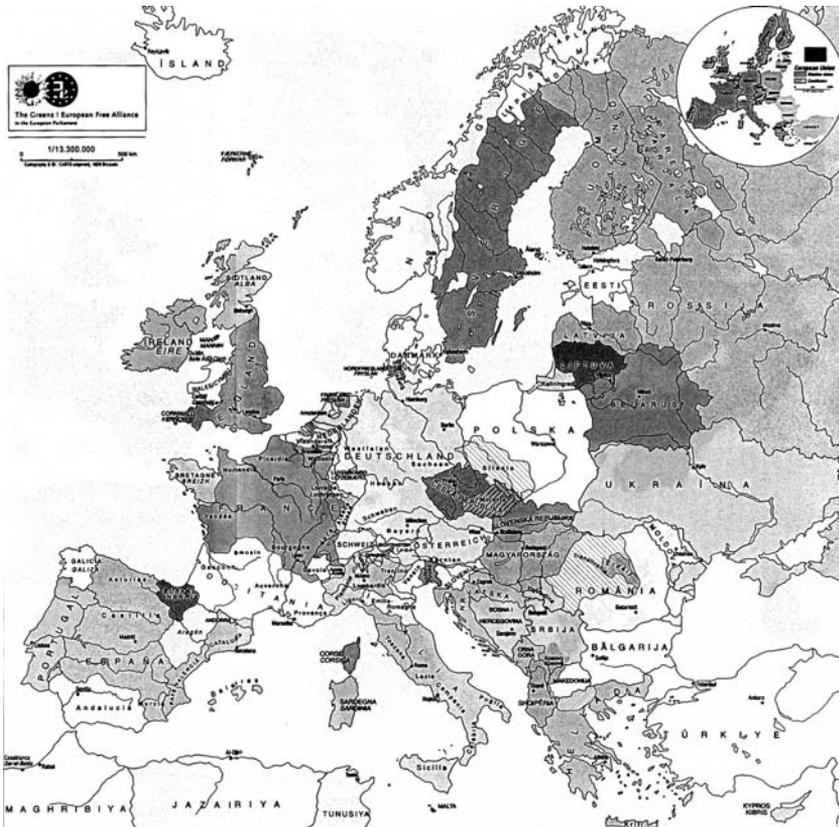
Однако наилучшим образом о планах Альянса говорят составленные с его участием и при финансовой поддержке Европарламента карты этнических образований Европы, которые показывают, каким представляют себе европейское будущее эти политические силы.

Карта №1

(Источник: <http://www.communautarisme.net/docs/carte-europe-regions-PPDE-ALE-1997.jpg>)

²⁰ Hillard P. *Les Verts, partisans d'une Europe des ethnies* // Voltaire, Éditions internationales. 27.02.2002 // www.volterenet.org/article14960.html.

Карта №2

(Источник: <http://www.communautarisme.net/docs/carte-europe-regions-Verts-ALE-2004.jpg>)

Первая карта была разработана в 1997, а вторая – в 2004 году. Как видно, за 7 лет произошли большие изменения. Новые этнорегионы на карте появились в Испании – Андалусия, Арагон, Балеарские острова, в Италии – регионы Венеция и Эмилия-Романья²¹, во Франции – это Эльзас-Лотарингия, ранее интегрированная в Германию, и Савойя. Но главные изменения произошли в Центральной и Восточной Европе. В мае

²¹ Надо помнить, что эти регионы уже входят в Альпийско-Адриатическое рабочее сообщество – дочернюю организацию германо-европейской Ассоциации европейских приграничных регионов.

2004 года с присоединением к ЕС новых членов расширился и состав Альянса, включившего новые политических организации, и на восточном направлении Германии происходит значительное дробление территорий. На юге Литвы выделилось польское сообщество, в Польше – Силезия, в Чехии – Моравия, в Сербии – Север Воеводины, примыкающий к Венгрии, в Румынии – Трансильвания, в Словакии – южные территории, населенные венграми, в Греции – македонское сообщество. Таким образом, к востоку и к западу от ФРГ все приходит в движение, и только Германию оставляют целостной, расширяя ее границы за счет территорий Швейцарии и Австрии.

В последней карте обращает на себя внимание следующее. Если, например, в случае с трансильванским сообществом в Румынии или польским сообществом в Литве речь идет об отстаивании прав национальных меньшинств, то подобное неприменимо в отношении Силезии или Моравии, которые являются лишь историческими областями, не заселенными однородными этносами. На каком же основании они выделяются в качестве автономных меньшинств?

Мотивы эти ясно изложил в одном из своих выступлений член исполнительного и ответственного бюро международных дел Автономистского Силезского движения Бартоломей Свидерек: «Силезия, или точнее Верхняя Силезия, где политически активно Автономистское Силезское движение, рассматривается как "Регион-Нация", расположенный между Польшей, Германией и Богемией. Речь идет не о нации в строгом смысле слова, но о соединении лингвистических, культурных и самобытных составляющих, будь они германскими, польскими, чешскими или только силезскими... Главное требование Автономистского Силезского движения – это политическая, налоговая и культурная автономия Силезии в рамках широкого европейского сообщества регионов. Подобная автономия должна быть воспроизведена в соответствии с каталонской моделью или, более широко, в соответствии с системой немецких или австрийских земель. Будучи федералистским, Автономистское Силезское движение хочет, чтобы Польша превратилась в федерацию регионов, способных играть значительную роль внутри децентрализованной Европы... Мы очень активны в области международного сотрудничества с аналогичными политическими движениями и партиями во всей Европе, особенно с теми, кто входит в партию Европейского Свободного Альянса народов Европы. Мы с осторожностью завязываем связи с другими движениями, что означает, что мы сотрудничаем только с политическими партиями, которые являются полностью демократическими, воздерживаются от насилия и не занимают экстремистской позиции. В качестве наших партнеров мы имеем

Савойскую Лигу, Баскскую националистическую партию и Баскскую солидарность, Уэльскую Плэйд Кимру и Моравскую демократическую партию. Так как Европейский союз с большим энтузиазмом занимается региональными делами, мы считаем, что эта структура – одна из тех, которые позволят нам добиться нашей цели – автономной Силезии в рамках Европы регионов...»²².

Совершенно очевидно, что в данном случае принцип защиты прав меньшинств просто используется для дробления государства по немецкой модели и никак не связан с отстаиванием интересов какого-либо угнетенного этноса. Нельзя забывать и тот факт, что часть Силезии уже входит в соответствующий еврорегион на границе между Польшей и Германией, который играет свою роль в планах немецкого бизнеса. Характерно, что данное движение имеет свои представительства не только в Польше и Брюсселе, но также и в Германии (в Бенсгейме) и в США (в Клирвотере).

Здесь же для сравнения мы публикуем еще одну карту Европы регионов, взятую из книги французского писателя Сан-Лу «Службы СС Золотого руна», который служил во французских войсках СС и имел возможность общаться с теми непангерманистскими представителями этих элитных частей, которые разрабатывали проекты «денационализации» Европы. В соответствии с этими проектами Европа должна была быть поделена на исторические провинции, обладающие широкой культурной автономией. Характерно, что этим провинциям возвращены их старые названия периода раннего средневековья. Безусловно, эту преемственность идей нельзя игнорировать, тем более что многие европейские этно-националистические партии зародились именно в 30-е годы в условиях покровительства немецких политиков, а некоторые и создавались непосредственно по их инициативе.

Говоря о роли партии «Зеленые-ЕСА», надо подчеркнуть, что она связана не только с ФСЕНМ. За этими структурами стоит множество институтов, обеспечивающих проведение согласованной политики всеми автономистскими движениями. Среди них – Европейский центр в защиту потомков меньшинств (ЕЦПМ), Европейское бюро в поддержку редких языков, Федеральный союз европейских меньшинств, Меркатор, Европейский институт народов, Международная хельсинкская федерация в защиту прав человека и др. Все они, находясь под покровом Германии, выполняют свои определенные задачи.

---

²² *Diplomatie Magazine, mars-avril 2003. №2. P.61.*

СТРАТЕГИЯ «БАЛКАНИЗАЦИИ» ЕВРОПЫ

Карта №3 (Источник: www.voltairenet.org/article7731.html)

Новое значение контакты между ведущими в этом плане организациями приобрели после принятия так называемой Бозенской Декларации, одобренной руководителями ФСЕНМ и ЕЦПМ 1 мая 2004 года. Она представляет собой программу действий, разработанную под эгидой Бозенской Европейской Академии, созданной по инициативе политиков Южного Тироля (1994)²³. Данный документ стал итогом работы многочисленного коллектива экспертов, политиков, представителей более 90 неправительственных организаций, которые призвали ускорить

²³ Напомним, что Бозен является столицей автономной провинции Южный Тироль или Альта-Адидже, о роли которой в процессе регионализации мы уже писали.

развитие местной специфики и своеобразия при активном содействии Совета Европы, ОБСЕ и ЕС. Более того, было решено, что защита меньшинств должна стать *одним из критериев*, применяемых ЕС при оценке уважения прав человека государствами-членами или странами, собирающимися вступить в ЕС. Декларация в свою очередь послужила основой для написания работы, получившей название «Защита меньшинств и расширение Европейского Союза – Путь вперед», одним из редакторов которой был Рейнер Гоффманн, президент консультативного комитета, ответственного за применение Рамочной конвенции о защите меньшинств и член руководящей группы Европейского института потомков меньшинств. Значение этой фигуры было подчеркнуто Министерством иностранных дел Германии, заявившим, что Гоффманн был послан федеральным правительством. Все эти документы и материалы утверждаются и применяются на высшем уровне европейских инстанций.

Совместно с Бозенской Европейской Академией (сокращенно ее называют ЕВРАК) а также Институтом Сороса Европейская комиссия создала еще одну структуру, работающую на поощрение местной специфики и этнических особенностей, под названием «Платформа за обогащение культурного и этнического разнообразия Европы». Англо-американское влияние проявляется в участии в этом процессе Международной группы за права меньшинств со штаб-квартирой в Лондоне и уже упоминавшегося американского «Проекта по этническим отношениям» (ПЭО) со штаб-квартирой в Принстоне, созданного еще в 1991 году и ставящего своей задачей предупреждение этнических конфликтов в Центрально-Восточной Европе, на Балканах и в России. В свою очередь за спиной ПЭО стоят Госдепартамент и известные глобалистские организации – Фонд Карнеги, Фонд братьев Рокфеллеров, Фонд Форда, Фонд Маршалла и др.

В ведущих регионах Европы работают и другие специальные центры, объединяющие представителей бизнеса и националистических организаций. Так, в Швейцарии действует Локарнский институт, привлекающий исследователей, преподавателей, руководителей предприятий, специалистов по маркетингу и экспертов по европейской безопасности к работе над стратегическими проектами. Опору будущего экономического процветания Европы они видят в развитии исторических регионов – Баварии, Фландрии, Каталонии и Бретани, которая мыслится как «внутриевропейский дракон»²⁴.

---

²⁴ Nassaux J.-P. *L'ethnisme, le projet d'autonomie sociale et individuelle et la mondialisation* //

Подобные исследовательские группы действуют и в других регионах. Фламандским эквивалентом Локарнского института является аналитическая группа «*In de Warande*», которая объединила представителей крупного фламандского бизнеса и интеллектуалов, выражающих их интересы, поставивших перед собой задачу разработать конкретные сценарии окончательного раздела бельгийского государства. Итогом их работы стал объемный документ, опубликованный в 2006 г., носящий характерное название «Манифест за независимую Фландрию в единой Европе». Фактически он представляет собой решительный приговор бельгийской федерации, претендующий на «научное» обоснование раздельного существования двух народов²⁵.

Для информирования европейской общественности о том, что происходит в сфере защиты прав этносов в 1999 году был создан специальный сайт евроменьшинств²⁶. Как указывают авторы этого сайта, они представляют интересы Организации европейских меньшинств и связаны с десятками корреспондентов. Хотя сайт находится в открытом доступе, авторы предупредили, что любая перепечатка информации с него для коллективного пользования запрещена без предварительного заключения договора. Сайт дает достаточно полное представление о том, как мыслится сегодня регионалистами «Европа этносов» и каковы их планы на будущее. Здесь дается полный список этнических и национальных меньшинств Европы²⁷ (включая этноменьшинства России, Украины, Белоруссии, Кавказа, Турции). Причем интересно, что к меньшинствам относят не только этносы и нации, но и исторические области, такие как Силезия, Моравия, Крым (о значении этого подхода мы уже писали). Далее, дается определение разных категорий меньшинств, их классификация в соответствии с теми требованиями, которые они выдвигают, публикуются лингвистические атласы и атласы Европы,

---

Pyramides. Revue du Laboratoire de Recherches en Administration publique. ULB. Numero 9. Printemps 2005. P.11.

²⁵ См. *Manifeste pour une Flandre indépendante dans l'Europe unie. Groupe de réflexion «In de Warande». Mars 2006.*

²⁶ www.eurominority

²⁷ С уточнением определений в соответствии с используемыми в международном праве: национальные меньшинства – это меньшинства, которые в другом государстве образуют большинство, (например, немцы в Бельгии); этнические меньшинства – это меньшинства, не имеющие собственного государства; и лингвистические меньшинства – это группы населения, чей родной язык не является языком большинства населения данного государства.

разделенной на этносы. Особый интерес представляет раздел «Другие карты»²⁸, который показывает, как представляют себе активисты отдельных этнических движений границы проживания своих этносов. В одной из публикаций (еще 1998 г.) были перечислены 10 прав этносов, к которым относят право на: идентичность, территорию, самоопределение, язык, этническую культуру, природные ресурсы, доходы с эксплуатации, право на жизнь и работу в стране, защиту рынка, самоорганизацию. Здесь можно ознакомиться со всеми последними новостями, касающимися борьбы этносов за свои права.

Таким образом, движение за автономию меньшинств имеет широкую «крышу» и мощную поддержку, и можно утверждать, что в этих условиях процесс распада Европы на этнорегионы, хорошо управляемый и координируемый, будет продолжаться, вызывая нестабильность, локальные конфликты, а в определенных случаях – состояние хаоса. Фактически сегодня нет такой европейской страны, за исключением Португалии и Исландии, которой бы не касалась эта проблема²⁹. Другое дело, в какой форме эта проблема ставится. В тех странах, где вопрос о меньшинствах имеет давние исторические корни, к нему постоянно привлекают пристальное внимание, пока он не примет крайне острые формы, а в тех, где серьезных конфликтов никогда не было, они создаются искусственно. Главным взрывоопасным районом Европы всегда были Балканы, на протяжении многих десятилетий здесь применялись методы раскола, основывающиеся на противопоставлении этно-религиозных различий. В странах ЦВЕ, отличающихся моноэтническим составом, как мы видели, стараются выделять исторические области (Силезия, Моравия). В отношении же стран западной Европы главная ставка делается на усиление культурно-лингвистических различий. В настоящее время в авангарде борьбы за широкую культурно-лингвистическую автономию, идущую параллельно с достижением административно-экономической самостоятельности, выступают Страна Басков, Каталония, Фландрия (хотя фламандцы отнюдь не являются национальным меньшинством в Бельгии), германоговорящие Южного Тироля (Альто-Адидже), Шотландия, Северная Ирландия, Корсика. А их примеру уже следуют менее организованные меньшинства.

В бывшей Югославии, где была применена и отработана модель тотального дробления государства, приведшего к массовому переселению

---

²⁸ <http://baniel.eurominority.org/version/fra/maps-other.as>

²⁹ См. карту автохтонных народов и этнических меньшинств Европы на сайте:

www.eurominority

сербов, все внимание этнорегионалистов в настоящее время сконцентрировано на территории Косово и Метохии и тех районах, где проживают албанцы Македонии, а также на Воеводине. Косовская проблема хорошо известна и изучена, поэтому хотелось бы остановиться только на некоторых фактах. Именно здесь, на Балканах, ФСЕНМ осуществляет особенно впечатляющую деятельность. Представители албанцев Косово и Метохии официально являются членами этой организации, одновременно они имеют свои резиденции в США: одну – в Ауоре, штат Иллинойс, другую – в Ховард Бич, штат Нью-Йорк. Также полной поддержкой со стороны ФСЕНМ пользуются албанцы Македонии.

В 2002 году впервые ежегодный конгресс Союза прошел в Сербии – в Суботице, столице Воеводины. Выступивший на ней тогда Ульрих Бохнер, генеральный секретарь Конгресса местных и региональных властей (КМРВ), обрисовав в общих чертах план перестройки всего балканского региона в соответствии с германо-европейскими нормами, изложил и понимание самого европейского идеала: «Легко понять, что раскол стран и перемещение границ привели к ситуации, когда миллионы людей живут сегодня в странах, в которых их специфические этнические и лингвистические группы не являются большинством. Разрешите мне, однако, сказать вам, что в Европе, в которой проживает 800 млн. человек, мы все представляем собой меньшинство, так как нет ни одной группы, которая могла бы рассматриваться как большинство. В определенном смысле, такая территория, как Воеводина, где традиционно живут вместе несколько этнических сообществ, может рассматриваться как модель в миниатюре того, что Европа будет представлять собой в будущем. Признание многообразия – это не препятствие для европейского строительства, а его основа и важное достояние...»³⁰.

Высокая оценка здесь была дана деятельности Агентств местной демократии (АМД), созданных Конгрессом местных и региональных властей и объединенных в единую Ассоциацию (ААМД) в 1999 году. ААМД – это важнейший инструмент, созданный специально для бывшей Югославии и играющий роль «приводного вала», призванный связать местных политиков с европейскими структурами и многочисленными неправительственными организациями. Первое такое агентство было создано в 1993 г. как раз в Суботице, и деятельность его рассматривалась тогда в качестве пилотного проекта. В настоящее время насчитывается уже 11 АМД, действующих в 4 странах – Хорватии, Словении,

---

³⁰ *Union Fédéraliste des Communautés Ethniques Européennes. Documentation. Subotica. 2002*
//www.fuen.org/pdfs/20020927DOKU_SUBOTICA.pdf

Боснии-Герцеговине и Сербии (в 2003 году АМД открыто в Косово и Метохии). Непосредственно перед агентствами, пользующимися международной поддержкой (сотрудничество с ЕС, ОБСЕ, ООН, СЕ), стоят следующие задачи: защита прав человека, продвижение местной демократии, поддержка средств массовой информации, работа с молодежью, организация деятельности на микроэкономическом уровне, поощрение трансграничного сотрудничества (обмен между школами, университетами, журналистами и пр.). В реальности это означает, что они используются как инструменты для проведения такой послевоенной реконструкции, которая позволяет им контролировать политическую жизнь на местном и региональном уровнях и формировать новое поколение местных политиков, полностью ориентированных на западные ценности. Фактически АМД действуют как «авангард» Брюсселя, осуществляющий перестройку сознания южных славян с тем, чтобы «поднять» его до уровня общеевропейских стандартов и подготовить их к принятию в ЕС. Опыт этих организаций признан настолько «успешным», что его собираются распространить и на другие регионы. Недавно первое АМД было открыто в Грузии, планируется это сделать и в Белоруссии.

Особенно активную деятельность АМД проводит в Косово и Метохии, действуя в тесном контакте с Североамериканским Агентством за международное сотрудничество (*United States Agency for International Development*). Однако итоги последних лет для Края и в плане межэтнических отношений, и в плане социально-экономическом, как известно, крайне плачевны и даже трагичны. Перед косовскими сербами стоит острейшим образом проблема выживания. Экономика и система образования здесь находятся в упадке: большинство шахт и перерабатывающих предприятий не работает, заброшено сельское хозяйство, безработица достигает 50 % экономически активного населения (70 % среди молодежи). Остатки добывающей промышленности фактически контролируются мафиозными группировками³¹. Система высшего образования переживает глубокий кризис, погрязнув в nepотизме, коррупции, некомпетентности, архаичных методах преподавания. Процветают только торговля наркотиками, людьми и контрабанда оружия. Торговля людьми превратилась в криминальный бизнес №1, контролируемый бывшими членами Армии освобождения Косова. Доходы от него, как и доходы от торговли наркотиками, являются главными источниками

---

³¹ Миловзоров А. Косово ждет участь Палестины
[/www.utro.ru/articles/print/2006/02/28/525739.shtml](http://www.utro.ru/articles/print/2006/02/28/525739.shtml)

поступления финансов³². Преступные группировки этнических албанцев из Косово и Метохии активно обживают сегодня Западную Европу, от Италии до Великобритании. Так, по данным Скотланд-Ярда, через руки албанских «бригад» проходит 60% реализуемого в Англии героина³³. Так что стараниями цивилизованных западных элит Косовский край превратился сегодня в символ того нового этнического и регионального порядка, который они собирается строить на месте не вписывающихся в их глобальный мир государств.

В Западной и Южной Европе, как указывалось, главное внимание уделяется культурно-лингвистическим различиям и политика в области языков все больше приобретает, как указывают многие исследователи, геополитическое значение. Дело в том, что глобализация, распространяясь на все стороны нашей жизни, естественно стремится поглотить и языковую сферу, и здесь ее главная задача – навязать господство англо-американского варианта языка. Поэтому атаке с ее стороны в первую очередь подвергаются те наиболее широко распространенные языки, на основе которых создавались самостоятельные и самобытные культуры с ярко выраженным мировоззренческим индивидуализмом, которые могли бы оказать ему серьезное сопротивление. Языки же малых народов не годятся на роль конкурента, напротив, они удобны и безопасны. Как пишет французский исследователь Л.-Ж.Кальвэ, «пыль слабых государств никоим образом не беспокоит мировой рынок, она скорее ему благоприятствует (движение капиталов, налоговый рай и т.д.). Глобализация поощряет микронационализмы, племенное деление и лингвистический национализм»³⁴. Малые этносы могут совершенно искренне стремиться к своим истокам, корням, к сохранению собственного наследия, но в современных условиях, когда внешний фактор развития

---

³² Абросимов Н. На Балканах процветает невольничий рынок
[//www.utro.ru/articles/2004/05/07/305341](http://www.utro.ru/articles/2004/05/07/305341)

В последние годы «фирменным знаком» оргпреступности на территории бывшей Югославии стала криминальная сексиндустрия. Полицейские эксперты Интерпола и Европола отмечают, что к настоящему времени этот «бизнес» прочно укоренился в Сербии, Черногории, Боснии, Косово, Македонии, а также Албании. Прибыли, которые сегодня получают балканские работорговцы, вполне сопоставимы с доходами от трафика наркотиков и торговли оружием – этими до недавнего времени основными специализациями местных преступных кланов.

³³ Владимиров И. Европу скрутила новая мафия
[//www.utro.ru/articles/2002/12/11/116071.shtml](http://www.utro.ru/articles/2002/12/11/116071.shtml)

³⁴ Nassaux J.-P. *Op. cit.* P.10.

оказывается определяющим и каждый из них находится на учете или в реестре у наднациональных элит, последние используют их исключительно в своих интересах. Для них региональные языки – это ставка в политической игре и повод для конфликта. Как указывалось на парижском коллоквиуме 2001 года, организованном французским Центром геополитических исследований и анализа с участием Общества геополитики, националистические движения стремятся сегодня использовать право говорить на своем языке для завоевания территории и установления на ней своего суверенитета, что противопоставляет их, в первую очередь, государственным властям, провоцируя глубокие конфликты.

Так, в Испании лингвистический фактор является одним из важнейших аспектов, формирующих «факт дифференциации» страны и специфику регионов. В испанской конституции говорится, что если кастильский язык является официальным государственным языком, то «остальные языки Испании являются также официальными в соответствующих автономных сообществах согласно их статутам». Но каталонские и баскские националисты на языковом вопросе делают особый акцент, так что некоторые критики говорят именно о «языковом национализме». В Каталонии каталонский язык является фактически наиболее очевидным отличительным признаком местного сообщества, и с тех пор, как был принят (1983) закон «О лингвистической нормализации в Каталонии», официально закрепивший статус второго государственного языка на территории Каталонии, местная националистическая партия Конвергенция и Союз придает данному направлению деятельности первостепенное значение. В 1997 году был принят новый закон, значительно усиливший роль и влияние каталонского языка, способствовавший фактически вытеснению кастильского из многих сфер его употребления. В итоге каталонский язык из языка исключительно бытового общения превратился в активно употребляемый второй государственный язык. Особенно радикальные изменения были осуществлены в системе обязательного среднего образования: к 2000 году в сообществе остались только четыре начальные школы (0,1%), где преподавание ведется на испанском языке. Но зато в старших классах, где должно учитываться уже мнение учащихся, картина иная. Испанский язык здесь имеет значительно большее распространение. Сокращается также и число частных школ, ведущих преподавание на каталонском языке. Незначительно его присутствие в частных СМИ, издательском деле и кинопрокате, не достигает он преобладающего положения и в вузах. Но самое главное заключается в том, что, несмотря на все принятые каталонскими властями меры, только 20% жителей Каталонии, согласно статистике, счи-

тают себя в большей степени каталонцами, чем испанцами. Что же касается Страны Басков, то здесь 40% жителей считают себя в большей степени басками и в меньшей – испанцами, но при этом на баскском языке говорят только 20% населения страны и еще меньше – в Наварре³⁵. Насколько велик разрыв между националистическими устремлениями руководства и мнением широких слоев жителей Каталонии, свидетельствует и тот факт, что во время июньского референдума 2006 года о новом статусе Каталонии, проведенного в автономии, за него высказалось только 36% населения. Дело в том, что хотя «за» и проголосовало 73,9% участвовавших в референдуме, но к урнам пришли только 49,4% каталонцев, то есть меньше половины населения сообщества³⁶. Так что результаты референдума никак не похожи на «исторический возглас каталонского народа», как их охарактеризовал премьер-министр Испании Луис Родригес Сапатеро.

Однако в наиболее яркой форме свое политическое значение языковая проблема проявляет во Франции, которая, являясь государством не только традиционно централизованным, но и в значительной степени культурно однородным, подвергается сегодня самым резким нападкам со стороны защитников меньшинств. Изменив в 1992 году ст.2 своей конституции, в которой теперь говорится, что «язык Республики – французский», Франция, таким образом, утвердила его в качестве единственного государственного языка, обезопасив себя от культурно-лингвистической регионализации. Это и вызывает наибольшее недовольство у тех националистических сил, которые поставили своей целью создать автономные сообщества в Бретани, Окситании, на Корсике и нашли полную поддержку у Федералистского союза европейских национальных меньшинств. Так, в резолюции, принятой на последней конференции ФСЕНМ, посвященной французской Бретани, ее участники обратились к общественности со следующим призывом (приводим его почти полностью). Члены ФСЕНМ, «констатируя, что французские правящие власти проводят этноразрушающую политику в отношении бретонского языка, последнего кельтского разговорного языка в континентальной Европе, являющегося достоянием всей Европы; считая, что Франция представляет собой уникальный в Европе случай, будучи страной, в которой положения конституции, и особенно статья 2 французской конституции, создают законную основу для проведения полити-

---

³⁵ Поггесчи Д. Языковые права в Испании // www.spain.org.ru/content/store_237.html

³⁶ Catalogne: l'abstention (50,6%) ternit le «oui» a l'autonomie élargie // LatinReporters.com; - [Amerique Latine-Espagne //www.latinreporters.com/espagnepol19062006imprimer.html](http://www.latinreporters.com/espagnepol19062006imprimer.html)

ки полного разрушения всех языков меньшинств и позволяют, кроме того, активно способствовать их исчезновению с помощью планируемого этноцида; констатируя, что весь комплекс документов, направленных на защиту меньшинств, принятых Советом Европы, Европейским парламентом, ЮНЕСКО, КРМВ ... ни подписаны, ни ратифицированы французским правительством и остаются мертвой буквой на территории Франции; констатируя, наконец, что уже много лет французские правительства полностью игнорируют резолюции, которые ей направляет ФСЕНМ по этому вопросу, настоятельно просят членов ФСЕНМ, имеющих страну-отечество, привлечь их дипломатов, чтобы те обратились к французскому правительству по этому вопросу либо по дипломатическим каналам, либо в письменной, либо в устной форме, а также в международных инстанции Европы»³⁷. Обращаясь особо «к выходцам из тех стран, от которых Франция требовала уважать документы, которые она не уважает сама; к правительствам, например, таких стран, как Австрия и Ирландская Республика, которых французская дипломатия в прошлом призывала к порядку относительно уважения их меньшинств или языков меньшинств; к правительствам стран Центральной или Восточной Европы, новых членов Европейского Союза, которых Франция осмеливается упрекать в нарушении прав человека», ФСЕНМ просит «самым широким образом распространять этот отчаянный призыв маленького европейского народа, испытывающего унижения»³⁸.

Таковы методы давления ФСЕНМ и входящего в него Комитета регионального действия Бретани. Наибольшую же активность в самом регионе проявляет Бретонская партия, поддерживающая тесные связи с националистами Страны Басков, Каталонии и Шотландии. Она добивается признания бретонского в качестве официального языка Бретани, предоставления региону бюджетных полномочий в сфере культуры и образования, создания бретонских самостоятельных политических учреждений. В своих интересах партия использует деятельность школ с преподаванием на бретонском языке, объединенных в систему *Diwan*. Это общественные школы и колледжи, финансируемые за счет местных сообществ и частных лиц. Первая школа была создана в 1977 году, а в 1988-м было подписано протокольное соглашение, определившее способы функционирования образовательных учреждений *Diwan* и финан-

---

³⁷ *Résolution de l'UFCE concernant la Bretagne: Mettre une pression internationale sur la France. Plouray 21/06/06 21:24 par UFCE*

//www.agencebretagnepresse.com/print.php?id=4053tableau=

³⁸ *Ibid.*

совое участие государства и территориальных сообществ Бретани. В 1990 и 1993 гг. были подписаны новые соглашения с Министерством национального образования, касающиеся порядка работы школ. Так что Diwan постепенно расширяет свою деятельность, но бретонские националисты, не удовлетворенные таким положением дел, прилагают все усилия, чтобы добиться изучения бретонского языка в качестве обязательного.

Надо отметить, что эта проблема вызвала широкую дискуссию среди французских лингвистов и историков, большая часть которых понимает, что бретонское общество становится сегодня объектом манипулирования со стороны антифранцузских политических сил. Как указывает, например, лингвист Л.-Ж.Кальвэ, сегодня в моде «политико-лингвистический корректный дискурс», в соответствии с которым все языки равны и нуждаются в одинаковой поддержке. В связи с этим он пишет: «Ни один языковед не может испытывать радость от исчезновения языка, но это не означает, что нам надо систематически изучать с неким терапевтическим рвением заброшенные их носителями лингвистические формы»³⁹. Те, кто ратует за ратификацию Францией Хартии региональных языков и языков меньшинств, основывают свои аргументы на том, что в стране существует 7 или 8 языков меньшинств (эльзасский, баскский, бретонский, корсиканский, креольский, окситанский и др.). Однако научный анализ показал, что во Франции таких языков не 7–8, а 75–80 и их крайне сложно развивать или защищать одинаковым образом. Как полагает Кальвэ, подход должен быть иной: надо анализировать ситуацию не с точки зрения равенства языков, но с точки зрения равенства их функций, то есть язык надо защищать тогда, когда его носители в этом нуждаются, а не навязывать его искусственно. «Такой анализ показал бы, что языки меньшинств, о которых говорят больше всего, как раз и не надо продвигать в первую очередь и что язык галиби в Гвиане, например, имел бы для их носителей намного более важное значение, чем окситанский на юге Франции или бретонский в Бретани»⁴⁰.

Что касается бретонского языка, то главная проблема в том, что он представляет собой не один региональный язык, на котором говорят в одном определенном районе, а несколько более или менее близких диалектов, на которых говорят на небольших территориях. Борьба за его

³⁹ Calvet L.-J. *Le marché aux langues. Les effets linguistiques de la mondialisation*. Plon; Paris, 2002. P.91–93.

⁴⁰ *Ibid.* P.96–97.

защиту привела в итоге к образованию единого письменного языка, но единого устного не существует. А диалект *vannetais* вообще сохранил собственную письменность, сильно отличающуюся от той, которая используется в других районах. Но и единый письменный язык, как указывают исследователи, является искусственным «необретонским» языком, отрезанным от традиционного бретонского, так как создавался он на основе орфографической и фонетической унификации, подстроенной под нужды преподавания. В итоге теперь сосуществуют два языка: один, на котором говорят его традиционные носители, проживающие в том или ином районе, другой – «язык борцов бретонского движения», изучаемый в школах. Та же ситуация с окситанским, баскским, корсиканским языками. Эти «новые региональные языки», как их называют, преподаваемые в частных школах, являются лингвистическими конструкциями, сильно отличающимися от разговорного языка, на котором еще говорят представители старшего поколения. Не случайно последние часто не желают слушать передачи или смотреть телевидение на бретонском или корсиканском языках, поскольку эти языки звучат не так, как в их детстве, и не воспринимаются ими как «свои»⁴¹. Как выразился один из исследователей, говоря о баскском языке, это «пластифицированный» язык.

Многие лингвисты считают, что защитники новых региональных языков фактически ускоряют смерть пока еще живых разговорных диалектов, как раз и являющихся настоящим культурным наследием. Особенно это характерно для Окситании – исторической области на юге Франции⁴². В свое время об Окситании было забыто, но, когда был взят курс на «пробуждение» меньшинств, вспомнили и о ней. Сегодня специальным изучением окситанской специфики занимается целый ряд учреждений, среди которых надо выделить Институт окситанских исследований и Учебный и исследовательский центр Окситании. Что же касается политических требований, то они формулируются Окситанской партией, которая является членом организации Зеленые-ЕСА. Однако реально эти силы заняты воплощением того проекта, который был изложен в книге Франсуа Фонтана, французского исследователя и основателя Окситанской партии, выпущенной еще в 1969 году. Называлась

---

⁴¹ Giblin B. *Langues et territoires: une question géopolitique // Hérodote. Revue de géographie et de géopolitique. 105 – Langues et territoires (second semestre 2002)*

[//www.univ-paris8.fr/geopo/herodote_site/article.php3?id_article=55](http://www.univ-paris8.fr/geopo/herodote_site/article.php3?id_article=55) P.7.

⁴² Слово Окситания происходит от средневекового названия, данного в конце XIII в. тем землям, где говорили на языке ок.

она «Окситанская нация, ее границы, ее регионы». Выделив 5 элементов, отличающих эту историческую область от ее соседей, автор не только указал на ее своеобразие, но и предложил план внутренней федерализации устройства Франции, в рамках которого Окситанская федерация должна была объединить 7 провинций. Известно также его высказывание, сделанное по поводу того, как будет распространяться язык в той области, где на нем мало кто говорит. Фонтан четко заявил: «Если лингвистическая принадлежность населения частично изменилась на данной территории в силу ассимиляции, эта ассимиляция не будет приниматься во внимание»⁴³. Им же было указано, что европейское строительство создает множество возможностей для деятельности сторонников «региональной идентичности».

Однако надо признать, что развитие окситанского языка идет настолько слабо, что не дает оснований говорить о реальном успехе. И одна из причин этого в том, что, как и в случае с бретонским, окситанского языка как такового не существует, есть несколько диалектов, которые пожилые крестьяне, его носители, стремятся сохранить без изменений для внутреннего пользования и которые сильно отличаются от того сконструированного языка, на котором говорят неоокситанцы, проживающие в городе. На одном из коллоквиумов в Сорбонне в 2001 году было признано, что мир Окситании объединяет широкие слои народа, но они лишены общего сознания. Как указывалось в газете «*Le Monde*» за 24 августа 2000 г., «за исключением глубоких убеждений горстки борцов... ничто, кажется, не объединяет это пространство с проживающими на нем 13 млн. жителей... Драма Окситании в том, что окситанцы не знают окситанцев и не чувствуют общности судьбы». Многие исследователи подчеркивают искусственный характер создающегося окситанского единства и опасность того, что под видом сохранения языкового плюрализма будет создан «химическим путем» такой искусственный язык, который приведет к стиранию «реального лингвистического многообразия Средиземноморья».

Конечно ни бретонский, ни окситанский, ни эльзасский языки не имеют шансов вытеснить французский, но задача националистов заключается в другом. В силу того, что этими языками долгое время пренебрегали, их защитники фактически исходят из идеи реванша, которая в итоге приобретает форму отстаивания самого права на отличие как такового и характеризуется антифранцузской и антигосударственной направленностью. Возможность говорить на региональном языке озна-

---

⁴³ Nassaux J.-P. *Op. cit.* P.4.

чает для них проявление их политической позиции и демонстрацию откровенного неприятия принадлежности к французской национальности и верности принципам мультикультурализма и этнического федерализма. И хотя речь иногда идет всего лишь о нескольких тысячах «активных борцов», опосредованное влияние этой хорошо организованной группы намного превосходит значение ее непосредственных действий и в определенных случаях может иметь очень серьезные последствия. Таково, например, положение на Корсике, особый статус которой предоставляет местным националистам возможность поставить в региональном совете вопрос о сосуществовании двух языков или осуществлять набор на определенные должности только среди людей, владеющих корсиканским языком, резервируя места для своих.

Говоря о политической роли меньшинств, следует подчеркнуть, что специфика их заключается в том, что, уходя в свои проблемы и будучи сконцентрированными на своих требованиях, они проявляют крайнюю нетерпимость, а это исключает какое-либо коллективистское сознание и чувство государственности. На смену им приходит идея «племенного гражданства» и «региональный шовинизм»⁴⁴. Причем часто укреплению позиций радикально настроенных этнических организаций способствует поведение самих государственных политических элит, которые не занимают в отношении них четкой позиции. В одних случаях они проявляют крайнюю терпимость или поощряют националистическую деятельность, в других – занимают неоправданно жесткую позицию и ведут себя настолько вызывающе, что это не может не привести к росту популярности экстремистски настроенных лидеров этнических групп. Иногда складывается впечатление, что это делается не случайно, а соответствует совершенно определенной политике. Так что в том виде, в каком в настоящее время проводится политика отстаивания прав меньшинств в Европе, она приводит последовательно к искусственному дроблению и разрушению национальной сплоченности общества.

Только одно государство от этого процесса выигрывает – это Германия, поскольку защита прав меньшинств дает ей возможность простираť свое влияние на те территории, которые традиционно рассматривались ею как сферы немецкого влияния. После распада социалистической системы ФРГ продолжила осуществление своих многовековых устремлений, делая ставку на создание еврорегионов, которые, как мы уже указывали, стали создаваться вдоль немецкой границы, включая в себя те земли, где раньше проживали немецкие меньшинства (Силезия,

---

⁴⁴ *Ibid.* P.5.

Судеты, Померания, Эльзас). С приходом к власти Г.Шрёдера защита немецких меньшинств стала проводиться еще более последовательно, что выразилось в утверждении новой стратегии, принятой Йохеном Вельтом, уполномоченным правительством ФРГ по делам переселенцев, и придающей более важное значение экономическим образованиям, покрывающим зоны, пересекающие границы государств. Предполагается также значительное усиление помощи немецким меньшинствам, проживающим вне Германии. Об этом же в 1999 году в своей речи на годовой сессии «Рабочего сообщества немецких меньшинств» (члена ФСЕНМ) говорил Франк Вилленберг, начальник управления национальных меньшинств и вопросов гражданства МВД Германии. Называлась она «Новая концепция защиты немецких меньшинств в ВЕ, ЦЕ и ЮВЕ, а также в государствах Центральной Азии, вышедших из бывшего Советского Союза».

Важная роль в этой политике принадлежит Союзу изгнанных Германии, который финансируется из федерального бюджета страны. Он объединяет землячества немцев – выходцев из Венгрии, Румынии и Польши, Чехии. Естественно, большая часть членов Союза – это уже не сами выходцы, а их дети, внуки и правнуки, но они активно проповедуют принцип «географии памяти» – то есть памяти о проживании их родных на территориях, которые те считали своей родиной, что по-немецки называется *Heimat*. Важно отметить, что в 1997 году ООН признала право на *Heimat*, что было использовано потомками выходцев из Судет, Силезии, Померании и других земель для начала обсуждения права на возвращение. В настоящее время землячества все активнее проявляют свои реваншистские настроения, пользуясь негласной поддержкой властей. Так, в мае 2005 года в Аугсбурге на 56-м съезде Землячества судетских немцев⁴⁵ премьер-министр Баварии и председатель партии ХСС Эдмунд Штойбер назвал депортацию судетских немцев «преступлением против человечности» и призвал правительство Чехии денонсировать так называемые «декреты Бенеша»⁴⁶. А официальный представитель Землячества Йохан Беем в резкой форме потребовал от президента Чехии прекратить «агрессивную пропаганду» против кон-

---

⁴⁵ *Влиятельная политическая организация, численность которой достигает 200 тыс. человек.*

⁴⁶ *На основании этих декретов большая часть судетских немцев и часть венгерского населения Словакии были лишены гражданских и имущественных прав как подданные бывшего Третьего рейха и депортированы из страны. Всего выехало около 3 млн. судетских немцев.*

ституции ЕС. Подобного реваншистского подхода придерживается и бывший президент ФРГ Й.Рау, назвавший тегеранские, ялтинские и потсдамские договоренности «вопиюще несправедливыми»⁴⁷. Землячество судетских немцев поддерживается не только ХСС. Сопредседателем его является один из видных членов СДПГ Петер Глотц.

Союз изгнанных не ограничивается одними заявлениями. Его функционеры находятся в руководстве очень влиятельного Прусского попечительского общества, которое занимается вопросами имущества, принадлежавшего немцам на территориях их бывшего проживания. Вначале общество концентрировало свое внимание исключительно на Польше, собирая данные о бывших немецких поместьях, домах, предприятиях на западных польских землях и подготавливая судебные иски с целью добиться возвращения этих объектов их «законным собственникам»⁴⁸. После же прихода к власти блока ХДС/ХСС его представители стали открыто поддерживать реваншистские настроения. Показательно в этом отношении, что на состоявшейся в феврале 2007 г. встрече международного бюро ХДС/ХСС с представителями Союза изгнанных и Прусского попечительского общества оно официально заявило, что в единой политической программе этого блока останется положение о «необходимости восстановления исторической справедливости в части объективных границ Германии и возмещения ущерба коренным жителям отторгнутых германских территорий»⁴⁹. После этого Прусское попечительское общество подало иски против Польши в Европейский суд по правам человека и Международный суд ООН, требуя компенсации потомкам немецких жителей этой земли. Аналогичные иски оно собирается подать против Литвы и Калининградской области. И хотя само немецкое правительство не поддерживает претензий попечительского общества, опросы общественного мнения в Германии говорят сами за себя. В соответствии с ними 1/3 немцев хочет, чтобы Чехия и Польша официально принесли извинения за выселения, 29 % лично связаны с данной проблемой, а 60 % полагают, что судьба «изгнанных» – это важный вопрос⁵⁰. Характерно и то, что во главе Союза изгнанных

---

⁴⁷ *Путем германского реванша //Фонд стратегической культуры*

[//www.fsk.rustrana.ru/article.php?nid=9438](http://www.fsk.rustrana.ru/article.php?nid=9438)

⁴⁸ Григорьев Е. Шрёдера тревожат «изгнанные» // *Независимая газета*. 2004. 2 августа.

⁴⁹ Балиев А. Поиск «жизненного пространства». Германии тесно в ее нынешних границах?

// Аналитический Интернет-журнал РПМонитор. 2007. 1 марта

[//www.rpmonitor.ru/ru/detail_m.php?ID=2768](http://www.rpmonitor.ru/ru/detail_m.php?ID=2768).

⁵⁰ *Аналитический обзор по Польше (октябрь– декабрь 2003). Анализ*. 2004. 8 января //BRC

уже несколько лет стоит Эрика Штайнбах – депутат бундестага от ХДС. Она сама считает себя «изгнанной» и в свое время даже пыталась противодействовать принятию Польши и Чехии в ЕС, требуя их предварительного согласия на материальные и иные компенсации ее подопечным. Так что «география памяти» работает очень успешно.

Однако пока рассматривается вопрос о компенсациях, осуществляется тихая, «ползучая» экспансия немецкого капитала на соответствующих восточных территориях. В настоящее время на землях Польши, принадлежавших ранее Германии, работает более 100 германских фирм и банков, а вид на жительство получили около 40 тысяч немцев (60 тысяч еще добиваются этого права)⁵¹. Но более интенсивный характер этот процесс принял в Калининградской области – бывшей Восточной Пруссии. Как пишет исследовательница Н.Серова, проект возрождения Восточной Пруссии был запущен в начале 1990-х годов, и первым этапом его реализации стали целенаправленные действия по расселению в регионе российских немцев, ранее проживавших в Казахстане, Поволжье и других районах бывшего СССР (видимо, для того и организовывалось их переселение в Германию). Занимались этим вопросом такие организации, как «Германо-российское общее дело – союз по поддержке Северо-Восточной Пруссии», «Акция Восточная Пруссия», «Акция германский Кенигсберг» и др. Схема действий уже отработана: на немецкие деньги, но с оформлением аренды земли на подставных лиц строятся богатые поселки для немцев. Одновременно в соответствии с разработанной в Германии теорией «сотовой» экономики в область внедряются немецкий капитал и немецкие специалисты на градообразующие предприятия и организуются банкротства остальных. Все это создает экономические условия (в первую очередь в виде тотальной безработицы) для безболезненного выдавливания 80% населения региона на «большую землю». Дорогу и покупку нового жилья оплачивает немецкая сторона⁵².

Следует отметить, что Европарламент еще в 1993 году, а конгресс США – в 1995 г. приняли резолюции по Калининградской области, призывав поставить ее под опеку Евросоюза с германским и российским участием в местной администрации в рамках либо «Особой европейской территории», либо «Балтийской республики» с последующим сня-

---

Info //www.brcinfo.ru / publics.php?id=1030.

⁵¹ Балуев А. Указ. соч.

⁵² Серова Н. Янтарная революция в городе Канта // Русский Журнал. 2005. 12 января //www.russ.ru/politics /docs/yantarnaya_revolyuciya_v_gorode_kanta.

тием ограничения для переселения туда немцев. Так что неудивительно, что в 2004 году фракция ХДС/ХСС германского бундестага подала в правительство ФРГ запрос «О будущем Кенигсбергской области», состоящий из нескольких конкретных вопросов: «Как правительство ФРГ оценивает идею создания *литовско-российско-польского еврорегиона*, который географически совпадал бы с исторической областью Восточной Пруссии?» «Как оценивает правительство ФРГ идею о том, чтобы назвать этот регион "Пруссией"?» «В какой степени экстенсивное использование Кенигсбергской области в военных целях является препятствием для развития Кенигсберга как экономического пространства, особенно для развития в нем туризма?»

В последние годы некоторые руководители области опасаются реализации «ликвидационного» сценария. Для этого созданы соответствующие условия, так как под гарантии областного бюджета властями был взят еще в 1998 году у «Дрезден Банка» кредит в 10 млн. долл. Так что область могут отдать за долги, либо, как сообщил депутат Калининградской областной Думы В.Ежиков, «в ближайшие годы может быть создана ситуация, когда во имя дружеских отношений с Евросоюзом почти миллиону жителей Калининградской области предложат собрать вещи и перебраться в какой-нибудь город-спутник, построенный на отступные деньги на одной из исторических территорий России»⁵³.

Таким образом, с помощью заселения немцами меньшинствами соседних земель Германия последовательно осуществляет экономическую экспансию, позволяющую ей мирно «расширять» свою территорию, избегая каких-либо серьезных политических конфликтов. Ясно, что и кампания по возвращению немцев из бывшего СССР в ФРГ осуществлялась для мобилизации дополнительного этнического «ресурса».

* * *

Вышесказанное дает основание сделать вывод, что последовательно претворяемая в жизнь стратегия регионализации Европы является выражением германской геополитической линии на установление контроля за европейским пространством путем дробления сильных государственных образований и размывания национальных границ. Главная ставка делается на создание нового, внегосударственного, сетевого типа сотрудничества на уровне областей и регионов, которое находит наиболее яркое выражение в создании этнических и

---

⁵³ Там же.

трансграничных регионов. Безусловно, это создает крайне благоприятные условия для экспансии немецкого капитала, который получает возможность цивилизованно и тихо, но вместе с тем очень решительно проникать в самые важные экономические сферы развития соседних государств, делая их все более зависимыми от немецких интересов.

Однако в современном мире традиционные геополитические подходы и схемы преломляются по-новому, и родившаяся из исконных германских государственных интересов немецкая геополитика стала сегодня выражать глубинные интересы транснациональных элит. Совершенно очевидно, что руками немецких правящих кругов осуществляется расчистка европейского «поля» для создания глобального мирового рынка, в котором Европейский Союз должен представлять только одну из «опор» новой мировой «архитектуры», а самой Германии уготована отнюдь не решающая роль. Американская геополитическая традиция с ее устремлением к глобальной общемировой экспансии никогда не позволит Германии установить свою гегемонию на континенте. В рамках американо-германского тандема, так ярко воплощаемого сегодня А.Меркель, немецкий политический потенциал используется для осуществления под видом федерализации последовательного демонтажа сильных европейских государств, которые единственные, будучи организованы в соответствующие союзы, могли бы противостоять строящемуся порядку. И сама Германия уже не справляется с серьезными проблемами, связанными с негативными экономическими и социальными последствиями глобализации, демографическим спадом и, наконец, ростом самостоятельности земель, ослабляющими федеральную власть, что делает страну все более послушным партнером в евроатлантическом альянсе. В этих условиях главный мировой арбитр НАТО успешно продвигается на раздробленный и разъединенный Восток, чьи правящие элиты всегда будут рассматривать его как гаранта, в первую очередь, своей, а не национальной безопасности.

Одновременно с общечеловеческими идеалами возникают особые идеалы, ограниченное содержание которых делает их значимыми лишь для определенной группы.

Именно таковы национальные идеалы. Они живут дольше общечеловеческих... Они остаются по преимуществу более символами, нежели непосредственными примерами для подражания.

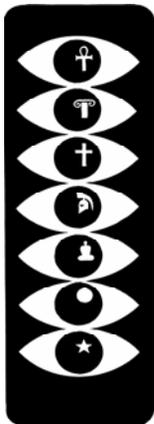
Йохан Хейзинга

В истории, как и во всех серьезных предметах, никакой результат не является окончательным. Свидетельства прошлого, находящиеся в нашем распоряжении при решении любой конкретной проблемы, меняются с изменением исторического метода и при изменении компетентности историков. <...> Из-за этих непрекращающихся изменений... каждое новое поколение должно переписывать историю по-своему, каждый же новый историк не удовлетворяется тем, что дает новые ответы на старые вопросы: он должен пересматривать и сами вопросы. А так как история - поток, в который нельзя вступить дважды, то даже отдельный историк, работая над определенным предметом в течение какого-то времени, обнаруживает, когда он пытается вернуться к старой проблеме, что сама проблема вменилась.

Робин Джордж Коллингвуд

Владимир Лапин

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА
XVIII–XIX ВЕКОВ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПАМЯТИ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

The author considers commemorative complex of the Caucasian war of the 18th-19th centuries as it emerged by 1914. Monuments, names of warships, toponyms, historical publications, medals, jubilee ceremonies, museum exhibitions are considered in the context of forging of historical memory about inclusion of North Caucasus and Trans-Caucasia into the Russian Empire. Military operations against mountaineers appeared at the periphery of the state and public interest because such activities didn't exactly fit the military-memorial scheme which emerged by the early 20th century.

«Военная составляющая» в исторической памяти занимает особое место в силу целого ряда причин, анализ которых требует специального масштабного исследования. По мнению германского историка Вернера Бенеке, уровни милитаризации российского государства и общества очень различались: высокий уровень в первом случае и почти полное отсутствие – во втором¹. Рассмотрение механизмов сохранения памяти о войнах, которые по многим причинам оставляют след в народном сознании, дает возможность найти еще один подход к изучению взаимоотношений власти и ей подвластных. Кроме того, помещая в фокус историческую память о крупном военном конфликте, мы можем по-новому рассмотреть его как явление, а также проследить трансформацию представлений общества о нем на протяжении определенного периода времени. Кавказская война выбрана в качестве предмета исследования из-за ее острой актуальности как в научном, так и в общественно-политическом аспекте.

В отечественной историографии до сих пор нет единого обоснованного определения того, что именно считать Кавказской войной, несмотря на широко употребляемые хронологические рамки (1817–1864). Существуют проблемы с объяснением причин конфликта, его внутренней сути, его места в военной истории России². Процесс формирования коммеморативного комплекса, посвященного «покорению» Черкесии, Чечни и Дагестана, позволяет приоткрыть одну из страниц складывания имперского исторического сознания. Еще в допетровской Руси воздвигали церкви в память о великих победах. В XVIII – начале XX века эта традиция сохранилась, но была дополнена устройством монументов «европейского» типа – триумфальных ворот,obelisks, статуй. К началу Первой мировой войны в Санкт-Петербурге и его окрестностях насчитывалось несколько десятков объектов мемориального характера из камня и металла, воздвигнутых в честь побед над шведами, турками, поляками, наполеоновской Францией³. Монумент «Румянцева победам» можно считать и напоминанием об успехах русского оружия в боях с пруссаками в Семи-

¹ *Benecke W. Militär, Reform und Gesellschaft im Zarenreich. Die Wehrpflicht in Russland 1874–1914. Paderborn, 2006. S.385.*

² *См. об этом, в частности: Кавказская война: уроки истории и современность. Краснодар, 1995.*

³ *См. об этом, в частности: Сокол К.Г. Монументальные памятники Российской империи. Каталог. М., 2006.*

летней войне. При этом ни один из памятников ни прямо, ни косвенно не отбрасывает «свет» на историю присоединения Кавказа. На самой имперской окраине, завоеванной ценой огромных людских и материальных потерь, вырисовывалась следующая картина.

Памятник Ермолову в Грозном

В Грозном стоял бронзовый Ермолов. В дагестанском городке Темир-Хан-Шура – памятник князю М.Аргутинскому-Долгорукому и обелиск в честь заслуг Апшеронского пехотного полка. Во Владикавказе – памятник штабс-капитану Черноморского №5 линейного батальона Николаю Лико, приказавшему взорвать форт Михайловский, когда туда ворвались горцы, и солдату Архипу Осипову, выполнившему этот приказ 21 марта 1840 года. На месте этого укрепления, в 60 верстах от Геленджика, установили большой крест, хорошо видимый с моря. Осипов стал не единственным «общена-

циональным» героем-символом Кавказской войны. Картины, посвященные обороне Михайловского укрепления, украшали залы военно-учебных заведений, а «драма-оперетка» «Архип Осипов, или русская крепость», сочиненная Ф.Кони, несколько лет держалась на сценах столичных и провинциальных театров⁴. В Екатериноградской станице обелиском увековечили память атамана Кавказского линейного войска Ф.А.Круковского, убитого в бою с чеченцами 18 января 1852 года. Около дагестанского аула Гуниб сохранился камень, на котором сидел князь Барятинский в день пленения Шамиля. Над камнем сооружена беседка, увенчанная Георгиевским крестом. На стене беседки – чугунная доска с лаконичной надписью: «1859 год, 25 августа, 4 часа пополудни», – обозначающей точное время окончания войны на Восточном Кавказе. К памятникам «Кавказско-горской» войны можно причислить и монумент в честь Александра II возле станицы Царская в 30 верстах

⁴ *Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф.772. Оп.1. Д.3094, 3229; Ф.777. Оп.2. 1853 г. С.66; Русское богатство. 1914. №7. С.114.*

от Майкопа. В путеводителях сказано, что именно на этом месте 18 сентября 1861 года царь утвердил план окончательного покорения Адыгеи.

Бюст в Царской (Потто. С.67)

В расположении Тифлисского полка был поставлен памятник битвы при Иоре 7 ноября 1800 г., в крепости Белоканы – памятник В.С.Гулякову⁵. В станице Каменнобродской в 1869 г. монументальным крестом увековечили память о полковнике Кубанского войска Л.Тиховском, погибшем в неравном бою с черкесами 18 января 1809 года. Еще тринадцать обелисков было установлено в честь побед в русско-турецких и русско-персидских войнах. Судя по имеющимся отрывочным данным, все эти памятники создавались по инициативе местных властей или воинских частей на общественные средства.

Назовем некоторые из них:

Ахалцых (победы в 1828 и 1829 гг.), установлен в 1861 г.;

Баку (место гибели главнокомандующего на Кавказе П.Д.Цицианова в 1806 г.);

Эчмиадзин (освобождение монастыря от персов в 1827 г.), установлен в 1839 г.;

Александрополь (геройская гибель майора Монрезора в 1804 г.), установлен не ранее 1844 г.;

---

⁵ См.: Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. Издание военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа / Под ред. В.Потто. Вып.1–2. Тифлис, 1906–1909.

Александрополь (героизм 153-го Бакинского полка при штурме Эрзерума в 1877 г.);

Памятник в Александрополе (ВС. 1905. №3)

Игдырь (павшим в боях 1877–1878 гг.);

6 ноября 1910 года в Карсе (героям, павшим при четырех штурмах этой турецкой крепости в 1807, 1828, 1855, 1877 гг.), установлен в 1910 г.;

селение Огузлы (памятник на братской могиле павших в сражении при Баш-Кадыкларе 19 ноября 1853 г.), установлен в 1907 г.;

станция Тверская (памятник Тверскому драгунскому полку);

аул Ачхой (памятник на могиле полковника Германса);

г. Гори (памятник капитану Секерину);

селение Карели (памятник роте 9-го егерского полка, погибшей в бою с лезгинами в 1803 г.);

г. Елисаветполь (Гянджа) (памятник генералу П.С.Котляревскому), установлен в 1850 г.⁶

При прокладке горных дорог силами войск существовал обычай устанавливать памятные чугунные доски с названием полка, принимавшего участие в строительстве. Во время восстания 1877–1878 годов в Чечне и Дагестане многие из этих досок были разбиты⁷. Таким образом, полувековая или даже полуторавековая (в зависимости от принимаемых хронологических рамок) эпопея «умиротворения» Северного Кавказа

⁶ См.: РГИА. Ф.1284. Оп.188. Д.119. Л.2–3; Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888. С.380; Внутренние известия. Тифлис // Русский инвалид. 1909. 21 января.

⁷ Эсадзе Б.С. Боевые подвиги Кавказских войск. Альбом картинной галереи Кавказского Военно-исторического музея. Тифлис, 1899. С.1.

довольно скудно отразилась в монументальных памятных сооружениях. Русско-персидские и русско-турецкие войны, длившиеся в совокупности менее двадцати лет, «заслужили» большее количество обелисков. Этот перекокс во многом объясняется тем обстоятельством, что формально конфликт с горцами являлся «усмирением бунта» непокорных подданных.

В хронологии сооружения памятных знаков можно выделить три периода.

При М.С.Воронцове (главнокомандующий на Кавказе в 1844–1853 гг.), известном своей страстью к благоустройству, были восстановлены триумфальные ворота в Екатеринограде, сооружен павильон над землянкой Петра I в Дербенте, поставлены памятники генералам П.С.Котляревскому, В.С.Гулякову, П.Д.Цицианову.

Памятник П.Д.Цицианову в Баку

Конец 1870-х и 1880-е годы отмечены вниманием к воинским захоронениям. До этого времени командование реагировало только на совершенно вопиющие случаи неуважения к памяти павших. В 1864 году начальник Ичкерийского округа полковник Головачев приказал собрать и захоронить в крепости Ведено останки солдат, более двадцати лет лежавшие в тех местах, где летом 1842 г. сражался отряд генерала П.Х.Граббе⁸. В 1878 году военный министр Д.А.Милютин предложил Кавказскому наместнику великому князю Михаилу Николаевичу поставить монументы на месте всех важнейших сражений на Кавказе. Были выделены деньги, но дело с места не сдвинулось. Многие могилы оказались заброшенными из-за передислокаций войск и упразднения ряда укреплений. В 1887 году Дондуков-Корсаков во время

⁸ Белевич К. Воспоминания о Слепцове и Пассеке // Нива. 1872. №32. С.508.

инспекционной поездки обратил на это внимание и распорядился перенести останки солдат на кладбище Темир-Хан-Шуры⁹.

Третий этап связан с общим повышением на рубеже XIX – XX вв. интереса военного (да и не только военного) сообщества к прошлому. Празднование юбилеев, публикация полковых историй подталкивали к сооружению монументов. Большая часть военных памятников на Кавказе появилась в 1895–1913 гг. В это же время были проведены масштабные работы по благоустройству гарнизонных кладбищ, в чем большая заслуга генерала В.А.Потто. Имперская окраска истории Кавказа проявляется в том, что почти все исторические комментарии путеводителей по этому региону связаны не с его «дороссийским» периодом, а с эпохой завоевания. В связи с этим весьма показательны следующие слова: «Главная сокровищница Шуры (Темир-Хан-Шура, ныне Каспийск. – В.Л.) – это кладбище, на котором покоится вечным сном немало русских воинов»¹⁰.

В Российском военно-морском флоте по традиции крупным кораблям давали имена, напоминавшие о победах и подвигах русского оружия на суше и на море. Каждый пятый из 1 400 линейных кораблей и фрегатов (крейсеров, эсминцев), построенных в 1696–1917 гг., был своеобразным плавучим памятником. При этом в выборе имени прослеживаются как веяния времени, так и определенная мемориальная иерархия. Имена «Полтава», «Нарва», «Гангут», «Чесма», «Бородино» давались чаще других, в разные эпохи и только крупным кораблям. Надпись на борту появлялась как отклик на недавние события (корабли 1820–1840-х годов именовались в честь побед в наполеоновских войнах) и как акцент на деяния легендарных предков (на рубеже XIX–XX вв. в русском флоте появились «Ослябя», «Дмитрий Донской», «Пересвет», «Александр Невский»).

Кавказская «тема» проявилась в отечественной каронимике лишь три раза. Петр Великий окрестил построенный 64-пушечный корабль (1724) «Дербентом» в память о Персидском походе 1722–1723 годов. В 1829 году линейные корабли Черноморского флота были названы «Анапа» и «Эривань» в честь взятия этих крепостей. Завоевание Северного Кавказа осталось без своего плавучего памятника¹¹. Поскольку боевой

---

⁹ Памятники времен утверждения русского владычества... Вып. I. С. III–V (Паг. 1-я).

¹⁰ Москвич Г.Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. Одесса, 1910. С.216.

¹¹ Веселаго Ф.Ф. Список Русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872; Крюч-

корабль представлял державу внешнему миру, а его название утверждалось императором, применительно к каронимике можно говорить о государственной символике. Во второй половине XIX столетия топонимика перестала быть только проявлением исторической памяти и стала средством ее формирования. В Санкт-Петербурге «военные» топонимы Суворовский, Скобелевский и Забалканский проспект, улица Кондратенко, набережная Кутузова, Макарова и Синопская, Измайловский проспект, Гренадерский, Казачий и Атаманский мост, Саперный переулок, Артиллерийская улица настойчиво напоминали обывателю о подвигах в Европе, в Средней Азии и на Дальнем Востоке. О боях в Адыгее, Чечне, Дагестане и Армении в данном случае вообще «забыли».

На самом Кавказе ситуация была иной. В городской топонимике края видное место занимали фамилии генералов, известных своими заслугами «перед царем и отечеством» именно в этом крае. В Пятигорске, Батуме, Тифлисе, Кисловодске и Баку были Эмануэлевские, Ермоловские, Вельяминовские, Воронцовские, Барятинские, Муравьевские, Раевские, Головинские, Евдокимовские, улицы¹². Кроме этого почти обязательного набора в названиях улиц увековечивали имена и других военачальников – Лорис-Меликова, Ртищева, Гудовича, Слепцова, Бebutова и т.д. С некоторыми оговорками можно утверждать, что частотность и номенклатура топонимов в целом отражает уровень исторической значимости этих лиц. На Черноморском побережье несколько поселков напоминают о существовании здесь в 1841 – 1854 гг. укреплений (Вельяминовское, Лазаревское, Головинка – от укрепления Головинского), названных в честь «кавказских» генералов. Поселок Архипо-Осиповка располагается на месте укрепления Михайловское, где уже упоминавшийся солдат Архип Осипов обессмертил свое имя. Станица Слепцовская названа в честь строителя и первого начальника Сунженской линии Н.П.Слепцова, убитого 10 декабря 1851 года. Военно-мемориальным курьезом можно считать появление на карте края станицы Баталпашинской, построенной на том месте, где 30 сентября 1790 года был разгромлен турецко-черкесский корпус под командованием Батал-паши.

Сюжеты половины лубков по Кавказской войне (в частности, из собрания Отдела эстампов Российской Национальной библиотеки) связаны

ков Ю.С. *Имя на борту. М., 1989; Моисеев С.П. Список кораблей русского парового и броненосного флота с 1861 по 1917 г. М., 1948.*

¹² См.: Москвич Г. *Путеводитель по Кавказу. Изд. 22-е. Пгд., 1915.*

с событиями 1853 – 1855 гг. Тогда интерес к Кавказу объяснялся в первую очередь вниманием русского общества к обороне Севастополя. Весьма показательно и время издания картинок для народа. Более половины из них появилось «по горячим следам», т.е. фактически являлось иллюстрациями к сообщениям в газетах и специальных бюллетенях. Своеобразным «долгожителем» оказался только сюжет об Архипе Осипове. На лубке 1898 года его создатели сочли необходимым напомнить, что герой этот прославил свое имя на Кавказе. Поскольку лубок является неоспоримым показателем популярности личности или события, Кавказская война не идет ни в какое сравнение с Крымской войной или эпопеей 1812 года. В последнем случае мы имеем дело с десятками сюжетов в нескольких вариантах каждый.

То же пробуждение интереса общества в 1854–1855 годах к военным действиям в Крыму натолкнуло гвардейского полковника С.Новоселова начать (1857) публикацию патриотических брошюр «Описание замечательных подвигов, совершенных на Кавказе», доход от продажи которых был «...предоставлен к успокоению раненых и в пользу семейств павших во славу русского оружия». В других исторических «книжках для народа» сюжетам из истории Кавказской войны уделялось более чем скромное место¹³.

Первая специальная «кавказская» награда – медаль «За взятие штурмом Ахульго» – была выбита в 1839 году, т.е. спустя двадцать лет после походов А.П.Ермолова, от которых и принято вести отсчет Кавказской войны, и через сто десять лет после первых сражений русских с горцами в начале XVIII в. Еще двадцать один год прошел до того, как в 1860 году серебряную медаль «За покорение Чечни и Дагестана» стали вручать участникам боев на Северо-Восточном Кавказе, а в 1864 году – такую же, с надписью «За покорение Западного Кавказа. 1859–1864» – сражавшимся в Адыгее. Особый наградной крест (три варианта – золотой, серебряный и бронзовый) «За службу на Кавказе» в 1864 году украсил мундиры генералов, офицеров и солдат, воевавших там в 1859 – 1864 гг. Прочие битвы, а также все походы до 1839 года остались без отражения в отечественной медалистике. Кроме наградных медалей Ф.П.Толстым была изготовлена серия из девяти памятных «В память побед Паскевича в Персии и Турции в 1826–1829 гг.». И здесь боевые действия с горцами не получили отражения.

---

¹³ Балагур Ф. *Кавказская пленница Феня Зарубаева. М., 1908; Славный атаман Бакланов и битвы с Шамилем. М., 1900.*

В конце XIX – начале XX века Россия пережила настоящую эпидемию юбилейных торжеств. Пышно, на уровне ответственных государственных мероприятий, отпраздновали двухсотлетие различных деяний Петра Великого: основание Петербурга (1703), победу под Полтавой (1709), взятие Выборга (1710), учреждение Сената (1711). С большой помпой отметили пятидесятилетие отмены крепостного права (1861), вековой юбилей А.С.Пушкина (1799) и столетие смерти А.В.Суворова (1800). 1912-й и 1913-й годы Россия вообще прожила под знаками проведения и подготовки празднования столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года и трехсотлетия дома Романовых. Страна не вспомнила ни о 50-летию покорения Чечни и Дагестана (1859), ни такового же юбилея официального окончания Кавказской войны (1864), не отметила полвека со дня смерти А.П.Ермолова (1861) или 125-летия со дня его рождения. Вполне мог рассчитывать на память (сто лет со дня рождения) А.И.Барятинский (1814).

Поводов для «кавказского» торжества было более чем достаточно. Тем не менее даже такие официозы, как «Русский инвалид», очень внимательные к памятным датам, фактически проигнорировали юбилеи покорения Адыгеи, Чечни и Дагестана. В 1909 году писали о столетии Полтавской битвы, о 150-летию сражения при Кунерсдорфе (Семилетняя война), о столетии перехода русских войск через Ботнический залив (1809), напоминали о приближении столетия Лейпцигской битвы и 75-летия одного из старейших кадетских корпусов.¹⁴ В статье о столетнем юбилее героя Кавказа генерала Я.П.Бакланова, увидевшей свет 14 марта 1909 г., не было ни слова о приближающейся полувекковой годовщине сдачи Шамиля¹⁵. Редакция спохватилась только 2 апреля, поместив бесцветную статью «К пятидесятилетию взятия Веденя»¹⁶. Больше к теме этого юбилея газета не возвращалась. В другом, 1914-м, юбилейном году редакция главного печатного органа военного ведомства не оказалась «щедрее» к кавказцам. 3 января почтили короткой заметкой соро-

¹⁴ Адамович Б. Гренадеры Де-Боа – кексгольмцы (К 200-летию Полтавского сражения) // *Русский инвалид*. 1909. 20 февраля. №40; К предстоящему юбилею Лейпцигской битвы // Там же. 28 февраля. №47; 8 марта. №54; Драке Л.Л. К предстоящему 150-летию битвы при Кунерсдорфе // Там же. 20 января. №15; 75-летие Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса // Там же. 12 марта. №57.

¹⁵ Краснов П. Яков Петрович Бакланов. К столетию со дня его рождения // *Русский инвалид*. 1909. 14 марта. №59.

¹⁶ *Русский инвалид*. 1909. 2 апреля. №71. 2 апреля.

калетие введения всеобщей воинской повинности¹⁷, а 16 января – пятидесятилетие подавления восстания зикристов в Чечне, не сказав при этом ни слова о приближении юбилея полного окончания войны¹⁸. Газета печатала материалы о кампании 1814 года, о праздновании столетия Лейпцигского сражения и столетия лейб-гвардии Драгунского полка, о десятилетии начала Русско-японской войны, о тридцатилетии покорения Мервского оазиса и даже о столетии со дня смерти первой супруги Наполеона Бонапарта. Вспомнили и о победах русского оружия в Средней Азии в 1864 году¹⁹. Пятидесятилетие окончания войны на Кавказе «Русский инвалид» отметил публикацией статьи Н. Жерве «Великий князь Михаил Николаевич и окончательное покорение Кавказа», перепечатав несколько приказов по Кавказской армии 1864 года и сообщив о торжествах в Красной Поляне и в Новороссийске²⁰. Никаких праздничных мероприятий общегосударственного масштаба не было. «Представители грузинского народа» сразу после пленения Шамиля предложили сделать 26 августа народным праздником. Поначалу власти не приняли это предложение, но в конце XIX века 26 августа стало непростительным днем в Закавказье²¹.

Даже на Кавказе о 50-летию взятия Гуниба и пленения Шамиля вспомнили, судя по публикациям в местной прессе, менее чем за неделю до юбилейной даты²². Главнокомандующий Воронцов-Дашков 25 августа издал специальный приказ, в котором поздравил войска с полувековой годовщиной события, «...закончившего собою многовековую кавказскую войну и внесшего умиротворение в народы Чечни и Дагестана...». Центром торжеств стал аул Гуниб, где прошла инсценировка штурма, парад и обед. Пришедшие в большом количестве местные жители, среди которых были и участники последнего сражения

¹⁷ М.И.П. К реформе воинской повинности // *Русский инвалид*. 1914. 3 января. №2.

¹⁸ М.П. Усмирение восстания зикристов в 1864 году // *Русский инвалид*. 1914. 16 января. №12.

¹⁹ Измествев П. Кампания 1814 года // *Русский инвалид*. 1914. №12, 13, 14, 16, 17; Празднование юбилея Лейпцигской битвы Лейб-Гвардии Казачьим Его Величества полком // Там же. №19, 63, 21, 30, 105; Шеманский А. Среднеазиатский боевой фронт России и юбилейная годовщина (1864–1914) // Там же. 14 мая. №103.

²⁰ *Русский инвалид*. 1914. 21 мая. №107; 22 мая. №108; 19 мая. №106.

²¹ Эсадзе Б.С. Указ. соч. С.1.

²² На Кавказе // *Кавказ*. 1909. 21 августа.

Шамяля, собравшись в круг, «устроили молитву по своим убитым...»²³. Во всех городах Кавказского края прошли парады гарнизонов и крестные ходы. В многочисленных поздравительных телеграммах по поводу юбилея мотивы примирения не терялись среди «ура-победных». Так, например, пристав Закатальского округа полковник Сушинский писал наместнику: «...население Дагестана, благодаря блестящей победе русских войск на Гунибе, получило возможность приобщиться к великой европейской цивилизации и, не опасаясь за свою жизнь и имущество, спокойно трудиться под мощным скипетром императора всероссийского на благо свое и России»²⁴.

О таком же юбилее покорения Западного Кавказа власти вспомнили также за несколько дней. В мае 1914 года торжества были еще скромнее, что во многом объяснялось трауром в связи с кончиной Алексея – экарха Грузии. Поэтому праздник состоялся только в Красной Поляне, в Новороссийске и в нескольких казачьих станицах²⁵.

Такое скромное внимание общества к истории Кавказской войны спустя десятилетия после ее окончания во многом объясняется тем, что и в первые две трети XIX в. интерес к ней не был велик. «Русский инвалид» за весь 1830 год только один раз опубликовал материал на эту тему²⁶. Уже упоминавшееся внимание россиян к Севастопольской обороне 1854 – 1855 гг. повлекло за собой увеличение внимания и к кавказским делам, поскольку публикации об успехах русских войск в Армении несколько скрашивали мрачную крымскую картину. В «Русском Инвалиде» в 1858 году появилось 26 статей (заметок) на кавказскую тему, причем почти все являлись перепечатками из тифлисской газеты «Кавказ»²⁷. Можно с уверенностью говорить, что ни одна газета России не имела собственного корреспондента в этом регионе. Влиятельные «Московские ведомости» за 1862 год семь раз писали о Кавказской войне, в пяти случаях используя материал из «Русского инвалида»²⁸. Если судить по публикациям в прессе, русское общество гораздо сильнее интересовалось Пруско-Датской войной, Польским восстанием

²³ *Торжества в Гунибе // Кавказ. 1909. 27 августа.*

²⁴ *Телеграммы // Кавказ. 1909. 2 сентября.*

²⁵ *Полувековой юбилей покорения Западного Кавказа // Кавказ. 1914. 21 мая.*

²⁶ *Русский Инвалид. 1830. 9 апреля. №90.*

²⁷ *Русский Инвалид. 1858. №18, 47–49, 61, 65, 67, 71, 82, 86, 88, 102, 131, 153, 167, 175, 178, 186, 189, 219, 233–234, 245, 263, 274.*

²⁸ *Московские Ведомости. 1862. №14, 17, 79, 114, 159, 222, 239.*

(1863–1864), положением негров-рабов в США, французской экспедицией в Мексику и дебатами в британском парламенте. Статьи на эти темы встречаются в отечественных газетах рубежа 1850-х–1860-х годов намного чаще. В 1863 году, например, «Московские ведомости» вспомнили о Кавказе только 5 марта в 49-м номере, публикуя при этом статьи о Польше почти в каждом выпуске. Рупор правительства ежедневная газета «Северная пчела» за весь 1863 год всего трижды коснулась боевых действий русской армии за Терек и Кубанью. В конце 1860-х годов интерес российского общества к вопросам присоединения Кавказа, и без того не очень высокий, заметно пошел на убыль, что отметил в своих записках Д.А.Милютин: «В начале 1861 года, в среде находившихся в Петербурге кавказских сослуживцев, родилась мысль о "кавказских вечерах". Предположено было ежегодно, в определенный день, именно 4-го февраля, собираться всем, кому дороги воспоминания о Кавказе... С первого же раза эта мысль осуществилась с большим успехом, несмотря на то, что задуманный вечер состоялся почти внезапно. В гостинице «Демут» съехалось до 50 кавказцев; председателем общества, или, как тогда его окрестили, «хозяином», провозглашен был старый кавказский ветеран генерал-лейтенант Викентий Михайлович Козловский, состоявший членом генерал-аудиториата. Это был добродушнейший старик, большой оригинал, заслуживший на Кавказе общее уважение беззаветной храбростью и солдатской простотой. Нельзя было найти другое, более подходящее лицо для роли "хозяина" на этих вечерах, посвященных исключительно воспоминаниям о кавказской боевой жизни... Со времени же окончательного умиротворения Кавказского края и прежнее сочувствие к Кавказу заметно охладело»²⁹.

Повышенный интерес к истории, характерный для рубежа веков, проявился в создании Кавказского военно-исторического музея (Храма славы). Инициатором считается наместник А.М.Дондуков-Корсаков, при котором за три года к приезду в Тифлис Александра III (1888) было построено внушительное здание в центре города. Опорами для кованой решетки вокруг музея стали 38 трофейных пушек³⁰. Сама экспозиция была довольно скромной – несколько портретов (на момент посещения царем там уже находились, кроме того, полотна Ф.А.Рубо и Н.С.Самокиша) и предметов военного быта того времени. И.И.Ворон-

²⁹ Милютин Д.А. *Воспоминания. 1856 – 1861. М., 2002. С.37–38.*

³⁰ *Путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею. Изд.4-е. Тифлис. 1913. С.1–II (Паг. 1-я).*

цов-Дашков, прибывший на Кавказ в 1905 году, обратил внимание на «неподобающее» состояние музея и передал его (март 1906 г.) в ведение Военно-исторического отдела при Штабе Кавказского округа. В это время начальником отдела был известный историк и военный писатель В.А.Потто, автор нескольких книг по истории «умиротворения» Кавказа. Щедрое государственное финансирование и значительные личные пожертвования самого Воронцова-Дашкова вкупе с энтузиазмом любителей военной истории края настолько изменили вид Храма Славы, что 11 февраля 1907 г. прошло его новое открытие и освящение. Из двенадцати металлических досок, помещенных на стенах Тифлисского Храма Славы с указанием важнейших событий в истории присоединения Кавказа к России (в среднем по восемь надписей на каждой), только две целиком посвящены войне с горцами. На остальных имеется еще девять упоминаний о боях в Дагестане, Чечне и Черкесии. Таким образом, «покорению» Северного Кавказа уделено чуть более четверти «информационного пространства» на фасадах этого музея, тогда как остальное отдано для закрепления памяти о завоевании Закавказья. Кроме портретной галереи, в музее были выставлены трофеи – знамена и значки горских ханов; знамена, жалованные различным полкам и милиции; персидские и турецкие знамена и бунчуки, булавы, жезлы, ключи от городов и крепостей; трон наследного персидского принца; камни Эриванских ворот, разбитых при штурме. О стремлении составителей экспозиции соблюдать политкорректность говорят слова путеводителя: «Кавказский военно-исторический музей – это тот величественный памятник победоносной Кавказской армии, на котором все народности Кавказа – русские, грузины, армяне, мусульмане – найдут имена своих героев, совершивших великое дело умиротворения Кавказа для его культурного развития и запечатлевших кровью свою беззаветную верность Царю и Родине»³¹.

Одним из средств достижения этой цели был состав портретной галереи Храма Славы: с каждого третьего полотна на посетителя смотрит местный уроженец. Определение значимости военных побед требует приложения к последним некой «исторической» линейки, установления точек отсчета, способов сравнения с другими викториями и т.д. Авторы путеводителя использовали опробованные приемы. Во-первых, указывалось на эпохальное значение присоединения Кавказа для самой России, на исполнение тем самым ее исторического предназначения:

³¹ Там же. С. III.

«... Нам приходилось или остановиться у подножья Кавказского хребта, добровольно замыкая судьбы России в узкие границы Дона и Волги, или перешагнуть смело "через те скалы, где носились лишь туманы да цари-орлы"... и тогда на нашем политическом горизонте открывался весь древний Восток»³². Во-вторых, разыгрывалась непобиваемая карта священных заветов Петра I и Екатерины II. Великий реформатор начал продвижение за Терек и Кубань, а знаменитая наследница его деяний таковое продолжила, исправив «ошибки» правителей 1730–1750-х годов, резко снизивших уровень политической и военной активности в этом регионе. В-третьих, воины Кавказского корпуса объявлялись спасителями христиан от мусульманского ига. Авторы путеводителя по Храму Славы акцентировали внимание на высокой цене, заплаченной за присоединение Кавказа. «Ни одно из приобретений, сделанных нами за время самобытного существования России, не стоило государству таких громадных потерь, крайнего напряжения нравственных сил и материальных жертв, сколько их потребовал Кавказ для завершения великого дела утверждения в нем русского владычества. Почти в течение целого века он приковывал к себе внимание русского народа, представляясь страной, где вечно кипела война, куда уходили войска за войсками и откуда мало кто возвращался назад»³³.

Количество потерь в России традиционно является мерилем героизма и воинских заслуг. Поэтому данный фрагмент очень характерен для исторического сознания россиян. Одним из давних и надежных способов повышения исторической значимости события или объекта является привязка к нему имен, уже прочно занявших видные места в национальном или даже мировом пантеоне. А.В.Суворов в 1769 году разгромил ногайские становища на Кубани, что не было самым славным деянием в его карьере. Г.А.Потемкин этот край вообще не видел, но прославившая его победа над Турцией в войне 1768 – 1774 годов и присоединение Крыма стали важными шагами на пути присоединения Кавказа к России. С еще большей натяжкой можно записать в местные ветераны героя севастопольской обороны Э.И.Тотлебена, на заре своей военно-инженерной карьеры несколько месяцев прослужившего в Дагестане. Тем не менее их портреты помещены в экспозиции музея. Опробованным средством закрепления в исторической памяти события, своеобразным мнемоническим приемом можно считать фиксацию внимания на

---

³² Там же. С.IV.

³³ Там же. С.III.

факте, резко выделяющемся из ряда подобных. Обязательная часть мемуарного комплекса, рассчитывающего на живучесть, – наличие анекдотических историй (в понимании XVIII–XIX вв.) с подтекстом, пробуждающим эмоции и в том числе патриотические чувства. В этом смысле экспозиция Кавказского военно-исторического музея не являлась исключением.

В картинной галерее внимание посетителей привлекало полотно Самокиша «Защита станицы Наурской». 11 июня 1774 года большой отряд горцев атаковал это казачье селение, но был отбит, причем в рядах защитников были женщины. Образ разъяренных казачек с саблями и ухватами в руках не мог потеряться среди множества фигур на других батальных полотнах. Вторая картина такого же плана – «Живой мост»³⁴. Во время войны с персами в 1805 году возникла острая необходимость переместить орудия, но на пути оказалась глубокая канава. Солдаты сделали переправу из своих тел, причем инициатор – рядовой Гаврила Сидоров – погиб: колесо одного орудия соскочило с камня и ударило его в висок³⁵. 24 мая 1846 года сотня терских казаков оказалась в окружении большого отряда чеченцев. Станичники из тел своих коней соорудили бруствер и отстреливались из-за него до тех пор, пока не подоспела подмога. Среди защитников столь необычного форта оказался ставропольский помещик Хостатов, названный Николаем I «передовым помещиком Российской империи». Не чаявший остаться в живых барин получил орден Св. Георгия 4-й степени и чин полковника. Портреты вышеназванных офицеров и картина «Дело полковника Суслова» (командира русского отряда) должны были напоминать о возможности невозможного на Кавказе³⁶.

В Кавказском корпусе, кроме официальной системы старшинства, существовала неформальная иерархия, положение в которой определялось мерой действительных боевых заслуг. Этим во многом объясняется состав портретов полковых командиров. Навагинский полк, не считавшийся, в отличие от Куринского или Кабардинского, местной элитой, «гремел» по всему Кавказу при подполковнике Михаиле Петровиче Полтинине. По той же причине в музее оказался портрет генерал-

³⁴ В музее была представлена фотография картины Франца Рубо. Само полотно было приобретено императором для Зимнего Дворца прямо с Академической выставки 1898 года.

³⁵ Путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею. С.10–12. (Паг.2-я).

³⁶ Там же. С.58.

лейтенанта Бельгарда, заставившего местных ветеранов уважать подчиненный ему и ранее малоизвестный Эриванский полк. Сам удачливый командир прославился тем, что за бесстрашие в боях в 1843 году получил сразу два ордена: «Анну» 2-й степени и «Георгия» 4-й степени³⁷.

Уже в середине XIX века участники боевых действий на Кавказе стали проявлять обеспокоенность в связи с тем, что их заслуги оказались в тени славы героев 1812 года. В письме князю М.С.Воронцову от 13 января 1846 г. генерал П.С.Котляревский предложил установить в Тифлисе памятник с надписью: «Российским войскам первой Персидской войны, начавшейся в 1804 году и кончившейся в 1813 г., малым числом принесших много пользы отечеству». На противоположной стороне: «Воздвигнут памятник сей в царствование Императора Николая I. При Главнокомандующем князе Воронцове 18... года " " числа». Две другие стороны обелиска предназначались для имен генералов и названий частей, сражавшихся за Кавказом. Котляревский выражал уверенность в том, что после того, как подобные памятники были установлены на полях сражений Отечественной войны 1812 года, будет «справедливее поставить за такую многолетнюю войну»³⁸.

Переход А.В.Суворова через Альпы считался апофеозом героизма русского воинства, его способности преодолевать немислимые преграды. В «кавказских» ****пропуск?**** указывается, что по сравнению с тем, что проделывали войска в Дагестане, знаменитая швейцарская экспедиция 1799 года выглядит легкой прогулкой. Кавказская война оказалась на периферии интереса государства и общества отчасти в силу того, что не вполне укладывалась в военно-мемориальную схему, сложившуюся к концу XIX столетия. Фактически полуторавековой конфликт³⁹ уже по самой своей небывалой длительности создавал проблемы для формирования мемуарного комплекса, поскольку принимал облик некоей исторической рутины. Даже в традиционных рамках Кавказская война охватывала три различные эпохи, не без оснований называемые именами правивших тогда императоров – Александра I, Николая I и Александра II. В XVIII – начале XX века «Кавказскими войнами» называли весь процесс присоединения к России территории от Кубани и Терека до нынешних

---

³⁷ Там же. С.44.

³⁸ Соллогуб В. Биография генерала Котляревского. Тифлис, 1854. С.186–187.

³⁹ От Персидского похода Петра I 1722–1723 годов до восстания в Чечне и Дагестане 1877–1878 гг.

турецких и иранских границ⁴⁰. Эту официальную точку зрения обозначает и список сюжетов, заказанных военным министерством в конце XIX столетия известному художнику-баталисту Ф.А.Рубо для «Храма славы» Тифлисского военно-исторического музея. Из 17 полотен 15 должны были изображать важнейшие события на Кавказе:

- «Вступление императора Петра Великого в Тарки 13 июня 1722 года»;
- «Вступление русских войск в Тифлис 26 ноября 1799 года»;
- «Штурм Ленкорани генералом Котляревским 31 декабря 1812 года»;
- «Сдача крепости Эривани 1 октября 1827 года»;
- «Сражение под Елисаветполем 13 сентября 1826 года»;
- «Штурм аула Гимры 17 октября 1832 года»;
- «Взятие Ахульго 22 августа 1839 года»;
- «Штурм черкесами Михайловского укрепления 22 марта 1840 года»;
- «Взятие аула Дарго 6 июля 1845 года»;
- «Штурм крепости Салты 14 сентября 1847 года»;
- «Смерть Слепцова 10 декабря 1851 года»;
- «Сражение при Курюк-Дара 24 июля 1854 года»;
- «Переход князя Аргутинского через снежные горы Кавказа в 1855 году»;
- «Взятие Гуниба и плен Шамиля 25 августа 1859 года»;
- «Штурм Карса в ночь на 6 ноября 1877 года»⁴¹.

Борьба с горцами отличалась от других военных конфликтов с участием России не только небывалой длительностью, но и отсутствием каких-то знаковых событий, которые в других войнах являются точками приложения внимания, своеобразными историческими ориентирами. Война распалась на сотни и тысячи столкновений, здесь не было своего Бородино или Полтавы. Самые крупные и кровавые операции не приносили стратегических результатов, их никак нельзя было назвать успехами. Штурмы Гергебиля, Ахульго, Салты, Гимры, Дарго и других аулов, бой на реке Валерик вовсе не приближали победы. Кроме того, на «обделенность»

⁴⁰ См. подробнее: Лапин В.В. *К вопросу о хронологических рамках и типологии Кавказской войны XVIII–XIX вв. // Страницы Российской истории. Проблемы. События. Люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2003. С.94–100.*

⁴¹ Садовень В.В. *Русские художники-баталисты XVIII–XIX веков. М., 1955. С.357 (примечание).*

кавказцев имперским вниманием повлиял ряд субъективных обстоятельств. Персона, олицетворявшая собой покорение этого края (А.П.Ермолов), оказалась связанной в равной степени с 1812-м годом, в тени которого тускнело любое другое событие. Никто из военачальников 1830 – 1850-х годов не имел такого веса в государстве и обществе, чтобы мощью своего авторитета спасти от забвения «кавказскую славу». При всей геополитической значимости включения Кавказа в состав Российской империи во время войн с Турцией этот фронт считался второстепенным. Важнейшей задачей русской армии в Закавказье традиционно считалось оттягивание неприятельских сил с Балканского (Дунайского) театра военных действий.

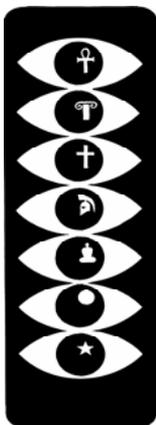
Однако по иронии судьбы успехи русского оружия в этом регионе оказывались в фокусе внимания российского общества не столько из-за своей действительной значимости, сколько из-за того, что становились бальзамом для уязвленного национального самолюбия, страдавшего и в 1805–1807 гг., и в 1812-м, и в 1853–1855 гг., и в 1877 году. После эпохи наполеоновских войн (вкуче с предшествовавшими столкновениями европейских держав за пределами Европы) действия в Азии для России стали продолжением (частью) ее европейской политики. Поскольку неудачи 1830 – 1840-х годов на Кавказе ассоциировались с николаевским царствованием, а победное ее завершение (1859–1864) – с правлением нового императора, Александра II, то создавались благоприятные предпосылки для того, чтобы включить эту победу в ряд прогрессивных преобразований 1860 – 1870-х годов. Свидетельство того – соответствующая памятная доска на стене храма Спаса-на-Крови в Петербурге в числе других, перечисляющих деяния царя-освободителя. Общим для этого полуторавекового периода отечественной истории является незыблемость культа Петра Великого, положившего начало покорению Кавказа. Петербург в своих действиях в этом регионе постоянно ссылался на приверженность заветам царя-полководца.

Военная слава – едва ли не главная основа национального самосознания в XIX столетии, и любые сомнения в правомерности действий, эту славу составивших, выглядели неуместно. Армия была «священной короной», находившейся вне критики. Какое-либо сомнение в правомерности действий России на Кавказе, в необходимости жестких мер по отношению к горцам, вообще сколько-нибудь негативное отношение к этой войне ставило человека в позицию очернителя священной памяти павших героев. Как известно, давней и живой отечественной традицией является измерение воинских заслуг степенью жертвенности. Миллион русских, легших в завоеванную землю, становились гарантом того, что

всякие попытки предложить «иной» взгляд на присоединение Кавказа представляли собой посягательство на один из устоев национального сознания с минимальными шансами на успех. На формирование национальной памяти о Кавказской войне не могло не оказать сильное воздействие то, что на рубеже XIX – XX столетий, когда оказались заметными элементы ревизии многих представлений о российском прошлом, Кавказ из края, «неизвестно для чего завоеванного», превратился в богатый регион. Развитие энергетики и металлургии сделали востребованными нефть и марганец. Для обывателей, далеких от экономики, Кавказ спустя полвека после окончания войны ассоциировался с грузинским вином и курортами.

Одной из причин «забывания» завоевания Кавказа было то, что события полувековой и большей давности на этой имперской окраине имели сходную оценку в глазах властей и общества, занимавшего обычно позицию принципиального оппонента к первым. «Властители дум» были в целом солидарны с правительством, видевшим в покорении горцев выполнение цивилизаторской миссии России на Востоке. На рубеже XIX–XX веков разное прочтение бюрократами и интеллигенцией одних и тех же сюжетов провоцировало «образованные круги» на самостоятельную «юбилейную» активность. Сосредоточение памятных знаков Кавказской войны на территории этого завоеванного региона можно объяснить тремя причинами. Во-первых, мемориальные объекты «по определению» тяготеют к местам исторических событий, во-вторых, именно здесь проживали в наибольшей концентрации те, кому Россия была обязана присоединением края. В-третьих, империя представляла знаки своего могущества в подчиненных регионах. Характерно, что своей славой Россия считала ту, которая была добыта, прежде всего, на 15 европейских полях. «Азиатские мотивы» в военно-мемориальном комплексе вообще звучат чрезвычайно слабо, а в отдельных видах и вовсе отсутствуют. Можно предположить, что это следствие сложного комплекса национального и государственного мировоззрения и мироощущения, составленного из имперского космополитизма, замешанного на православии национализма, претензий на роль проводника европейской цивилизации с одновременным и все более усиливающимся чувством противостояния Западу.

Анастасия Готовцева
Оксана Киянская

К ИСТОРИИ НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ РЕВОЛЮЦИИ

(С.П.ТРУБЕЦКОЙ И ВОССТАНИЕ
ЧЕРНИГОВСКОГО ПОЛКА)

The article is devoted to one of the most acute in the current research of Decembrist movement issues, the issue of the Decembrists' 'plan of actions' on the even of the rebellion of December 14, 1825. The authors pay the particular attention to the Northern society's leaders, to S.P.Trubetskoi, the rebellion 'dictator'. It is demonstrated that at the basis of S.P.Trubetskoi's intentions lied the idea of joint action of the Northern and the Southern societies. His activities aimed at implementation of this intent are analyzed. The authors also analyze the reasons due to which this 'plan of action' was left unrealized.

І. «Вопрос о плане действий оставался неясным»

Один из самых сложных вопросов современного декабристоведения – вопрос о планах действий декабристов в конце 1825 года, планах, подготовленных лидерами тайных организаций для захвата власти в России. Особенный интерес вызывают планы, разрабатывавшиеся накануне 14 декабря 1825 года: если бы они были реализованы, история России вполне могла бы пойти по иному пути.

Между тем «можно констатировать, что вопрос о плане действий 14 декабря... оставался следователям неясным», ни они, ни позднейшие историки так и не сумели «четко понять, что же задумали лидеры, что из задуманного было исполнено, а что осталось невыполненным, почему это произошло и кто виноват»¹. Сложность изучения этого вопроса объясняется, прежде всего, крайней неясностью основного источника сведений о планах действий – следственных показаний декабристов. С одной стороны, арестованные заговорщики понимали, что по законам Российской Империи всем им грозит смертная казнь, и на следствии старались всячески преуменьшить свою вину. Ответ на поставленный следствием вопрос напрямую зависел от тактики, которую избирал для себя тот или иной арестованный заговорщик, от его душевного состояния в момент ответа на вопрос, от условий его содержания, от методов, применявшихся на допросах, и т.п. Кроме того, многие из рядовых членов тайных обществ не были в курсе замыслов руководителей, зачастую они на допросах «добраивали» эти замыслы в соответствии с собственным пониманием ситуации.

С другой стороны, давно замечено, что и следователи, исполнявшие волю императора Николая I, вовсе не желали добиваться от заговорщиков *всей* правды. Нити заговора вели к высшим государственным сановникам и руководителям крупных воинских соединений. Однако Николай не хотел распутывать эти нити, дабы не демонстрировать всей Европе, что армия и государственные учреждения плохо управляемы и заражены революционным духом. Следствие свело заговор к дружеским беседам о формах правления, а вооруженные выступления – к непродуманным действиям молодых офицеров, преданных своими руководителями².

---

¹ Сафонов М.М. Зимний дворец в планах выступления 14 декабря 1825 года // *Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы*. М., 2007. С.230, 228.

² См. об этом: Готовцева А.Г., Киянская О.И. Движение декабристов в государственной пропаганде 1825–1826 гг. // *Декабристы. Актуальные проблемы...* С.447–493; Киянская О.И. П.И.Пестель на следствии // *Россия XXI*. 2007. №1. С.162–196.

Впервые русская публика получила возможность познакомиться с планами действий заговорщиков (в том числе и с планом, подготовленным петербургскими конспираторами) 12 июня 1826 года. В этот день газета «Русский Инвалид» опубликовала «Донесение следственной комиссии», составленное главным правительственным пропагандистом Д.Н.Блудовым. Согласно «Донесению...», план действий на 14 декабря разработали «директоры Северного тайного общества: Рылеев, князя Трубецкой, Оболенский и ближайшие их советники».

К.Ф.Рылеев

Начало составления этого плана Блудов относит к концу ноября, к моменту, когда до заговорщиков «дошел слух, что государь цесаревич тверд в намерении не принимать короны». «Сия весть возбудила в заговорщиках новую надежду: обмануть часть войск и народ уверить, что великий князь Константин Павлович не отказался от престола и, возмутив их под сим предлогом, воспользоваться смятением для испровержения порядка и правительства», – читаем в «Донесении»³. Несколько дней спустя военным руководителем восстания, диктатором был избран один из руководителей Северного общества, полковник князь Сергей

Трубецкой. Местом разработки плана стала квартира другого руководителя заговора, отставного подпоручика Кондратия Рылеева. В его квартире начались ежедневные совещания, которые, согласно следствию, «представляли странную смесь зверства и легкомыслия, буйной непокорности к властям законным и слепого повиновения неизвестному начальству, будто бы ими избранному» (17: 51).

План, который, в конце концов, был выработан на этих «буйных» и «легкомысленных» совещаниях, был единым. Предполагалось – под предлогом незаконности отречения Константина Павловича – собрать войска на Сенатской площади и силой оружия заставить сначала Сенат, а затем и императора Николая вступить в переговоры. Целью же переговоров было ограничение власти монарха, созыв парламента и организация Временного правления.

Однако у двух главных организаторов восстания – Рылеева и Трубецкого – были расхождения тактического характера. Ссылаясь на показания

³ *Восстание декабристов. Документы и материалы (далее – ВД). Т.1–20. М.; Л., М., 1925–2001. Т.17. С.49. – Ссылки на это издание даются курсивом в тексте статьи.*

Трубецкого, следствие утверждало, что он планировал «с первым полком, который откажется от присяги, идти к ближайшему, а там далее, увлекая один за другим... потом все войска, которые пристанут, собрать пред Сенатом и ждать, какие меры будут приняты правительством». Рылеев же, судя по «Донесению...», считал, что полки надо собирать сразу на Сенатскую площадь, где «начальнику их, Трубецкому, действовать по обстоятельствам» (17: 53). Но в итоге тактические противоречия были сняты: заговорщики договорились выводить полки прямо к Сенату. 13 декабря князь Трубецкой обещал «на другой день быть на Сенатской площади, чтобы принять главную команду над войсками, которые не согласятся присягать Вашему величеству; под ним же начальствовать капитану Якубовичу и полковнику Булатову». Тогда же Трубецкой предложил захватить Зимний дворец.

Однако и Рылеев, и Трубецкой, и Якубович с Булатовым в решающий момент испугались: «все те, коих заговорщики назначили своими начальниками, в решительный день заранее готовились их бросить» (17: 55). Восстание подняли младшие офицеры Гвардейского экипажа, Московского и Лейб-гренадерского полков. Этих офицеров главари заманили – по большей части обманом – в свой заговор. Главным же виновником событий, по версии Блудова, был князь Трубецкой, тщеславный трус, в решительную минуту бросивший своих сообщников на произвол судьбы (17: 58).

«Донесение следственной комиссии», декларировавшее единство главных руководителей северного восстания по выработке плана действий, оказало сильное влияние на исследователей, занимавшихся анализом этого плана. В историографии этой проблемы можно выделить два основных направления: одно из них в большей или меньшей степени разделяет правительственную концепцию, второе спорит с ней.

К первому из этих направлений принадлежал, например, биограф Трубецкого Н.Ф.Лавров. Исследователь, подобно Блудову, считал, что в ходе подготовки к восстанию среди заговорщиков никаких противоречий не было. План действий менялся в зависимости от конкретной политической ситуации и расклада сил в столице и в итоге выглядел следующим образом: «...часть, которая придет первой на Петровскую площадь, должна немедленно захватить дворец и арестовать царскую семью, не дав противнику возможности принять оборонительные меры»⁴.

Однако, в отличие от Блудова, Лавров считал, что в провале плана виноват не Трубецкой, а те заговорщики, которые получили от диктатора конкретные задания, но не выполнили их.

---

⁴ Лавров Н.Ф. «Диктатор 14 декабря» // Бунт декабристов. Л., 1926. С.203.

Правительственную концепцию безусловно разделяла и М.В.Нечкина. Ученая принимала тезис Блудова о тактических расхождениях Трубецкого и Рыльева: Трубецкой настаивал «на движении восставших полков от казармы к казарме и лишь в конечном счете, когда налицо будет достаточная масса восставших солдат, предполагал выход и на площадь». Однако в итоге диктатор отказался от своей тактики: «в результате долгих и страстных прений на совещаниях декабристов в дни междуцарствия» был создан единый план действий, предусматривавший движение прямо на Сенатскую площадь⁵.

Нечкина писала: «Было бы неправильно утверждать, что в этом плане победило мнение определенной группы, с которым не согласилась бы какая-то другая. Нет, лица, которые первоначально спорили против победивших в дальнейшем предложений, в конце концов примкнули к ним»⁶. «Накануне решительных действий, несомненно, сформировалось некоторое общее мнение, в основном принятое и поддержанное (правда, с разной степенью убежденности) всей руководящей группой». Исследовательница была уверена, что это «общее мнение» было за решительные революционные действия, подразумевающие захват царской резиденции и арест императорской фамилии. Главным же виновником провала этого плана исследовательница, как и автор «Донесения», считает Трубецкого, усматривая в его действиях безусловную «измену главнокомандующего»⁷.

С Лавровым и Нечкиной во многом солидарен современный исследователь Я.А.Гордин. Повествуя о едином плане Трубецкого и Рыльева, он утверждал, что план этот состоял «из двух основных компонентов: первый – захват дворца ударной группировкой и арест Николая с семьей, второй – сосредоточение всех остальных сил у Сената, установление контроля над зданием Сената, последующие удары в нужных направлениях – овладение крепостью, арсеналом». Гордин признает некоторое расхождение во взглядах на будущее восстание между двумя авторами этого плана: в отличие от Рыльева, сторонника решительной революционной импровизации, Трубецкой «полагал целесообразной только хорошо подготовленную в военном отношении операцию с высокими шансами на успех»⁸.

Однако катастрофу 14 декабря Гордин склонен объяснять не противоречиями двух лидеров Северного общества и не изменой диктатора. Гордин убежден: Трубецкому, корифею заговора, решительно противостояла «декабристская периферия» в лице Александра Якубовича и Александра Булатова,

---

⁵ Нечкина М.В. *Движение декабристов. Т. 2. М., 1955. С.225–226.*

⁶ Нечкина М.В. *День 14 декабря 1825 года. М., 1985. С.22.*

⁷ Нечкина М.В. *Движение декабристов. Т.2. С.227; 242; 281.*

⁸ Гордин Я.А. *Мятеж реформаторов. М., 1989. С.168–169; 183.*

которые, собственно, и сорвали разработанный диктатором план. «Булатов был уверен, что Рылеев и его сподвижники стараются для того лишь, чтоб сменить на российском престоле династию Романовых династией Трубецких. И решил помешать этому, перехватив у Трубецкого руководство восстанием и тем благодетельствовать России», – утверждает исследователь⁹.

Одним из тех, кто не согласился с «Донесением следственной комиссии» и не увидел наличие у петербургских заговорщиков единого плана, был А.Е.Пресняков. Он утверждал, что накануне 14 декабря сложилось два плана – условно говоря, план Трубецкого и план Рылеева: «Все у Трубецкого сводилось к давлению на власть, которая должна будет уступить без боя». Он стремился, прежде всего, действовать «с видом законности». Мысль же Рылеева и его сторонников «была направлена на решительные революционные акты, которые одни могли бы дать, будь они осуществимы, победу революционному выступлению»¹⁰.

К этому же направлению в историографии относятся и работы М.М.Сафонова, и прежде всего его статья «Зимний дворец в планах выступления 14 декабря 1825 года»¹¹. Разбирая, казалось бы, частный вопрос – вопрос о том, планировал ли Трубецкой захват Зимнего дворца, – исследователь приходит к важным обобщающим выводам. Согласно Сафонову, единого плана у руководителей восстания не было. Более того, накануне решительных действий между Трубецким и другими руководителями заговора существовал острый конфликт по вопросам тактики будущего революционного действия.

Согласно концепции Сафонова, план действий, который заговорщики пытались осуществить 14 декабря, был разработан Кондратием Рылеевым. Привлекая к анализу не только показания Рылеева и Трубецкого, но и следственные документы других участников восстания, автор утверждает: план этот был весьма радикальным, подразумевал взятие Зимнего дворца «малыми силами», «с горстью солдат» и – под угрозой применения силы – проведение переговоров с Сенатом о создании Временного правления¹².

Трубецкой же, по утверждению Сафонова, по этому плану действовать явно не хотел. Исследователь утверждает: диктатор «считал необходимым вначале собрать все неприсягнувшие войска вместе, определить возможности восставших и только после этого решить, как действовать дальше». Но 13 декабря диктатор понял, что у заговорщиков «слишком мало сил» для реали-

---

⁹ Там же. С.184.

¹⁰ Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года. М.: Л., 1926. С.90–91, 93.

¹¹ Сафонов М.М. Указ. соч. С.228–291.

¹² Там же. С.285, 240.

зации его плана, что «надежда на успех более чем сомнительна. Диктатор уверился: лучше не начинать, чем потерпеть поражение». «Сам диктатор, видя малочисленность сил, уверен, что выступление приведет в таком случае к катастрофе. Однако Рылеев настаивает, что надо выступать в любом случае, даже с малым количеством войск. Руководители тайного общества уже обречены на смерть, они слишком далеко зашли, возможно, их уже предали. Поэтому необходимо подниматься в любом случае и при любых условиях. Однако такая позиция была неприемлема для Трубецкого в принципе»¹³.

Сафонов утверждает: когда Рылеев понял, что Трубецкой не собирается выполнять его план, он своей властью назначил другого диктатора – полковника Александра Булатова. Накануне восстания Рылеев сообщил о своем решении Трубецкому. И, следовательно, Трубецкому вообще незачем было выходить 14 декабря на Сенатскую площадь.

Эту концепцию в целом можно признать исчерпывающей, если бы не одно весьма важное обстоятельство. Она совершенно противоречит показаниям Рылеева. Более того, на очной ставке 6 мая 1826 года Трубецкой подтвердил показания Рылеева, отказавшись, таким образом, от собственной версии событий (1: 103–104).

Учитывая разнообразие исследовательских мнений, следует признать: *вопрос о наличии или отсутствии у заговорщиков единого плана действий нельзя считать решенным*. Для того, чтобы решить его, следует проанализировать не только следственные показания и мемуары непосредственных участников событий, и не только в той их части, которая непосредственно касается подготовки вооруженного переворота в России. Следует обратиться ко всему комплексу показаний декабристов, обратив особое внимание на события, предшествующие смерти императора Александра I и междуцарствию. Однако специфика этих источников такова, что на их основе невозможно сделать сколько-нибудь окончательных выводов. И предлагаемая вниманию читателей статья тоже не претендует, конечно, на то, чтобы ответить на все вопросы, связанные с планом действий декабристов. Задача, которую ставили перед собой авторы данной статьи, – попытаться реконструировать не противоречащую источникам картину событий конца 1825 – начала 1826 года.

II. «Князь Трубецкой... просился уехать»

Прежде всего следует отметить: разделяемое М.М.Сафоновым и рядом других историков мнение о том, что накануне решающих событий Рылеев сменил диктатора и назначил вместо Трубецкого полковника Була-

---

¹³ Там же. С.240, 236.

това, вряд ли справедливо. Суждение это основано на мемуарных записях самого Трубецкого: «Надобно было найти известного гвардейским солдатам штаб-офицера для замещения передавшихся на сторону власти батальонных и полковых командиров. Этот начальник нужен был только для самого первого начала, чтобы принять начальство над собравшимися войсками. Был в столице полковник Булатов, который недавно перешел из Лейб-гренадерского полка в армию. Его помнили и любили лейб-гренадеры, а этот был одним из полков, на который более надеялись. Булатов согласился принять начальство над войсками, которые соберутся на сборном месте»¹⁴.

На следствии же вопрос о Булатове-диктаторе не всплывал. Хотя, учитывая поведение Трубецкого на допросах, логично было ждать от него вполне оправданного в данном случае стремления переложить главную ответственность на Булатова. Тем более, что Булатов в самом начале следствия покончил жизнь самоубийством и вряд ли этот факт остался неизвестен другим подследственным. Однако ни сам Трубецкой, ни Рылеев, ни другие участники подготовки восстания на следствии о факте смены военного лидера не упоминали. Более того, Евгений Оболенский показывал: «Со времени выбора князя Трубецкого начальником мы старались сколько возможно менее излагать мнения наши касательно действий, дабы внушить членам более почтения и доверенности к князю Трубецкому».

На 12 декабря Оболенский назначил совещание заговорщиков в собственной квартире. Совещание было назначено «в противность правил, нами принятых, не действовать без ведома князя Трубецкого», за что Оболенский «получил нареkanie от Рылеева и от других» (1: 247). Скорее всего, история с «диктаторством» Булатова – не более чем позднейшая выдумка Трубецкого, его попытка оправдаться перед общественным мнением. Диктатором – до самого вечера 14 декабря – заговорщики считали именно Трубецкого.

Рассуждая о Трубецком-декабристе, историк М.Н.Покровский считал его участие в заговоре «ненормальностью». Люди его круга, представители богатейшей высшей знати, поддерживали правительство, среди же декабристов оказались те, у кого были «не тысячи, а сотни тысяч душ». Отсюда, по мнению историка, и нравственные терзания диктатора накануне и в день 14 декабря, и его «невыход» на Сенатскую площадь: «все же был солдат и в нормальной для него обстановке сумел бы по крайней мере не спрятаться»¹⁵. Естественно, такой «вульгарно-социологический» подход к движению

---

¹⁴ С.П.Трубецкой. *Материалы о жизни и революционной деятельности.* Иркутск, 1983. Т.1. С.246–247.

¹⁵ Покровский М.Н. *Русская история с древнейших времен* // Покровский М.Н. *Избранные произведения.* Кн.2. М., 1965. С.265.

декабристов советские историки много раз опровергали, и в конце концов он был оттеснен на обочину историографии. Между тем в работах Покровского было много здравых идей. И в данном случае историк оказался прав: среди участников подготовки восстания 14 декабря Трубецкой действительно был чужим.

Дело, конечно же, не в том, что все люди его круга сплотились около трона. Трубецкой был прямым потомком великого князя литовского Гедимина. Но среди декабристов были и другие представители древних княжеских родов: Сергей Волконский, Евгений Оболенский, Александр Одоевский, Александр Барятинский, Дмитрий Щепин-Ростовский. Диктатор на самом деле был очень богат, но, например, тот же Волконский или Никита Муравьев владели состояниями, вполне сравнимыми с состоянием Трубецкого. Кроме того, все конституционные проекты, разрабатывавшиеся заговорщиками, предусматривали – в случае победы революции – полную отмену сословий.

Чужеродность Трубецкого в среде северных декабристов определялась другим. Князь много воевал, был полковником Преображенского полка, старшим адъютантом Главного штаба и опытным военным, а большинство из тех, с кем он готовил российскую революцию, не имели боевого опыта, служили обер-офицерами или вышли из обер-офицеров в отставку. Он был основателем Союза спасения, председателем и блюстителем Коренного совета Союза благоденствия, принимал участие в написании знаменитой «Зеленой книги» – иными словами, был корифеем заговора, отдавшим ему девять лет жизни, а его соратники провели в тайном обществе от нескольких дней до нескольких месяцев.

Почти весь 1825 год Трубецкого не было в столице: он служил в Киеве. Приехав в 10-х числах ноября в Петербург, он столкнулся с новой реальностью, о которой В.М.Бокова повествует следующим образом: «В начале 1825 г. Рылеев был избран в "верховную думу" (триумvirат) на место уехавшего кн. С.П.Трубецкого. Этот акт на практике знаменовал собой поглощение или даже вытеснение рылеевской отраслью остатков "Союза соединенных и убежденных" (самоназвание Северного общества. – А.Г., О.К.) в Петербурге. С этого времени Северное общество целиком стало обществом Рылеева: второй член триумvirата – кн. Е.П.Оболенский – находился под личным рылеевским влиянием, а первый – Н.М.Муравьев, поглощенный семьей и писанием Конституции, – активного участия в делах общества почти не принимал. К этому следует добавить, что в Союзе (в

Петербурге) реально не существовало других управ, кроме созданных участниками рылеевской отрасли или подведомственных им»¹⁶.

Естественно, что Трубецкому ситуация, сложившаяся в тайном обществе к концу 1825 года, нравиться не могла. Ему, осторожному политику, не могла imponировать решительность и горячность молодых заговорщиков, возглавляемых отставным подпоручиком, поэтом и журналистом Кондратием Рылеевым. И в мемуарах князь признавал, что, «может быть, удалившись из столицы... сделал ошибку». «Он (о себе Трубецкой писал в мемуарах в 3-м лице. – А.Г., О.К.) оставил управление общества членам, которые имели менее опытности и, будучи моложе, увлекались иногда своею горячностью и которых действие не могло производиться в том кругу, в котором мог действовать Трубецкой. Сверх того, тесная связь с некоторыми из членов отсутствием его прервалась»¹⁷.

Нетрудно предположить, что, если бы не трагические события конца 1825 года: внезапная болезнь и смерть императора Александра I и ситуация междоусобия, – князь уехал бы обратно к месту службы, так и не договорившись с «отраслью» Рылеева о конкретных совместных действиях.

Сложная ситуация с престолонаследием заставила Трубецкого начать действовать: пропустить столь удобный случай воплотить свои замыслы в жизнь он просто не мог. Однако единственной реальной силой, на которую князь мог опереться, была именно «отрасль» Рылеева. Действовать Трубецкому предстояло вместе с людьми, которым он не мог доверять и к которым относился свысока. По крайней мере, Булатов утверждал: в разговорах с молодыми офицерами князь принимал «важность настоящего монарха» (18: 295). А Оболенский показывал, что на бурных совещаниях в квартире Рылеева диктатор по большей части молчал, «не входил в суждения о действиях общества с прочими членами» (1: 247).

Рылеев и «рылеевцы» не могли этого не видеть и, со своей стороны, не доверяли Трубецкому. Сам князь им был малоинтересен: их интересовали его придворные связи и «густые эполеты» гвардейского полковника. Так, согласно показаниям Трубецкого, Рылеев, уговаривая его принять участие в готовящемся восстании, утверждал, что он «непременно для сего нужен, ибо нужно имя, которое бы ободрило». При избрании же князя диктатором Рылеев еще раз повторил ему, что его «имя» «необходимо нужно» для успеха революции (1: 6, 19).

«Кукольной комедией» назвал избрание Трубецкого диктатором ближайший друг Рылеева Александр Бестужев. Бестужев отмечал, однако, что отсут-

---

¹⁶ Бокова В.М. *Эпоха тайных обществ. М., 2003. С.463.*

¹⁷ С.П.Трубецкой. *Материалы... Т.1. С.228.*

стве диктатора на площади имело «решительное влияние» на восставших офицеров и солдат, поскольку «с маленькими эполетами и без имени принять команду никто не решился» (1: 443). Участник событий Петр Свистунов размышлял в мемуарах: «Тут возникает вопрос... что побудило Рылеева, решившего действовать во что бы то ни стало, предложить начальство человеку осторожному, предусмотрительному и не разделявшему его восторженного настроения? Это объясняется очень просто. Рылеев, будучи в отставке, не мог перед войском показаться в мундире: нужны были если не генеральские эполеты, которых налицо тогда не оказалось, то по меньшей мере полковничьи»¹⁸. Неудавшийся же царевича Петр Каховский и вовсе предполагал, что диктатор был «игрушкой тщеславия Рылеева» (1: 347).

Конечно, Каховский не прав: полковник князь Трубецкой не был игрушкой в руках отставного подпоручика, поэта Рылеева. Но и Рылеев, ощущавший себя безусловным лидером петербургского заговора, действовать по указке Трубецкого не собирался. По-видимому, Рылеев и Трубецкой, разыгрывая каждый свою карту в сложной политической игре, пытались в этой игре использовать друг друга. И именно это взаимное недоверие оказалось роковым для успеха восстания.

* * *

Рылеев несколько раз излагал на следствии их с Трубецким общий план действий, и его показания выглядят непротиворечиво. Согласно Рылееву, с момента избрания Трубецкого диктатором (10-е декабря), он «был уже полновластный начальник наш; он или сам, или чрез меня, или чрез Оболенскаго делал распоряжения. В пособие ему на площади должны были явиться полковник Булатов и капитан Якубович» (1: 160).

Трубецкой поручил ротным командирам «распустить между солдатами слух, что цесаревич от престола не отказался, что, присягнув недавно одному государю, присягать чрез несколько дней другому грех. Сверх того сказать, что в Сенате есть духовная покойного Государя, в которой солдатам завещано 12-ть лет службы, и потом в день присяги, подав собою пример, стараться вывести, каждый кто сколько успеет, из казарм и привести их на Сенатскую площадь» (1: 161).

При этом Якубович должен был «находиться под командою Трубецкаго с Экипажем гвардейским и в случае надобности идти к дворцу, дабы захватить императорскую фамилию». «Дворец занять брался Якубович с Арбузовым, на что и изъявил свое согласие Трубецкой». Булатов же соглашался возглавить лейб-гренадеров – полк, в котором он раньше служил и в котором его

---

¹⁸ Свистунов П.Н. Сочинения и письма. Иркутск, 2002. С.171.

помнили и любили. После захвата дворца следовало силой «принудить» Сенат издать Манифест об уничтожении старого правления, создании Временного правления и организации парламента – Великого собора (I: 162; 158, 187–188 и др.).

Трубецкой же много месяцев отрицал показания Рылеева. Он утверждал, что никому не давал «поручения о занятии дворца, Сената, крепости или других мест» (I: 69) и не собирался арестовывать императора и его семью. В итоге на очной ставке 6 мая 1826 г. показания Рылеева были обобщены и сведены к следующему лаконичному утверждению: «Занятие дворца было положено в плане действий самим кн[язем] Трубецким. Якубович брался с Арбузовым сие исполнить, на что к[нязь] Трубецкой и изъявил свое согласие. Занятие же крепости и других мест должно было последовать, по его же плану, после задержания императорской фамилии».

Точка зрения же Трубецкого выглядела следующим образом: «Занятие дворца не было им положено в плане действия, и он, князь Трубецкой, не говорил о том ни с Якубовичем, ни с Арбузовым, и никому не поручал передать им сие или выискать кого для исполнения сего; не изъявлял также на то и своего согласия. Равным образом в план действия не входило ни занятие крепости, или других мест, ни задержание императорской фамилии» (I: 103–104). В итоге очной ставки диктатор отказался от своих показаний и подтвердил правоту Рылеева.

Пытаясь объяснить это странное признание диктатора, М.М.Сафонов цитирует мемуары Трубецкого – ту их часть, в которой князь писал об обстоятельствах этой очной ставки: «Я имел очную ставку с Рылеевым по многим пунктам, по которым показания наши были несходны. Между прочим были такие, в которых дело шло об общем действии, и когда я не признавал рассказ Рылеева справедливым, то он дал мне почувствовать, что я, выгораживая себя, сваливаю на него. Разумеется, мой ответ был, что я не только ничего своего не хочу свалить на него, но что я заранее согласен со всем, что он скажет о моем действии. И что я на свой счет ничего не скрыл и более сказал, нежели он может сказать»¹⁹.

По-видимому, очная ставка действительно была мероприятием, тяжелым и мучительным для обоих декабристских лидеров. Однако вряд ли в данном случае, как и в случае с «диктаторством» Булатова, стоит полностью доверять мемуарному свидетельству князя. На следствии Трубецкой вовсе не склонен был выгораживать других за свой счет. С Рылеевым же, как справедливо отмечает тот же Сафонов, Трубецкой вел на следствии заочную дуэль. Все месяцы следствия – начиная с первого допроса в ночь с

---

¹⁹ С.П.Трубецкой. Материалы... Т.1. С.176.

14 на 15 декабря – Трубецкой занимался, в частности, тем, что перекалывал вину на Рылеева. И нет никаких оснований полагать, что на очной ставке он сознательно избрал другую тактику. Кроме того, вопрос о плане действий был лишь одним из 11 вопросов, по которым Трубецкой и Рылеев обнаруживали «разноречия в показаниях». И, как свидетельствуют документы, в большинстве других случаев правду говорил именно Рылеев.

По-видимому, в вопросе о плане действий Рылеев говорил правду; не согласиться с ним на очной ставке значило для Трубецкого не признать очевидного. И – как следствие – быть уличенным в даче ложных показаний и намного утяжелить свою участь. Трубецкой перед восстанием действительно поддержал радикальный план, подразумевавший взятие Зимнего дворца и арест императора. Но очевидно и то, что Трубецкой не лгал, когда говорил о своем несогласии с этим планом – с той только оговоркой, что это несогласие было внутренним убеждением Трубецкого и Рылееву об этом почти ничего не было известно. По-видимому, Трубецкой был убежден, что, командуя восставшими войсками, он в любом случае сумеет удержать ситуацию под контролем.

На самом деле диктатор перед восстанием боялся только одного, что восстанет малое количество войск. И накануне 14 декабря говорил Рылееву: «Не надо принимать решительных мер, ежели не будете уверены, что солдаты вас поддержат», на что Рылеев сказал: "Вы, князь, все берете меры умеренные, когда надо действовать решительно." – Трубецкой отвечал: "Ну! Что же мы сделаем, ежели на площадь выйдет мало, роты две или три?"» (1: 488).

Но и в этом случае последнее слово диктатор оставлял за собою. По крайней мере, барон Владимир Штейнгейль отмечал в показаниях, что вечером 13 декабря Трубецкой «рассуждал о приведении намерения их на другой день в исполнение». Участникам итогового, вечернего совещания было объявлено, что следует собраться на Сенатской площади и там ожидать приказаний Трубецкого (14: 151; 1: 248; 347). Что, как известно, и было сделано.

Очевидно, Рылеев подозревал, что Трубецкой ведет какую-то иную игру, строит планы, отличные от тех, которые декларирует в разговорах с ним и его сторонниками. По крайней мере, уже на первом допросе в ночь с 14 на 15 декабря он обвинил Трубецкого не столько в невыходе на площадь (известно, что и сам Рылеев на площади не был), сколько в сознательной провокации: «Страшась, чтобы *подобные же люди* (курсив наш. – А.Г., О.К.) не затеяли что-нибудь подобное на юге, – показывал Рылеев, – я долгом совести и честного гражданина почитаю объявить, что около Киева в полках существует общество... Надобно взять меры, чтобы там не вспыхнуло возмущение» (1: 152).

Все месяцы следствия, яростно борясь против Трубецкого, Рылеев боролся с человеком, который, по его мнению, ради достижения целей, весьма далеких от благородных целей тайного общества, спровоцировал беспорядки в столице. Одной из главных задач, которую позт решал на следствии, было вывести князя на чистую воду, не дать ему избежать ответственности: «Трубецкой может говорить, что упомянутые приготовления и распоряжения к возмущению будто бы делались только от его имени, а непосредственно были мои; но это несправедливо... Настоящие совещания всегда назначались им и без него не делались. Он каждый день по два и по три раза приезжал ко мне с разными известиями или советами, и, когда я уведомлял его о каком-нибудь успехе по делам общества, он жал мне руку, хвалил ревность мою и говорил, что он только и надеется на мою отрасль. Словом, он готовности своею на переворот совершенно равнялся мне, но превосходил меня осторожностью, не всем себя открывая» (1: 184–185).

* * *

Прозрения Рылеева на следствии были недалеко от истины: у диктатора перед восстанием действительно был свой план, о котором Рылеев не знал. Этот план Трубецкой описывал несколько раз: и в показаниях, и в позднейших мемуарах. План в его изложении выглядел крайне невнятно и противоречиво. Поначалу он утверждал, что предполагал собрать отказавшиеся от присяги полки «где-нибудь в одном месте и ожидать, какие будут приняты меры от правительства». Затем – что «полк, который откажется от присяги», следует вести «к ближнему полку, на который надеялись», после чего вести все неприсягнувшие полки к Сенату. Потом – что Лейб-гренадерский и Финляндский полки «должны были идти прямо на Сенатскую площадь, куда бы и прочие пришли» (1: 36; 65; 70). В мемуарах же появляется еще одна деталь плана, противоречащая предыдущим: «Лейб-гренадерский [полк] должен был прямо идти к Арсеналу и занять его»²⁰.

Однако все без исключения рассказы диктатора о плане действий объединяет один общий элемент. Трубецкой хотел добиться вывода восставших войск за город: «лучше будет, если гвардию или хотя и не все полки выведут за город, тогда государь император Николай Павлович останется в городе и никакого беспорядка произойти не может», «обстоятельства должны были решить, где удобнее расположить полки, но я предпочитал расположить их за городом, ибо тогда в городе сохранится тишина, да и самые полки можно будет лучше удержать от разброда».

Князь предполагал «вытребовать» для полков «удобное для стоянки место для окончания всего» и «думал, что если в первый день не вступят с

---

²⁰ С.П.Трубецкой. Материалы... Т.1. С.288.

ними (выведенными из города восставшими войсками. – *А.Г., О.К.*) в переговоры, то, увидев, что они не расходятся и проночевали первую ночь на биваках, непременно на другой день вступят с ними в переговоры».

Таким образом, судя по показаниям князя, «будет соблюден вид законности и упорство полков будет сочтено верностию» (*1: 18, 36, 37, 65 и др.*). «Уверенность вообще была, что окончание будет по желанию», – убеждал Трубецкой следователей (*1: 37*). «Он так был уверен в успехе предприятий, что, говоря с своими военачальниками, полагал, что, может быть, обойдется без огня», – так, по словам Булатова, выглядела позиция Трубецкого за два дня до восстания (*18: 295*).

Князь несколько раз повторил в показаниях, что вывести войска за город впервые предложил член Северного общества, подполковник Корпуса инженеров путей сообщения Гавриил Батеньков, а он, Трубецкой, только воспользовался этой готовой идеей. Впоследствии в мемуарах князь объяснил логику Батенькова: вывод войск за город был условием, «на котором обещано чрез Батенькова содействие некоторых членов Государственного совета, которые требовали, чтоб их имена остались неизвестными»²¹.

Трудно сказать, насколько это утверждение соответствует истине. Батеньков действительно был человеком влиятельным и имел большие связи при дворе. Однако многолетние попытки историков выявить тех членов Государственного совета, которые через него обещали содействие Трубецкому, успеха не принесли. К тому же неясно, зачем таинственным покровителям Батенькова было нужно, чтобы восставшие войска вышли за город и оставили столицу во власти верных императору частей.

Рискнем предположить, что этот элемент плана в том виде, в котором диктатор изложил его на следствии и в мемуарах, – совершенная дикость, не поддающаяся логическому объяснению. Невозможно согласиться с тем, что действия мятежников – даже в случае активной эксплуатации константиновского лозунга – в глазах представителей власти могли иметь «вид законности». Вряд ли можно поверить и в то, что Трубецкой рассчитывал на безнаказанность собственных действий, на то, что они будут сочтены «верностию». Любое неповиновение в армии, вне зависимости от его причин, каралось очень жестоко, и Трубецкой, как человек военный, не мог не знать этого. Естественно, восставшие полки могли произвести «беспорядок» в городе, но, каким способом их можно было удержать от беспорядка «за городом», диктатор предпочел не пояснять.

Император, создающий мятежникам комфортные условия для мятежа и добровольно соглашающийся на их требования, – при том, что гвардия

---

²¹ Там же. С.289.

была лишь небольшой частью огромной российской армии, – выглядит в показаниях Трубецкого экстравагантным самоубийцей. Руководитель же восстания, планирующий захват власти в столице и выводящий для этого из столицы верные себе части, и вовсе кажется умалишенным. И совершенно непонятно в связи с этим, откуда у Трубецкого могла возникнуть уверенность, что «окончание будет по желанию».

Между тем полковник лейб-гвардии Преображенского полка, старший адъютант Главного штаба, князь Сергей Петрович Трубецкой умалишенным не был. Он был опытным профессиональным военным: к 1825 году служил уже 17 лет, прошел Отечественную войну и заграничные походы, был ранен в «битве народов» под Лейпцигом и награжден боевыми орденами. Последнее его служебное назначение – должность дежурного штаб-офицера 4-го пехотного корпуса со штабом в Киеве (декабрь 1824 г.).

С.П.Трубецкой

Сергей Трубецкой – одна из ключевых фигур движения декабристов. Он был в числе основателей Союза спасения, а на всех последующих этапах существования заговора оставался одним из главных его деятелей. М.Н.Покровский справедливо называл Трубецкого «северным Пестелем по занимаемому им в заговоре положению», а М.В.Нечкина утверждала, что князь, не принимавший участия в написании всякого рода конституционных проектов, был в то же время крупной «организаторской» фигурой, военным лидером движения²².

Анализируя показания Трубецкого, следует признать: распространенное мнение, что на первых же допросах диктатор сломался, раскаялся и выдал все свои планы, в корне неверно. Трубецкой понимал, что шансов выжить у него крайне мало. И все его показания с самого начала до самого конца следствия – смесь полуправды с откровенной ложью. Трубецкой боролся за собственную жизнь, боролся с немалым упорством и изобретательностью. Естественно, что, излагая собственный план действий, он стремился, с одной стороны, не быть уличенным в прямой лжи, а с другой, – скрыть самые опасные моменты этого плана, которые вполне могли привести его на эша-

²² Покровский М.Н. Предисловие к 1-му тому серии «Восстание декабристов» // ВД. Т.1. С.1Х; Нечкина М.В. Движение декабристов. Т.2. С.282.

фот. И для того, чтобы адекватно понять этот план действий, следует проанализировать тактику, которой Трубецкой придерживался на следствии.

* * *

Тактика же эта на первый взгляд кажется весьма странной. Трубецкой обвинялся в организации военного мятежа, его положение было в полном смысле слова катастрофическим, и, по-видимому, князь хорошо понимал степень угрожавшей ему опасности. Попав в тюрьму, он сразу же согласился сотрудничать со следствием, и следствие ждало от него от него подробных описаний предшествовавших 14 декабря событий, серьезного анализа причин, по которым в столице империи произошел мятеж.

Однако, несмотря на покаянный тон показаний диктатора, на его полное самоуничужение на первых допросах, ожидания следователей были обмануты. «В присутствии Комитета допрашиван князь Трубецкой, который на данные ему вопросы при всем настоянии членов дал ответы неудовлетворительные», – читаем в «Журнале» Следственной комиссии от 23 декабря (16: 34). Невнятно повествуя о собственных взаимоотношениях с отставным подпоручиком Рылевым накануне событий, он упорно отсылал следствие на юг, туда, где находился истинный виновник произошедшего – руководитель Директории Южного общества, командир Вятского пехотного полка полковник Павел Пестель. Согласно Трубецкому, Пестель был человеком «порочным и худой нравственности», злым и жестоким честолюбцем, который рвался к диктаторской власти и ради этого был готов на все. В том числе и на цареубийство: «Он обрекал смерти всю высочайшую фамилию... Он надеялся что государь император не в продолжительном времени будет делать смотр армии, в то же время надеялся на поляков в Варшаве, и хотелось ему уговорить тож исполнить и здесь» (1: 23, 21; 26).

Собственно цель общества в столице, как и личная цель Трубецкого, согласно его показаниям, состояла в противодействии Пестелю. Не будь его, все заговорщики давно бы разошлись и 14 декабря бы не случилось. Пестель оказывался таким образом главным виновником событий на Сенатской площади. Трубецкой резюмировал: «Я имел все право ужаснуться сего человека, и если скажут, что я должен был тотчас о таком человеке дать знать правительству, то я отвечаю, что мог ли я вздумать, что кто б либо сему поверил; изблечить его я не мог, он говорил со мною глаз на глаз. Мне казалось достаточною та уверенность, что он без содействия здешнего общества ничего предпринять не может, а здесь я уверен был, что всегда могу все остановить – уверенность, которая меня теперь погубила» (1: 27).

Согласно показаниям Трубецкого, с разгромом заговорщиков на Сенатской площади опасность для государственной власти в России не исчезла.

Князь утверждал: перед его отъездом из Киева в ноябре 1825 года Пестель просил передать ему, «что он уверен во мне, что я не откажусь действовать, что он очень рад, что я еду в Петербург, что я, конечно, приготовлю к действию, которое, может быть, он начнет в будущем году, что его вызывают к сему из Москвы и Петербурга» (1: 27).

Трубецкой в данном случае подтасовывал факты: истинных планов Пестеля он не знал и в 1826 году собирался действовать вовсе не с ним. Но он старательно внушал следствию: пока Пестель на свободе, праздновать победу рано (о том, что руководитель Южного общества был арестован 13 декабря в Тульчине ни Трубецкой, ни петербургские следователи еще не знали).

У следствия, судя по настойчивым показаниям Трубецкого, был только один шанс избежать кровавого кошмара: не арестовывать единственного человека, который – кроме, конечно, самого Трубецкого, – может противостоять Пестелю. Этим человеком был руководитель Васильковской управы южан, подполковник Черниговского пехотного полка Сергей Муравьев-Апостол.

Трубецкой неоднократно подчеркивал: Сергей Муравьев – человек мирный, совершенно неопасный для правительства. И при этом васильковский руководитель «Пестеля ненавидит» и всячески препятствует его злодейским замыслам. Князь писал, что Муравьев поклялся: «Если что-нибудь Пестель затеет делать для себя, то всеми средствами ему препятствовать» (1: 34, 15).

Правда, император и следователи Трубецкого не послушались: 17 декабря был отдан приказ об аресте Пестеля, а 18 декабря – об аресте Сергея Муравьева-Апостола (16: 27, 28, 30). Но мотив противостояния двух южных лидеров, настойчиво звучавший в показаниях руководителя северной организации, весьма показателен. Он позволяет прояснить многие неясные моменты в подготовленном диктатором плане действий.

* * *

Скажем сразу: ни Пестель, ни Муравьев-Апостол на следствии не распространялись на тему взаимной ненависти и смертельной вражды. В показаниях Пестеля практически не звучит и тема борьбы лично с Трубецким. Более того, злобный авантюрист и царевбийца Пестель в декабре 1825 года хладнокровно сдался властям, а для того, чтобы арестовать «мирного» Сергея Муравьева-Апостола, потребовалась неделя времени и усилия практически целого корпуса. Обезвредить его власти смогли только прямым попаданием картечи в голову.

Однако и доля правды в показаниях Трубецкого была: именно в Пестеле князь видел своего главного конкурента, способного отобрать у него лавры организатора русской революции. В 1824 году во многом из-за непримиримой позиции Трубецкого окончились провалом так называемые «объедини-

тельные совещания», инициированные Пестелем в Петербурге. Пестель приехал в столицу с идеей объединения Севера и Юга, но получил жесткий отпор. Ему открыто предъявили обвинения в том, что его цель не ликвидировать российское самодержавие, а установить в России диктатуру, присвоив себе при этом диктаторские полномочия²³.

Личные разногласия Пестеля и Трубецкого, двух самых крупных декабристских лидеров, ярче всего проявились при подготовке ими конкретных планов действий по свержению российского самодержавия.

Пестель считал, что начинать восстание должны столичные заговорщики. «Приступая к революции, – показывал он, – надлежало произвести оную в Петербурге, яко средоточии всех властей и правлений, а наше дело в армии и губерниях было бы признание, поддержание и содействие Петербургу. В Петербурге же оное могло произойти восстанием гвардии, а также флота» (4: 102 – 103).

Именно для того, чтобы добиться поддержки расквартированной в столице гвардии, южный руководитель организовал «объединительные совещания». А когда они закончились неудачей, создал Петербургский филиал Южного общества, состоявший, в основном, из преданных ему лично офицеров Кавалергардского полка. Но и, кроме них, в столице у Пестеля было много друзей и единомышленников: одним из трех кавалергардских эскадронов командовал его родной брат ротмистр Владимир Пестель, близким другом южного лидера был генерал-майор Сергей Шипов, командир гвардейской бригады в составе Семеновского и Лейб-гренадерского полков и Гвардейского экипажа. Полковником Преображенского полка был брат Сергея Шипова, Иван, тоже хороший знакомый Пестеля.

Однако восстание в столице было важно Пестелю только лишь как элемент большого плана. Параллельно с ним должно было начаться и восстание на юге, во 2-й армии, и с конца 1822 года руководитель южан постоянно готовил такое восстание. В 1823 году революционный поход 2-й армии не состоялся только благодаря решительным действиям царского фаворита графа А.А.Аракчеева; за потворство заговорщикам лишился своей должности начальник Главного штаба князь П.М.Волконский. В конце же 1825 года планы Пестеля были сорваны решительными действиями генерал-лейтенанта А.И.Чернышева²⁴.

В декабре 1824 года Трубецкой принял должность дежурного штаб-офицера 4-го пехотного корпуса и в феврале 1825 года переехал в Киев. Объясняя на следствии этот странный с точки зрения обычной логики шаг

---

²³ См. об этом подробнее: Киянская О.И. Пестель. М., 2005. С.109–122.

²⁴ См. об этом подробнее: Там же.

(для гвардейского полковника перевод в Киев, в провинцию, был серьезным понижением статуса), он утверждал: «Хотел я показать членам, что я имею в виду пользу общества и что там я могу ближе наблюдать за Пестелем», «я намерен был ослабить Пестеля» (I: 27, 35). По всей видимости, в ходе «объединительных совещаний» Грубецкой понял: Пестель действительно готов к серьезным и решительным действиям. И вполне может отобрать у него лавры организатора русской революции. Этого честолюбивый заговорщик допустить никак не желал.

Взаимоотношения Грубецкого с руководителем Васильковской управы Южного общества Сергеем Муравьевым-Апостолом строились совершенно по-другому.

С.И.Муравьев-Апостол

Сергей Муравьев-Апостол был в декабристских кругах живой легендой. Переведенный на юг после «семеновской истории» 1820 г., в 1821–1825 гг. он служил в городе Василькове Киевской губернии и в столицу не приезжал. Но практически в каждом из следственных дел петербургских заговорщиков можно найти упоминание о Муравьеве. Мало кто из вступивших в тайное общество в последние пять лет его существования знал подполковника лично, но слышали о нем и за глаза уважали его почти все. И не случайно ни разу в жизни не видевший Муравьева-Апостола Кондратий Рылеев именно с ним пытался связаться накануне

14 декабря, а после неудачи хотел сообщить ему, «что нам изменили Грубецкой и Якубович» (I: 164). Отзывы современников о Сергее Муравьеве-Апостоле положительны вне зависимости от того, как тот или иной современник относился к декабристам. «Одаренный необыкновенным умом... он был в своих мыслях дерзок и самонадеян до сумасшествия, но вместе скрытен и необыкновенно тверд», – так характеризовал Сергея Муравьева сам император Николай I²⁵.

В показаниях же арестованных заговорщиков можно встретить, например, такие слова: «Я с Муравьевым знаком действительно, уважая его добродетель. Он не был бесчестен, он не помрачил своего достоинства ни трусостью, ни подлостью; просвещен, любим всеми. За благородные его

²⁵ *Междоусерствие 1825 года и восстание декабристов в мемуарах и переписке членов царской семьи. М.: Л., 1926. С.33.*

качества я почитал его и старался с ним быть знакомым. И если теперь посему и страдаю, сие страдание мне отрадно, ибо страдаю с другом человечества, который для общего блага не щадил не только своего имущества, но даже жизни» (5: 387). В конце декабря 1825 года, заступаясь за Сергея Муравьева, которого пытались арестовать, восстал почти весь Черниговский полк.

Документы свидетельствуют: Сергей Муравьев-Апостол был ярким харизматическим лидером, умевшим очаровывать людей и силой собственного властного обаяния вести их за собой. Причем сам он хорошо понимал эту свою способность, без сомнения причисляя себя к «энергичным вождям», чья «железная воля» – залог победы революции (11: 46). Свою власть над людьми Муравьев – не без некоторой бравады – демонстрировал товарищам по заговору.

Так, в середине ноября 1825 года в Васильков приехал эмиссар Пестеля поручик Николай Крюков. Время было тревожное: только что умер император Александр I, но событие это еще не было предано огласке. Главкомандующий 2-й армией П.Х.Витгенштейн и начальник штаба П.Д.Киселев, пытаясь сохранить конфиденциальность информации, предпринимали тайные поездки и секретные совещания. Сторонники Пестеля в армейском штабе в Тульчине решили, что «общество открыто». И Пестель через Крюкова просил Муравьева переждать тревожное время, предупреждал, «дабы по случаю тогдашних обстоятельств он не начал бы неосторожно» (4: 172, 192). В ответ Муравьев вывел Крюкова «пред какую-то команду и спросил: "Ребята! Пойдете за мной, куда ни захочу?" – "Куда угодно, Ваше высокоблагородие". По свидетельству же ближайшего друга Муравьева, сопредседателя Васильковской управы Михаила Бестужева-Рюмина, «солдат он не приготавливал, он заранее был уверен в их преданности» (12: 359; 9: 58).

Однако документы свидетельствуют и о другом: как стратег и тактик Сергей Муравьев-Апостол был крайне слаб.

В Южном обществе он был известен как автор фантастического плана революционного переворота: на Высочайшем смотре 1-й армии предполагалось арестовать или убить императора, затем объявить начало революции, собрать все войска, которые на этот призыв откликнуться, и с ними идти на Москву. «Положили овладеть государем и потом с дивизию двинуться на Москву», «произвестъ возмущение в лагере, и вслед за сим, оставя гарнизон в крепости, двинуться быстро на Москву», – показывал Муравьев-Апостол на следствии (4: 258, 177 и др.). Впервые план этот был сформулирован в 1823 г., детали его со временем менялись, но суть оставалась неизменной.

Историкам до сих пор не удалось уловить тактический смысл предложенного Муравьевым-Апостолом маршрута движения восставших войск.

Это движение могло стать только прологом к гражданской войне: взять власть в Москве было невозможно, поскольку страна управлялась из Петербурга. Между тем Муравьев-Апостол был уверен, что его действия гражданскую войну не спровоцируют, что «революция будет сделана военная... без малейшего кровопролития» (4: 394).

Неясно также, на чем основывалась уверенность Муравьева-Апостола в том, что «первая масса, которая восстанет, увлечет за собою прочие и что посланные войска против нас к нам же и присоединятся» (9: 112).

В течение двух лет – с 1823 по 1825 год – Пестель и его сторонники занимались, в частности, тем, что отговаривали Муравьева-Апостола от его намерений. Так, в 1823 г. этот план был отклонен на январском съезде руководителей Южного общества в Киеве (4: 278; Ср: 4: 104). В 1824 г., по указанию Пестеля, князь Сергей Волконский прислал Муравьеву в Васильков письмо, в котором безапелляционно заявлял, «что общество в сем году еще не намерено действовать». На январском съезде (1825) этот план снова обсуждался, и идеи Сергея Муравьева опять были раскритикованы (9: 112; 4: 104). Ни Муравьев, ни Бестужев в работе этого съезда не участвовали, и Пестель сам приехал в Васильков и сообщил о принятых в Киеве решениях (9: 112).

Идеи Васильковской управы отклоняли не только Пестель и его сторонники в Южном обществе. Согласно воспоминаниям Ивана Якушкина, в 1823 г. Бестужев-Рюмин приехал в Москву, чтобы добиться содействия осуществлению их с Муравьевым плана со стороны московских членов тайной организации. Однако московские заговорщики отказали ему в поддержке, заявив, что не войдут с ним «ни в какие сношения»²⁶. Но, несмотря на возражения, Сергей Муравьев-Апостол продолжал настаивать на своем плане. «Я предлагал начатие действия, явным возмущением отказавшись от повиновения, и стоял в своем мнении, хотя и противупоставляли мне все бедствия междоусобной брани, непременно долженствующей возникнуть от предполагаемого мною образа действия», – признавал он на следствии (4: 278).

Трубецкой и Сергей Муравьев-Апостол знали друг друга давно: они вместе воевали, вместе служили в Семеновском полку, вместе основывали первое тайное общество – Союз спасения, вместе участвовали и в Союзе благоденствия. И когда Трубецкой в начале 1825 г. оказался в Киеве, его дружеское общение с Муравьевым тут же возобновилось. Причем общение это было столь тесным, что дало историкам повод полагать, будто Трубецкой не устоял против муравьевской харизмы и согласился исполнять предложенный васильковским руководителем план действий²⁷.

---

²⁶ Якушкин И.Д. *Записки, статьи и письма*. М., 1951. С.56.

²⁷ См., напр., Потапова Н.Д. *Позиция С.П.Трубецкого в условиях политического кризиса*

Однако эта точка зрения не выдерживает критики. Согласно документам, и прежде всего следственным показаниям Трубецкого и Муравьева-Апостола, северный лидер умело использовал как тактические противоречия Пестеля и Муравьева, так и революционную решительность руководителя Васильковской управы южан. План Муравьева-Апостола Трубецкой подкорректировал в соответствии со своими тактическими разработками.

В течение 1825 г. Муравьев и Трубецкой разработали совместный план действий, который в показаниях Муравьева выглядел следующим образом: «В конце 1825-го года, когда он (Трубецкой. – А.Г., О.К.) отъезжал в Петербург, препоручено ему было объявить членам Северного общества решение начинать действие, не пропуская 1826-й год, и вместе просьбу нашу, чтобы и они по сему решению приняли свои меры. Пред отъездом же Трубецкаго в Петербург было положено, в случае успеха в действиях, вверить временное правление Северному обществу, а войски собрать в двух лагерях, одном под Киевом, под начальством Пестеля, другом под Москвою, под начальством Бестужева; а мне ехать в Петербург» (4: 284; Ср.: 4: 103–104; 9: 190).

Согласно этому плану, разработка «своих мер» в столице полностью входила в компетенцию Трубецкого и Северного общества. Пестель выводился из игры: ему предоставлялось поднять 2-ю армию и вести ее на Киев для того, чтобы «устроить там лагерь» (4: 284). Главный элемент муравьевского плана – революционный поход на Москву – сохранялся, и 3-й корпус под командой Бестужева-Рюмина должен был идти туда, «увлекая все встречающиеся войска».

С другой стороны, центральным очагом революции становился Петербург, куда для того, чтобы командовать гвардией, должен был отправиться сам Сергей Муравьев (4: 284). В целом план вполне мог удовлетворить честолюбивые устремления и Муравьева, и Бестужева-Рюмина.

Но вряд ли, даже и в измененном виде, план этот на самом деле устраивал Трубецкого. Документы свидетельствуют: Трубецкой не был откровенен с Муравьевым-Апостолом, а зачастую просто обманывал его. «Мне не нравился план действия их (Сергея Муравьева и Бестужева-Рюмина. – А.Г., О.К.), но я о том не говорил им и, напротив, оказал согласие действовать по оному, имея в мысли, что он может быть переменен», «при отъезде моем из Киева я обещал и Сергею Муравьеву-Апостолу, и Бестужеву-Рюмину, что я и в Петербурге, и в Москве все устрою по их желанию. – Но здесь я никого не убеждал к исполнению требований Южного общества», – скажет диктатор на следствии (1: 100, 101).

Судя по всему, Муравьев-Апостол был важен Трубецкому прежде всего как орудие борьбы против Пестеля. Кроме того, 3-й пехотный корпус, в котором Васильковская управа вела активную пропагандистскую работу, мог быть весьма полезен в случае начала революционных действий. Но во главе петербургской гвардии Трубецкой видел не подполковника Муравьева-Апостола, а гораздо более влиятельного и популярного в армии заговорщика – жившего в Москве генерала Михаила Орлова. Орлова Трубецкой пригласил в декабре 1825 г. приехать из Москвы в Петербург и возглавить столичное восстание, а, следовательно, движение на Москву в качестве серьезного элемента плана диктатор не рассматривал.

Подпоручик Бестужев-Рюмин вовсе не мыслился Трубецким в качестве руководителя идущих с юга революционных войск; войска же эти не должны были состоять только из одного 3-го пехотного корпуса. Свои основные надежды князь связывал с 4-м пехотным корпусом, в котором служил в качестве дежурного штаб-офицера. Согласно документам, союзником северного лидера был сам корпусный командир, генерал от инфантерии князь Алексей Щербатов²⁸.

* * *

23 декабря 1825 г., на одном из первых допросов, Трубецкой утверждал, что незадолго до событий на Сенатской площади предупреждал Рылеева, «что это все (т.е. предполагаемое восстание 14 декабря. – А.Г., О.К.) пустое дело, из которого не выйдет никакого толку, кроме гибели». Противопоставляя не подготовленному к действиям Северному обществу решительных южан, Трубецкой, по его собственным словам, просил отпустить его назад в 4-й корпус, ибо «там если быть чему-нибудь, то будет» (I: 19). Давая это показание, Трубецкой пытался убедить следствие, что не желал начальствовать над петербургскими заговорщиками. Слова о 4-м корпусе «были мною произнесены единственно с намерением отделаться от бывшего мне тягостным участия под каким-нибудь благовидным предлогом. – Надежды предпринять что-либо в 4-м корпусе я иметь не мог, потому что в оном обществе не распространено», – так 15 февраля Трубецкой конкретизировал свое первоначальное показание (I: 58).

Следователи, видимо, удовлетворились этими разъяснениями, и о 4-м корпусе Трубецкой некоторое время не спрашивали. Однако уже в конце следствия, 8 апреля 1826 г., показания на эту тему дал Рылеев. По словам поэта, князь, вернувшись из Киева, рассказывал ему и Оболенскому, «что

---

²⁸ О Щербатове и его связях с декабристами см.: Киянская О.И. Генерал Щербатов и его мемуары // Щербатов А.Г. Мои воспоминания. СПб., 2006.

дела Южного общества в самом хорошем положении, что корпуса князя Щербатова и генерала Рота (генерал-лейтенант Л.О.Рот командовал 3-м пехотным корпусом, в состав которого входил Черниговский пехотный полк. – А.Г., О.К.) совершенно готовы» (1: 179).

Свидетельство Рылеева Трубецкому предъявили 4 мая, и он начал его отчаянно опровергать: «Корпуса князя Щербатова я не называл, и если Рылеев и к[нязь] Оболенский приняли, что я в числе готовых корпусов для исполнения намерения Южного общества полагал и 4-й пехотный, то они ошиблись; а мне сказать это было бы непростительным хвастовством, которое не могло бы мне удасться, ибо если бы они спросили у меня, кто члены в 4-м корпусе, то таковой вопрос оказал бы, что я солгал» (1: 94).

Формально Трубецкой был прав. За все время пребывания на юге он не принял в общество ни одного нового члена. Сергей Муравьев показывал, что Трубецкой не выполнил его просьбу «стараться о приобретении членов в 4-м корпусе» (4: 284). Вообще же к концу 1825 года в войсках 4-го корпуса служили всего четверо причастных к заговору офицеров: подполковники Алексей Капнист, Александр Миклашевский и Иван Хотяинцев, а также юнкер Федор Скарятин. Все они попали в тайное общество помимо Трубецкого; после подавления восстания никто из них не понес серьезного наказания.

6 мая 1826 г., на очной ставке между Трубецким и Рылеевым, следовательно, в частности, выясняли, говорил или не говорил Трубецкой о своих надеждах на 4-й корпус. И князь вынужден был признать справедливость показания поэта (1: 103–105).

Вся история с показаниями Трубецкого о 4-м корпусе загадочна лишь на первый взгляд. Объяснение ей можно найти в следственном деле майора Вятского полка Николая Лорера – одного из самых близких к Пестелю заговорщиков. Хорошо ориентировавшийся в делах тайного общества Лорер показывал: «Тайное общество имело всегда в виду и поставляло главной целью обращать и принимать в члены... людей значащих, как-то: полковых командиров и генералов, и потому поручено было князю Трубецкому или он сам обещался узнать образ мыслей князя Щербатова и тогда принять его в общество» (12: 47).

«Кажется, что главная роль Трубецкого заключалась в соответствующем воздействии на высшее командование корпуса. При благоприятном стечении событий в его руках могли оказаться все войска корпуса. Это обстоятельство, можно предполагать, заставляло держаться его возможно осторожнее», – считает Н.Ф.Лавров, биограф Трубецкого²⁹. Руководители же

---

²⁹ Лавров Н.Ф. Указ. соч. С.189.

Васильковской управы, скорее всего, просто не знали о подобных «приготовлениях» Трубецкого.

Рассуждая о плане действий Трубецкого накануне 14 декабря, М.В.Нечкина писала: «По давнему мнению декабристов, успех в столице должен был сопровождаться военным выступлением на местах. Важнейшее значение имело выступление на Украине – во второй армии... Трубецкого чрезвычайно тревожил вопрос о южном выступлении... Таким образом, одновременность северного и южного восстаний была важным моментом замысла»³⁰. Она основывалась, в частности, на показаниях Александра Бестужева о том, что за два дня до восстания на совещании у Рыльева «князь Трубецкой ...просился уехать, чтобы удержаться от присяги 2-й корпус, но ему сказали, что он здесь надобен» (1: 450).

Несмотря на то, что и в показаниях Бестужева, и в комментариях Нечкиной содержатся фактические неточности (речь в данном случае могла идти только о 4-м пехотном корпусе; во 2-м корпусе 1-й армии у диктатора не было союзников, а 2-я армия находилась под контролем Пестеля и не рассматривалась Трубецким как главная сила переворота), настроение диктатора перед восстанием передано в целом верно.

Судя по всему, в декабре 1825 года основные политические интересы Трубецкого на самом деле лежали вне столицы. Главной задачей, которую ставил себе диктатор перед решающим днем, могла быть задача длительной дестабилизации ситуации в Петербурге. Тем самым перед его сторонниками в 1-й армии открывалась возможность начать решительные действия. Поэтому идея вывода войск за город была не столь уж фантастической: чем дальше войска отошли бы от столицы, чем дольше с ними вели бы переговоры, тем больше времени продолжался бы паралич центральной власти.

* * *

Утром 23 декабря Следственная комиссия заслушала показания корнета Кавалергардского полка Петра Свистунова, арестованного в ночь с 20 на 21 декабря в Москве. Свистунов, между прочим, утверждал: Трубецкой просил «письмо от него отвезти» в Москву, «г[енерал]-м[айору] Орлову». Допрошенный в тот же день Трубецкой подтвердил показания Свистунова: «Я написал письмо к г[енерал]-м[айору] Орлову, в котором я уговаривал его, чтоб он приехал; я чувствовал, что я не имею духу действовать к погибели, и боялся, что власти не имею уже, чтоб остановить, надеялся, что если он приедет, то он сию власть иметь будет» (14: 334; 1: 19).

Иными словами, Трубецкой убеждал следователей, что Орлов был нужен ему постольку, поскольку своим авторитетом мог остановить начинав-

---

³⁰ Нечкина М.В. Движение декабристов. Т.2. С.245.

шийся военный мятеж. Но долго настаивать на этой версии Трубецкой не смог. Свистунов, оповещенный о содержании письма, сообщил следствию, что «Трубецкой говорил Орлову, чтоб приехал в Петербург немедленно, что войска, конечно, будут в неустойстве и что нужно воспользоваться первым признаком оного... что происшествие, конечно, будет и желательнее было, чтоб он ускорил своим приездом». Трубецкой был вынужден изменить показания и утверждал 15 февраля 1826 года: Орлова он просил приехать в столицу, поскольку «что здесь будет, то будет, причем все равно, как и без него» (14: 334; 1: 58). Суммируя эти показания, можно сказать, что полковник Трубецкой приглашал генерал-майора Орлова приехать в Петербург и возглавить восстание.

Генерал-майор Михаил Федорович Орлов был хорошо известен в гвардии и армии. Известен, прежде всего, своим блестящим прошлым: герой Отечественной войны, в 1814 году он подписал акт о капитуляции Парижа, затем выполнял дипломатические поручения в Скандинавии. В 1818 году он получил должность начальника штаба 4-го пехотного корпуса 1-й армии, с 1820 по 1823 год командовал 16-й пехотной дивизией. В дивизии он – практически сразу же после назначения – стал солдатским кумиром. Он отменил телесные наказания, отдал под суд тиранивших солдат офицеров, организовал при полках ланкастерские школы. Орлов был заговорщиком «со стажем»: он руководил Кишиневской управой Союза благоденствия и разрабатывал планы военной революции под своим собственным руководством.

Трубецкой был знаком с Орловым; они познакомились в начале 1825 года в Киеве. Однако их общение ограничивалось только светскими визитами; бесед о тайном обществе они между собой никогда не вели. «Я с Орловым во все время пребывания его в Киеве в мою бытность ничего об обществе не говорил», – показывал Трубецкой (1: 15). Орлов подтверждал эти показания: «В 1825 году приехал Трубецкой, и как он стал часто меня посещать, то я, привыкший к пытке и к обороне, думал, что он тоже станет меня склонять к вступлению в общество. Но он ничего не говорил, кроме общих предметов, и это меня немало удивило» (20: 173).

У Трубецкого были веские причины не заводить конспиративных бесед с Орловым: северный руководитель знал, что генерал испытывал острую ненависть к Сергею Муравьеву-Апостолу, его старшему брату Матвею, а также к подпоручику Бестужеву-Рюмину. «Около Киева жили Сергей Муравьев и Бестужев, странная чета, которая целый год друг друга хвалила наедине, но Бестужев с самого начала так много наделал вздору и непристойностей, что его никто к себе не принимал, а Муравьев, обиженный за своего друга, перестал ездить и даже кланяться». «У Трубецкого вскоре поселились почти без выхода Сергей и Матвей Муравьевы с Бестужевым. Всякий раз, что я

приеду, то они обыкновенно встанут и выйдут в другую комнату, делая только самую необходимую вежливость не мне, а мундиру моему», – показывал Орлов на следствии (20: 172–173).

Кроме того, к моменту знакомства с Трубецким генерал Орлов уже два года не командовал дивизией и четыре года как отошел от заговора. В его жизни произошли важные события: в 1821 г. Орлов женился, поссорился с Пестелем и отказался присоединить свою управу к Южному обществу. В 1822 г. был арестован его ближайший сподвижник майор Владимир Раевский, занимавшийся – с его ведома – революционной агитацией среди солдат, и к моменту восстания в Петербурге следствие по делу Раевского еще не было окончено. В 1823 г. Орлов был отстранен от командования дивизией и отправлен «состоять по армии» в связи с волнениями среди подчиненных ему солдат³¹. Однако Орлов был столь популярен, а его либеральные взгляды столь известны, что Трубецкой был уверен: в решительную минуту генерал не откажет ему в помощи. К тому же близкий родственник Орлова, князь Сергей Волконский, убеждал Трубецкого, что «хотя генерал-майор Орлов теперь и не вмешивается ни во что и от всех обществ отстал, но в случае нужды можно на него надеяться» (1: 59).

Приехав из Киева в столицу, Трубецкой поделился с Рылеевым собственными размышлениями об Орлове. Судя по показаниям поэта, когда он «открывал» Трубецкому свои опасения начет честолюбивых устремлений, князь заметил: «Не бойтесь, тогда стоит только послать во 2-ю армию Орлова – и Пестеля могущество разрушится». «Но когда я по сему случаю спросил Трубецкого: "Да разве Орлов наш?" – то он отвечал: "Нет, но тогда поневоле будет наш"» (1: 164).

Орлов, комментируя на следствии письмо Трубецкого (так, кстати, до него и не дошедшее и известное ему лишь в пересказе), замечал: «Писать мне 13-го с просьбой прийти ему на помощь 14-го было со стороны Трубецкого нелепым безрассудством, за которое я не несу ответственности» (20: 165). Но, принимая во внимание стремление диктатора организовать длительную дестабилизацию власти в столице, следует отметить, что письмо это было не столь безрассудным. «Ясно, что Трубецкой вызывал Орлова... никак не для завтрашних действий, а для каких-то более отдаленных», – утверждала М.В.Нечкина. Она весьма прозорливо предполагала: Трубецкой хотел «иметь надежного заместителя диктатора на севере» в случае собственного отъезда на юг³².

---

³¹ См. об этом подробнее: Киянская О.И. Пестель. С.155–167.

³² Нечкина М.В. Движение декабристов. Т.2. С.246.

Скорее всего, Нечкина была права. С той только оговоркой, что генерал Орлов, известный всей армии честолюбец, вряд ли согласился бы оставаться на вторых ролях, быть «заместителем» полковника Трубецкого. Очевидно, что в случае принятия предложения Трубецкого диктатором должен был стать именно Орлов. Трубецкой же собирался, организовав столичное восстание и поставив во главе его генерала Орлова, ехать на юг, где с помощью Сергея Муравьева-Апостола и князя Щербатова организовывать революционный поход двух корпусов на Петербург.

* * *

Трудно судить, как бы повел себя Орлов в критической ситуации: когда ему стало известно о предложении Трубецкого, восстание в столице уже несколько дней как было разгромлено. Однако история с Орловым показывает: план Трубецкого был весьма рискованным, близким к политической авантюре.

На пути реализации этого плана, кроме отказа Орлова, диктатора поджидали и другие опасности, которые он, судя по всему, предвидел. Восстать могло малое количество войск, и тогда на переговоры с ними никто бы не пошел. Кроме того, восстание могло сопровождаться беспорядками, и в этом случае успех переговоров с властью становился призрачным. Очевидно, именно поэтому Трубецкой накануне 14 декабря уговаривал ротных командиров не начинать восстание «малыми силами». Отсюда же – и его приказ первыми «стрельбы не начинать» (1: 154).

Не вышел же князь на площадь потому, что в первый момент восстал только один полк – лейб-гвардии Московский, да и то не в полном составе. Для начала же действий по его плану одного полка было явно недостаточно. Практически сразу же после появления на Сенатской площади Московского полка пролилась кровь: штыковым ударом поручика князя Оболенского и pistolетным выстрелом отставного поручика Каховского был убит генерал-губернатор Петербурга граф Милорадович. И после этого восстание в двух других полках: лейб-гренадерском и Морском экипаже – было уже бессмысленным. С людьми, запятнавшими себя «буйством» и кровью, император Николай не пошел бы на переговоры ни в каком случае.

Кроме того, к моменту сбора всех восставших полков на Сенатской площади императору удалось стянуть против них значительные силы, площадь была окружена. Причем окружена не только правительственными войсками, но и большой толпой любопытствующих зевак. И уводить восставших за город значило с боем пробиваться через оставшиеся верными правительству части; при этом могли погибнуть и мирные жители. Вместо запланированных переговоров с властью вполне могла начаться братоубий-

ственная резня. Руководить же ею полковник князь Трубецкой явно не собирался.

Впрочем, судя по показаниям Трубецкого в самом начале следствия, несмотря на разгром на Сенатской площади, диктатор не считал свою игру окончательно проигранной. Шанс исправить ситуацию оставался у ближайшего сподвижника князя – подполковника Сергея Муравьева-Апостола. От диктатора требовалось сделать все от него зависящее, чтобы отдалить арест васьковского руководителя. И именно отсюда – настойчивое противопоставление Пестеля и Муравьева в первых показаниях князя.

III. «Вечером поехали к госпоже Поль, французенке»

На первом допросе утром 23 декабря кавалергардский корнет Петр Сви-
стун, сообщая о письме Трубецкого к Орлову, поведал еще одну подробность из их с Трубецким переговоров накануне восстания. Диктатор передал ему письмо в присутствии Ипполита Муравьева-Апостола, младшего брата руководителя Васильковской управы. Припертый к стенке откровением корнета, Трубецкой должен был признать, что Ипполит Муравьев присутствовал при разговоре не случайно: «Через Ипполита Муравьева-Апостола я послал к брату его Сергею письмо». Суммируя показания князя, можно отчасти восстановить содержание отправленного в Васильков послания. Письмо было составлено по всем правилам конспирации: на французском языке, «без надписи и без подписи» (14: 334; 1: 50; 42, 59).

Трубецкой утверждал, что письмо содержало, прежде всего, изложение петербургских слухов и сплетен: «Начинал с получения здесь известия о болезни и кончине блаженной памяти государя императора, писал о данной присяге государю цесаревичу, о слухах, что его высочество не примет престола, и сообщал ему все те слухи, которые до меня доходили как на счет ныне царствующего государя императора, так на счет государя цесаревича, также все, что я слышал на счет расположения двора, гвардии, о мерах, которые будто бы хотели взять для приведения к присяге войск» (1: 50). В подобном изложении письмо к Муравьеву-Апостолу не содержало в себе ничего криминального, и непонятно, зачем его надо было отправлять с особым курьером, «без надписи и без подписи». Частная переписка тех тревожных дней была наполнена подобными слухами. Но, в очередной раз комментируя для следователей это письмо, Трубецкой вдруг проговаривается: «Между прочим, я в оном говорил о слухах, что будто гвардию для присяги хотят вывести за город» (1: 42).

Трудно сказать, собирался ли кто-нибудь из высших военных руководителей выводить гвардию для присяги за город. Но вывести гвардию из Петербурга собирался сам Трубецкой. Скорее всего, в форме слухов и сплетен

князь сообщал Муравьеву план собственных действий. Следует отметить, что к подобной «тайнописи» князь прибегал не в первый раз: иносказательная форма изложения была заранее оговоренным приемом в переписке двух конспираторов. Так, согласно собственным показаниям Трубецкого, в 1824 году, по итогам «объединительных совещаний», он письменно сообщил Сергею Муравьеву об итогах совещаний и о том, «как бредил Пестель», рассуждая о цареубийстве. Письмо передавал член Южного общества полковник Иван Повало-Швейковский, которого Трубецкой едва знал и которому боялся поверять конспиративную информацию. Поэтому совещания были описаны «в виде трагедии, которую читал нам общий знакомый и в которой все лица имеют ужасные роли» (1: 16, 87–88).

Трубецкой показывал: отправляя накануне 14 декабря послание к Сергею Муравьеву, он хотел, чтобы руководитель Васильковской управы «не более приписывал мне участия в том, что произойти могло, как то, которое я имел» (1: 50). Иными словами, Муравьев предупреждался о том, «что произойти могло», о предстоящем восстании. Трубецкой сообщал ему и о своей собственной роли в предстоящих событиях.

Кроме пересказа слухов и сплетен, письмо содержало, согласно Трубецкому, сообщение о том, что «если правительство не примет надлежащих мер (разумея таких, которые бы могли тотчас убедить солдат в истине отречения государя цесаревича), то из сего последовать может беда» (1: 42).

Естественно, что 13 декабря было ясно: присяга императору Николаю I, назначенная на утро 14-го числа, не сможет убедить солдат «в истине отречения государя цесаревича» – «правительство» просто не успеет принять «надлежащие меры». Если пытаться прочесть эту фразу, учитывая тайнопись князя, то, скорее всего, Трубецкой сообщал Муравьеву о безошибочном способе воздействия на солдат. Предлагалось действовать от имени великого князя Константина, отречение которого якобы не было «истинным».

Вряд ли можно верить князю, желавшему, судя по его показанию, «надлежащих мер» от правительства, чтобы предотвратить «беду». В последние перед восстанием дни Трубецкой все сделал для того, чтобы «беда» все же произошла, и очевидно, что Сергею Муравьеву-Апостолу посылались приглашение участвовать в подготовке «беды».

Обстоятельства поднятого Муравьевым-Апостолом восстания Черниговского полка позволяют сделать и еще один вывод: в письме содержался призыв Трубецкого установить контакт с Киевом и лично с Щербатовым.

* * *

Подробности поездки курьеров Трубецкого – Петра Свистунова и Ипполита Муравьева-Апостола – никогда не становились предметом специального изучения историков. Между тем они очень важны для уяснения причин, по

которым «южная» часть плана Трубецкого так и не была реализована. Подробности эти подтверждают банальную мысль: ход истории во многом зависит от целого ряда случайностей, которых не могут предвидеть даже самые прозорливые исторические деятели.

П.Н.Свистунов

Биография Петра Свистунова хорошо известна. Отпрыск богатого аристократического рода, он был сыном Николая Петровича Свистунова, камергера двора и одного из фаворитов императора Павла I. Мать декабриста, Мария Алексеевна, урожденная Ржевская, была дочерью знаменитого поэта XVIII века, сенатора Алексея Ржевского; в 1815 году, после смерти мужа, она приняла католичество. Петр Свистунов учился в элитных частных пансионах Петербурга, затем окончил Пажеский корпус – лучшее военно-учебное заведение России. В Пажеский корпус, за редким исключением, принимались только сыновья и внуки военных и статских генералов. В 1823 году, окончив корпус, он стал корнетом Кавалергардского полка³³.

Декабрист Дмитрий Завалишин, хорошо знавший Свистунова по совместным годам сибирской каторги, на склоне лет дал ему следующую характеристику: «Свистунов был столько же труслив, как и развратен... В семействе своем Свистунов видел дурные примеры той смеси католического суеверия с развратом, которые обуяли тогда многие русские семейства»³⁴.

Историки в своих работах предпочитают этой характеристикой не пользоваться: Завалишин славился злоязычием, а его отношения со Свистуновым были стойко враждебными. Однако, учитывая поведение корнета в декабре 1825 года, в характеристике этой нельзя не признать и доли правды.

Вряд ли «дурные примеры» поведения Свистунов почерпнул в своей семье: про какую-то особую «развратность» его ближайших родственников сведений не сохранилось. Скорее, примеры эти корнет видел среди своих товарищей по службе. Кавалергардский полк считался самым привилегиро-

³³ Подробную биографию Свистунова см.: Федоров В.А. *Декабрист Петр Николаевич Свистунов // Свистунов П.Н. Сочинения и письма. Иркутск, 2002.*

³⁴ Завалишин Д.И. *Воспоминания. М., 2003. С.452.*

ванным в российской гвардии, а офицеры-кавалергарды славились среди современников своим «буйным» поведением. О нравах, царивших в полку, яркие воспоминания оставил декабрист Сергей Волконский, много лет прослуживший в кавалергардах. Для офицеров, согласно Волконскому, были характерны «общая склонность к пьянству, к разгульной жизни, к молодечеству, склонность к противоестественным утехам», «картёж... и беззастенчивое блядовство»³⁵.

Образ жизни молодого бесшабашного офицера был следующим: «Ежедневные манежные учения, частые эскадронные, изредка полковые смотры, вахтпарады, маленький отдых бессемейной жизни; гулянье по набережной или по бульвару от 3-х до 4-х часов; общей ватагой обед в трактире, всегда орошенный через край вином, не выходя, однако ж, из приличия; также ватагой или порознь по борделям, опять ватагой в театр...»³⁶. Образ мыслей не многим отличался от образа жизни: «Шулерничать не было считаемо за порок, хотя в правилах чести были мы очень щекотливы. Еще другое странное было мнение – это что любовник, приобретенный за деньги, за плату, не подлое лицо», «книги забытые не сходили с полок»³⁷.

И хотя Сергей Волконский характеризует поведение кавалергардов 1810-х годов, нет никаких оснований предполагать, что в 1820-х полковые нравы исправились.

Многие офицеры Кавалергардского полка состояли в заговоре. При этом членство в тайной организации «буйству» вовсе не противоречило. Феномен поведения кавалергардских офицеров было сродни российскому «чужачеству» XVIII века: одновременно участвуя и в заговоре, и в громких кутежах, молодые люди таким образом стремились проявить себя, выйти за рамки обыденности, доказать свою самость. Особенности мировосприятия кавалергардов хорошо понимал Павел Пестель, с 1814 по 1819 год сам служивший в кавалергардах. Не случайно офицеры именно этого полка составили ядро созданной им петербургской ячейки Южного общества.

Членом этой ячейки южан был и Петр Свистунов. В 1824 году его принял в общество кавалергардский корнет Федор Вадковский, близкий соратник Пестеля. Более того, Свистунов был и одним из руководителей этой ячейки: Пестель дал ему высокую в заговорщической иерархии должность «боярина» и поручил вербовать в тайное общество новых членов. Исполняя свою новую роль, Свистунов был очень активен: на его квартире Пестель вел с членами ячейки разговор о республиканской форме правления, а после

---

³⁵ Волконский С.Г. *Записки. Иркутск, 1991. С. 95, 128, 129.*

³⁶ Там же. С.129.

³⁷ Там же. С.129, 131.

отъезда Пестеля они с Вадковским собирались «воспользоваться большим балом в Белой зале для истребления священных особ августейшей императорской фамилии» (14: 348).

О втором курьере, Ипполите Муравьеве-Апостоле, историкам известно гораздо меньше, чем о Свистунове. Несмотря на то, что его знаменитые братья – Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы – герои множества статей и монографий, биография Ипполита не привлекала и не привлекает к себе внимания исследователей. Исследователи убеждены, что документов, проливающих свет на его биографию, не сохранилось: «Вряд ли когда-нибудь появится книга о младшем брате: 19-летняя жизнь оставила всего несколько следов в документах, преданиях... Где-то рядом были стихи, горе, радость, первые увлечения – не знаем. 3 января 1826 года – смерть»³⁸.

Но историки не правы: короткая жизнь младшего брата васьковского руководителя отразилась в большом количестве разнообразных документов. Документы эти позволяют сделать выводы о личности и мотивах поведения Ипполита Муравьева-Апостола с немалой степенью достоверности.

Ипполиту Муравьеву-Апостолу в 1826 году было не 19, а 20 лет: согласно мемуарным записям Матвея Муравьева-Апостола, он родился в Париже 7 августа 1805 г.³⁹. Самый младший представитель знаменитого декабристского «муравейника», Ипполит рано остался сиротой. Его мать, Анна Семеновна Черноевич, дочь сербского генерала на русской службе, скоропостижно умерла в 1810 году, когда сыну было четыре года. Кроме того, с детства он был обойден вниманием отца. Отец, сенатор и писатель, бывший дипломат Иван Матвеевич Муравьев-Апостол, вторично женившийся после смерти первой жены, отдал Ипполита на воспитание своей родственнице Екатерине Федоровне Муравьевой – матери декабриста Никиты Муравьева. Ипполит рос вместе с младшим братом Никиты Александром Муравьевым, впоследствии тоже ставшим заговорщиком.

В 1815 г. отец забрал Ипполита у Екатерины Федоровны, несмотря на явное нежелание последней отдавать его⁴⁰. Но и после этого он подолгу не видел сына: известно, например, что осенью 1817 и зиму 1818 года Ипполит жил в Москве на попечении гувернера, отец же в это время «захлопотался» в своем имении в Полтавской губернии⁴¹.

---

³⁸ Эйдельман Н.Я. *Апостол Сергей. М., 1975. С.296.*

³⁹ «Погостный список», составленный М.И.Муравьевым-Апостолом // *Декабристы. Материалы для характеристики. М., 1907. С.172.*

⁴⁰ *Муравьев Н.М. Письма декабриста. М., 2001. С.83, 84.*

⁴¹ *Там же. С.94, 104, 114, 117.*

Образование, которое с ранней юности получал Ипполит, было чисто гуманитарным, классическим. В 1817 г. Никита Муравьев сообщал матери: Ипполит «ничему не учился, кроме латинского и греческого языков». В изучении древних языков Ипполит явно делал успехи: к удивлению Никиты, двенадцатилетний ребенок на его глазах «переводил 1-ю песню "Илиады" с греческого». «Он имеет очень много способностей», – писал Никита⁴².

Но для того, чтобы стать военным, знания латыни и греческого было явно недостаточно. Отец же не утруждал себя размышлениями о будущей карьере сына, забывал нанять ему учителей по другим предметам. И потому гувернер Ипполита, по-видимому, очень сочувствовавший своему воспитаннику, был вынужден нанимать ему учителей за собственные деньги⁴³.

В мае 1824 года, незадолго до девятнадцатилетия сына, отец отдал его учиться в Петербургское училище колонновожатых⁴⁴. Училище это было гораздо менее престижным, чем Пажеский корпус. Однако и оно пользовалось популярностью в дворянских кругах: выпускавшиеся из его стен офицеры-квартирмейстеры быстро продвигались в чинах и в итоге делали хорошие карьеры. Однако нравы, царившие в этом учебном заведении, были очень суровыми: училище было казенным и закрытым, быт воспитанников строго регламентировался, отлучки дозволялись редко, в основном по праздникам. Строго воспрещались «курение, игра в карты, чтение книг, не разрешенных инспектором», а также «посещение театров, маскарадов, концертов, кондитерских, езда в экипаже». «За всякое нарушение установленных положений налагались разнообразные наказания: выговоры, лишение отпуска, занесение на черную доску, отделение за особый стол, разного рода аресты, наконец, заключение из заведения на службу в армию унтер-офицерами»⁴⁵.

Военный историк Н.П.Глиноецкий, внимательно изучавший документы училища, был убежден: воспитанники относились к своим преподавателям «враждебно», как к «надзирателям и притеснителям». Эта вражда порождала в среде учеников озлобление и естественный протест, часто завершавшийся жестокими наказаниями. За три года существования этого заведения 22 его воспитанника были выпущены офицерами, а еще 20 – разжалованы в унтер-офицеры или рядовые⁴⁶.

---

⁴² Там же. С.101; 114.

⁴³ Там же. С.101, 104.

⁴⁴ *Российский государственный военно-исторический архив. Ф.395. Оп.182. 4 отд. 1824. Д.87.*

⁴⁵ *Глиноецкий Н.П. История русского генерального штаба. Т.1. СПб., 1883. С.309.*

⁴⁶ Там же. С.310.

Несмотря на явные гуманитарные склонности, учиться Ипполиту было, по всей видимости, несложно: общий курс обучения составлял два года. Ипполит же проучился в корпусе несколько месяцев. По результатам выпускных экзаменов он получил чин прапорщика Свиты его императорского величества по квартирмейстерской части.

Матвей Муравьев-Апостол писал в мемуарах: буквально накануне трагических событий декабря 1825 года, «только что», Ипполит «выдержал блестящий экзамен, был произведен в офицеры генер[ального] штаба (т.е. в Свиту его императорского величества по квартирмейстерской части. – А.Г., О.К.)»⁴⁷. Из воспоминаний Матвея Муравьева следует, между прочим, что Ипполит ничего о заговоре не знал и уж тем более не ведал о том, какую роль в тайном обществе играют его старшие братья. Историки обычно принимают это утверждение на веру, однако в данном случае Матвей грешит против истины.

Во-первых, Ипполит окончил училище не «только что», а за девять месяцев до восстания: приказ о его выпуске из училища с чином прапорщика датирован 29 марта 1825 г.⁴⁸ Во-вторых, Ипполит был заговорщиком, и заговорщиком весьма активным. Несмотря на свой чин прапорщика квартирмейстерской части, он входил в тесный кружок офицеров-кавалергардов. Как и Свистунов, Ипполит состоял в петербургской ячейке Южного общества. На следствии показания об этом дали многие кавалергарды: и Свистунов, и Александр Муравьев – друг детства Ипполита, и поручик Александр Горожанский. Кроме того, об участии Ипполита в заговоре знал армейский офицер Владимир Толстой, член Южного общества, близкий к руководителю ячейки Федору Вадковскому. Ипполит был даже в курсе переговоров Сергея Муравьева-Апостола с Польским патриотическим обществом о совместных действиях: о факте этих переговоров он узнал от брата Матвея (14: 391, 342; 18: 254; 15: 242).

В десятых числах декабря 1825 года Ипполит получил назначение в штаб 2-й армии в Тульчин (14: 340). Назначение это было странным: видимых причин для его перевода из столицы обнаружить не удалось. Более того, жившая в Петербурге старшая сестра Ипполита Екатерина была замужем за полковником Илларионом Бибиковым. Он занимал один из ключевых постов в армейской иерархии: был начальником канцелярии Главного штаба армии, правой рукой начальника штаба генерала Ивана Дибича. Естественно, Бибикову не стоило большого труда добиться оставления юного прапорщика в Петербурге. Однако служить в столице его

---

⁴⁷ *Муравьев-Апостол М.И. Воспоминания и письма. Пг., 1922. С.53.*

⁴⁸ *Высочайшие приказы о чинах военных. 1825. СПб., 1826. С.182.*

не оставили; более того, выехать к новому месту службы он должен был незамедлительно.

По-видимому, назначение Ипполита в провинцию было продиктовано не служебной необходимостью, а желанием родных – и прежде всего отца – оторвать его от дурной компании кавалергардов. Ипполиту не доверяли и не хотели отпускать к новому месту службы одного. Согласно показаниям Трубецкого, Екатерина Бибикова просила его «взять с собой до Киева... брата ее родного Ипполита Муравьева-Апостола, назначенного во 2-ю армию». Но, поскольку в связи с надвигавшимися событиями Трубецкой задержался в Петербурге, а приказ требовал немедленного отбытия Ипполита, родственники согласились на то, чтобы юного офицера сопровождал до Москвы Свистунов (1: 62). Свистунов отправлялся в служебную командировку и в любом случае до Москвы должен был доехать.

Судя по осторожным показаниям Трубецкого, он, в отличие от Екатерины Бибиковой, Ипполиту доверял, а Свистунову нет. Для князя не было секретом, что, извещенный о готовящемся восстании, накануне решающего дня Свистунов испытывал мучительные колебания. И в конце концов отказался поддержать восстание. «Я с ним (Свистуновым. – А.Г., О.К.) долго о сем говорил и должен отдать ему справедливость, что он старался доказать, что успеха не может быть в таком предприятии», – утверждал князь на следствии (1: 41). Свистунов решил уехать из столицы и воспользовался для этого удачно подвернувшейся командировкой.

Впоследствии, на допросе, Свистунов будет утверждать, что Ипполит, тоже знавший о намеченном на 14 декабря восстании, не принял в нем участие только потому, что послушался его, Свистунова, уговоров⁴⁹. Но, учитывая поведение Ипполита в дни восстания Черниговского полка, логично предположить другое: прапорщик, несмотря на свой юный возраст, был человеком гораздо более решительным, чем Свистунов. И уехал он не вследствие увещаний своего приятеля, а потому, что хотел в точности выполнить поручение Трубецкого.

Вообще же свои основные надежды диктатор возлагал именно на Ипполита Муравьева-Апостола: именно он, согласно первоначальному замыслу, должен был отвезти письмо генералу Михаилу Орлову. Свистунов же попал в поле зрения диктатора случайно: 12 декабря Трубецкой узнал, что Ипполит «сговорился ехать с Свистуновым» из Петербурга (1: 62). Привлекая «к делу» кавалергардского корнета, Трубецкой, по-видимому, надеялся, что таким образом он освободит Ипполита от необходимости визита к генералу, сможет ускорить приезд прапорщика на юг. Ипполиту, чтобы исполнить

---

⁴⁹ Свистунов П.Н. Указ. соч. С.342

возложенное на него поручение, вовсе не обязательно было заезжать в Москву и тем более там задерживаться.

Однако 22-летний корнет Свистунов оказался плохим попутчиком 20-летнему прапорщику Муравьеву-Апостолу.

* * *

Уезжая из Петербурга, Свистунов не знал, что его имя в связи с деятельностью тайных обществ уже известно вступающему на престол великому князю Николаю Павловичу. 12 декабря Николай получил из Таганрога, от начальника Главного штаба Дибича, сведения о «страшнейшем из заговоров»; в списке заговорщиков, составленном по результатам доносов на них, значилась и фамилия кавалергардского корнета. Имя Ипполита Муравьева-Апостола в донесении Дибича не фигурировало.

Согласно показаниям Свистунова, они с Ипполитом, «выехав из С.-Петербурга 13-го числа в 6-м часу пополудни, прибыли в Москву 17-го числа в 10-м часу вечера» (14: 342). Ехали курьеры Трубецкого крайне медленно: обыкновенно путь из Петербурга в Москву занимал на сутки меньше; при быстрой езде можно было доехать до Москвы и за два дня. За время их поездки было подавлено восстание на Сенатской площади, а Трубецкой оказался в тюрьме. По дороге друзья встретили генерал-адъютанта графа Ефграфа Комаровского, едущего в Москву для организации присяги новому императору. Впоследствии Комаровский напишет в воспоминаниях, что «выезд Свистунова из Петербурга очень беспокоил государя, и когда Его величество узнал от одного приезжего, что я Свистунова объехал до Москвы, то сие его величеству было очень приятно»⁵⁰.

17 декабря, когда заговорщики, наконец, доехали до Москвы, Следственная комиссия, созданная для раскрытия заговора, постановила арестовать «кавалергардского полка корнета Свистунова» (16: 27). На следующий день приказ об аресте Свистунова был отправлен в Москву.

Впрочем, судя по тому, как проводили время курьеры Трубецкого, и Николай, и следователи беспокоились напрасно. Следственное дело Свистунова сохранило яркие детали их с Ипполитом совместного пребывания в Москве. И в данном случае Свистунову можно верить: он называет имена и фамилии тех людей, с которыми встречался, и показания его проверить было нетрудно.

Свистунов показывал, что, приехав в Москву, они с Ипполитом «ночевали в гостинице у Копа». Гостиница «Север», принадлежащая купцу 3-й гильдии Ивану Копу, располагалась в самом центре Москвы, в Глинищевском переулке, и считалась одной из самых дорогих в городе. День 18 декабря

---

⁵⁰ *Записки графа Е.Ф. Комаровского. М., 1990. С.148.*

начался для обоих друзей с визита «к г[осподину] московскому коменданту». Затем, согласно Свистуну, «князь Гагарин, с которым воспитывался в Пажеском корпусе и который остановился в той же гостинице, предложил нам ехать в русский трактир обедать. Мы согласились. Оттуда он меня повез к г[оспо]же Данжевили, у которой провели целый вечер; я там видел князя Волконского, что служил в л[ейб]-г[вардии] Конно-егерском полку» (14: 342). Госпожа Данжевиль – это, скорее всего, популярная французская актриса Данжевиль-Вандерберг, выступавшая в 1820-х годах на сцене Малого театра, «довольно молодая, полная и красивая мадам»⁵¹.

К вечеру 18 декабря до друзей-заговорщиков докатилось эхо петербургских событий: «Возвратившись домой, я услышал от Муравьева, что неслышались слухи о том, что в С.-Петербурге было возмущение, ему было сказано от Пушкина, свитского офицера, у которого он был в этот вечер». Очевидно, ночь друзья провели в раздумьях о будущем, по крайней мере, «19-го числа поутру, опасаясь, чтобы данное письмо от Трубецкого не было найдено у нас, он (Ипполит Муравьев. – А.Г., О.К.) решился его распечатать, сжечь и содержание открыть г[енералу] Орлову на словах и съездил к нему в то же утро». Трубецкой просил поехать к Орлову именно Свистунова, а не Ипполита Муравьева. Но, по-видимому, корнет в последний момент испугался этого визита, и, исполняя просьбу Трубецкого, за него это сделал Ипполит. Орлов впоследствии подтвердил: «19-го или 20-го поутру вдруг явился ко мне Ипполит Муравьев и сказал, что он привозил письмо от Трубецкого, в котором он приглашал меня в Петербург, но письмо им разорвано и сожжено» (14: 342–343; 20: 176).

Однако ни тревожные вести из столицы, ни разговор с Орловым не заставили Ипполита немедленно покинуть Москву и отправиться к брату. 19 и 20 декабря светские визиты и разного рода увеселения продолжились. Свистунов показывал: «Я поехал повидаться с князем Голицыным, поручиком Кавалергардского полка, и видел у него брата его. От него съездил к своему дяде Ржевскому, где видел того же к[нязя] Волконского и князя Голицына, Павловского полка капитана. Оттуда отвез письмо к г[осподину] Устинову от брата его. Я его видел и жену его. Потом поехал к бабушке своей, у которой обедал и провел целый день. Вечером поехал к корнету Кавалергардского полка Васильчикову, он только лишь тогда возвратился из деревни. Я встретил у него Муравьева, мы пробыли вечер с его матушкой и с ним. Так как я согласился с ним у него в доме жить, то он предложил нам ночевать у него.

⁵¹ Вигель Ф.Ф. *Записки*. Т.2. М., 2003. С.1012.

20-го числа, получивши приказание явиться к московскому военному генерал-губернатору, мы поутру являлись к нему. От него поехали в гостиницу, где, расплатившись с хозяином, отправили свои вещи в дом к Васильчикову и у него обедали и провели целый день. Вечером поехали все к г[оспо]же Поль, француженке, и к другой особе женского пола, о которых упоминаю для того только, чтобы не упустить ни одной подробности» (14: 343).

Упоминаемый в тексте кавалергардский корнет Николай Васильчиков тоже был членом тайного общества, причем принял его в общество именно Свистунов. Для Свистунова переезд к Васильчикову был вполне логичен: он не собирался уезжать из Москвы и планировал прожить в этом доме целый год. Очевидно, что Ипполит, который не должен был оставаться в Москве, переехал к Васильчикову «за компанию». Втроем молодым людям было нескудно, о чем свидетельствует их вечерний визит к «госпоже Поль, француженке». Личность «г-жи Поль, француженки», впервые была раскрыта в именном указателе к 14-му тому документальной серии «Восстание декабристов», в котором были опубликованы показания Свистунова (18: 91; 14: 490).

Полина Гебль (П.Е.Анненкова)

Сама же француженка рассказала об этом визите следующее: «В это время (через несколько дней после восстания на Сенатской площади. – А.Г., О.К.) забежал ко мне Петр Николаевич Свистунов, который служил в Кавалергардском полку, был впоследствии сослан по делу 14 декабря, но не застал меня дома. Он не был в Петербурге в день 14 декабря. Я знала, что Свистунов – товарищ и большой друг Ивана Александровича, и была уверена, что он приходил ко мне не даром, а, вероятно, имея что-нибудь сообщить о своем друге. На другой же день я поспешила послать за ним, но человек мой возвратился с известием, что он уже арестован»⁵². Строки эти принадлежат перу знаменитой Полины Гебль, в 1825 году любовнице Ивана Анненкова, еще одного кавалергарда-декабриста, приятеля и однополчанина Свистунова и Васильчикова. Под псевдонимом Жанетта Поль она служила в Москве, во французском модном доме Дюманси. Впоследствии она поехала за Анненковым в Си-

⁵² Анненкова П.Е. *Воспоминания*. М., 2003. С.34–35.

бирь, обвенчалась с ним, стала Полиной Егоровной Анненковой, а в старости продиктовала дочери мемуары.

Достоверность «досибирской» части мемуаров «госпожи Поль» давно поставлена историками под сомнение. В частности, первые биографы Полины, С.Я.Гессен и А.В.Предтеченский, сомневались в правдивости трогательной истории про бедную, но гордую модистку и влюбленного в нее богатого кавалергарда, про французскую Золушку и русского принца – истории, уже почти 200 лет вдохновляющей писателей и поэтов. Гессен и Предтеченский писали: «Роман продавщицы из модного магазина и блестящего кавалергарда по началу своему не содержал и не сулил чего-то особенного и необычайного. Гвардейские офицеры из богатейших и знатнейших фамилий весьма охотно дарили свою скоропроходящую любовь молодым французкам... Трудно предугадать, чем мог кончиться этот роман, если бы неожиданные, трагические обстоятельства не завязали поновому узел их отношений». В своих воспоминаниях она многое недоговаривала, путала хронологию, неверно излагала факты, и все потому, что «ей крайне не хотелось сознаваться в той скоротечности, с которой развивались ее отношения с Анненковым. Она впервые встретилась с ним очень незадолго до декабрьских событий»⁵³.

Полина Гебль пишет о Свистунове как о старом знакомом. Между тем, согласно тем же мемуарам, модистка познакомилась с Анненковым в июне 1825 г. в Москве, с июля путешествовала со своим новым другом по его обширным имениям в Пензенской, Симбирской и Нижегородской губерниях⁵⁴, а в ноябре вернулась в Москву. Свистунов в это время тоже путешествовал: с мая по сентябрь 1825 г. был в отпуску и ездил на Кавказ (14; 333), затем, до 13 декабря, не выезжал из столицы. И нет никаких сведений о том, что в ходе своего путешествия он встречался с «госпожой Поль». Скорее всего, корнет был знаком с Полиной еще до ее романтической встречи с Анненковым. Но, учитывая традиции эпохи, в невинную дружбу кавалергарда и модистки поверить еще сложнее, чем в историю о Золушке и принце. Очевидно, именно поэтому биограф Свистунова В.А.Федоров, повествуя о визите молодых людей к французенке, не раскрывает ее настоящего имени, которое ему было, конечно, известно⁵⁵. Скорее всего, он намеренно не стал развивать щекотливую тему.

---

⁵³ Гессен С.Я., Предтеченский А.В. Полина Гебль и декабрист Анненков // *Воспоминания Полины Анненковой*. М., 1929. С.12–13.

⁵⁴ Анненкова П.Е. *Воспоминания*. М., 2003. С.32–33.

⁵⁵ Федоров В.А. *Декабрист... // Свистунов П.Н. Сочинения и письма*. С.18.

Вряд ли можно верить воспоминаниям Полины о том, что 20 декабря 1825 г. корнет приезжал рассказать ей о судьбе Анненкова. Она знала, что Свистунов уехал из Петербурга до восстания, а, следовательно, судьба Анненкова не могла быть ему известна. Кроме того, из показаний Свистунова не следует, что «госпожу Поль» он не застал дома. И, скорее всего, в квартире Полины «на канаве... у Кузнецкого моста, в доме Шора»⁵⁶, друзья-заговорщики в тот вечер побывали. Присутствие на этой встрече некой другой «особы женского пола» весьма знаменательно. Свистунов не назвал на допросе ее имени явно не потому, что не хотел называть; имена и фамилии других женщин, с которыми он виделся в Москве, в его показаниях присутствуют. Свистунов вряд ли вообще знал ее имя; скорее всего, речь шла об обыкновенной московской проститутке. Несомненно, корнет хорошо понимал, к кому и зачем он повел своих друзей.

Вскоре по возвращении от «госпожи Поль» и «особы женского пола» Свистунов был взят под стражу. Его арестовали в присутствии Ипполита, и незадачливый курьер не мог не понять, что вполне может разделить участь друга и так и не доехать до брата. Стоит добавить, что на первом же допросе 23 декабря Свистунов назвал фамилию Ипполита; 24 декабря император подписал приказ об аресте прапорщика (16: 35).

Ипполит уехал из города очень быстро; по свидетельству Орлова, в первый свой визит к нему прапорщик обещал взять с собою на юг корреспонденцию генерала. Однако больше в доме Орлова он не появился (20: 165). В Васильков Ипполит приехал через 10 дней после выезда из Москвы: для обер-офицера, едущего на перекладных по казенной надобности, это была практически невозможная оперативность. Стоит отметить, что приказ об аресте Сергея Муравьева-Апостола, посланный, естественно, с экстренным фельдъегерем, из Петербурга в Васильков путешествовал те же 10 дней: с 17 по 27 декабря.

Вряд ли в данном случае стоит упрекать прапорщика в легкомыслии: он был лишен родительского внимания, и многочисленные родственники не могли заменить ему отца и мать. Суровые нравы Училища колонновожатых только способствовали развитию полудетской обиды на несправедливый мир. И поведение Ипполита было вполне традиционным юношеским протестом против этой несправедливости, а заодно – и против нравственных устоев общества. И, конечно же, не его вина, что протест этот совпал по времени с трагическими событиями как в истории России, так и в истории его собственной семьи. К тому же через две недели после посещения «гос-

---

⁵⁶ Анненкова П.Е. *Воспоминания*. С.51.

пожи Поль» прапорщик покончил с собой, чем в полной мере искупил свой проступок.

Но стоит отметить, что, если бы Ипполит Муравьев-Апостол не задержался бы на сутки на пути к Москве, а затем не потерял бы четыре дня в самом городе, он мог бы приехать к брату в Васильков по меньшей мере на пять дней раньше. Вполне возможно, что тогда бы исход поднятого Сергеем Муравьевым-Апостолом восстания Черниговского полка был бы другим.

IV. «Ипполит . . . застрелился из пистолета»

Восстание Черниговского полка – одна из самых трагических страниц движения декабристов. Вспыхнувшее 28 декабря 1825 года и заранее обреченное на неудачу, оно было подавлено властями 3 января 1826 года. Восстание в полку началось тогда, когда мятеж на Сенатской площади был давно ликвидирован, армия (в том числе и сам Черниговский полк) присягнули императору Николаю I, а по всей России начались массовые аресты заговорщиков. Ни одна воинская часть не поддержала мятежников.

Свидетель и участник событий Матвей Муравьев-Апостол показывал на следствии, что восстание в полку вспыхнуло стихийно: «Вся причина тому, что случилось, это приезд жандармов за братом» (9: 183). От подобной точки зрения Матвей Муравьев не отказался и впоследствии. Он утверждал в мемуарах: «Неожиданные события, столь быстро следовавшие одно за другим: арест и затем немедленное освобождение вследствие возмущения офицеров, – поставили брата в безвыходное положение»⁵⁷.

Матвей отчасти был прав: восстание спровоцировали неумелые действия полкового командира, попытавшегося – с помощью всего лишь одного жандарма – арестовать батальонного командира, подполковника Сергея Муравьева-Апостола, на глазах у преданных ему солдат и офицеров. Офицеры вступились за батальонного командира, избили командира полка, и после этого пути назад ни у них, ни у Сергея Муравьева уже не осталось.

Однако к утверждениям Матвея Муравьева о незапланированности южного восстания историки относятся скептически⁵⁸. И для этого скепсиса есть немалые основания.

С 1823 года Сергей Муравьев-Апостол разрабатывал планы вооруженного выступления; в 1825 году планы эти разрабатывались вместе с Трубецким. Известно также, что, получив от Пестеля через Николая Крюкова сведения о возможном раскрытии заговора, руководитель Васильковской

---

⁵⁷ Муравьев-Апостол М.И. Указ. соч. С.52.

⁵⁸ См., напр., Порох И.В. Восстание Черниговского полка // Очерки из истории движения декабристов. М., 1954. С.123; Нечкина М.В. Движение декабристов. Т.2. С.346.

управы заявил, что готов «действия начать, если общество открыто» (4: 192. Ср.: 12: 189; 2: 220). Через того же Крюкова Сергей Муравьев передал Пестелю записку следующего содержания: «Общество открыто. Если будет арестован хоть один член, я начинаю дело»⁵⁹.

13 декабря Пестель был арестован, и слухи об этом мгновенно распространились на юге. Несколько дней, предшествующих восстанию, Сергей Муравьев провел в разъездах по родственникам и друзьям – полковым командирам и офицерам, служившим в 3-м пехотном корпусе. Он решился на восстание и надеялся, что они смогут помочь ему. И даже тогда, когда Муравьев-Апостол узнал о разгроме на Сенатской площади и о существовании приказа о его собственном аресте, когда рухнули надежды на присоединение других полков, он не отказался от своего замысла. «Если доберусь до батальона, то живого не возьмут», – таким было окончательное решение руководителя Васильковской управы (11: 110). Среди участников тайных обществ Сергей Муравьев-Апостол был единственным, кто оказал при аресте вооруженное сопротивление.

* * *

Присоединение к мятежному полку Ипполита Муравьева-Апостола – один из самых эффектных эпизодов восстания на юге. Эпизод этот наиболее красочно и подробно изложен в «Записках» декабриста Ивана Горбачевского.

Согласно Горбачевскому, младший Муравьев появился в Василькове в полдень 31 декабря. Мятежные роты были выстроены на главной площади города для молебна. Полковой священник отец Даниил читал перед полком «Православный Катехизис» – совместное сочинение Сергея Муравьева и подпоручика Бестужева-Рюмина. По словам Горбачевского, в «Катехизисе» излагались «права и обязанности свободных граждан». После чтения «Катехизиса» и краткой прочувствованной речи руководителя восстания «священник приступил к совершению молебна. Сей религиозный обряд произвел сильное впечатление. Души, возвышенные опасностью предприятия, были готовы принять священные и таинственные чувства религии, которые проникли даже в самые нечувствительные сердца. Действие сей драматической сцены было усугублено неожиданным приездом свитского офицера, который с восторгом бросился в объятия С.Муравьева. Это был младший брат его – Ипполит. Надежда получить от него благоприятные известия о готовности других членов заблистала на всех лицах. Каждый думал видеть в его приезде неоспоримое доказательство всеобщего восстания и все заранее радовались счастливому окончанию предпринятого подвига».

---

⁵⁹ Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С.77.

Ипполит Муравьев-Апостол, согласно Горбачевскому, был весьма расстроган торжественностью сцены.

«– Мой приезд к вам *в торжественную минуту молебна* (здесь и далее курсив наш. – А.Г., О.К.), – говорил он, – заставил меня забыть все прошедшее. Может быть, ваше предприятие удастся, но если я обманулся в своих надеждах, то не переживу второй неудачи и клянусь честью пасть мертвым на роковом месте.

Сии слова тронули всех.

– Клянусь, что меня живого не возьмут! – вскричал с жаром поручик Кузьмин. – Я давно сказал: "Свобода или смерть!"

Ипполит Муравьев бросился к нему на шею: они обнялись, поменялись пистолетами и оба исполнили клятву».

Однако Горбачевский сам себе противоречит. Чуть выше рассказа о приезде Ипполита в Васильков в момент молебна, повествуя о сборе мятежных рот для этого молебна, автор мемуаров сообщает: «В вечернем приказе С.Муравьева было сказано, что все роты, находящиеся налицо, должны собраться на площадь на другой день (31 декабря) в 9 часов утра. В назначенное время пять рот... пришли на сборное место. Сверх того находились тут и Полтавского полка поручик Бестужев-Рюмин, отставной полковник Матвей Муравьев-Апостол и приехавший *во время сбора полка на площадь* свиты Е[го] в[еличества] подпоручик И.Муравьев-Апостол»⁶⁰.

Из сопоставления этих фрагментов мемуаров следует, что сам Горбачевский плохо представлял себе обстоятельства приезда Ипполита. Он путает чин младшего Муравьева, называя его подпоручиком, не знает точно, приехал ли Ипполит до молебна или во время его. Эти странности вполне объяснимы: как известно, сам Горбачевский в восстании Черниговского полка не участвовал, а мемуары его были написаны через несколько десятилетий после событий. О том, что происходило 31 декабря в Василькове, ему могли рассказать двое участников тех событий, бывшие офицеры-черниговцы Вениамин Соловьев и Александр Мозалевский. Оба они присутствовали на молебне, а затем отбывали каторгу вместе с Горбачевским.

При анализе же следственных документов выясняется, что основным информатором Горбачевского в вопросе о времени приезда Ипполита был Александр Мозалевский, в момент событий прапорщик Черниговского пехотного полка. У Мозалевского была своя, особая миссия: 31 декабря Сергей Муравьев послал его в Киев, где он должен был выполнить конфиденциальные поручения руководителя восстания. Приказ ехать в Киев Мо-

---

⁶⁰ Горбачевский И.И. *Записки. Письма. М., 1963. С.71–72; 69.*

залевский получил от Муравьева до молебна на площади, затем он присутствовал на молебне, а сразу после молебна уехал⁶¹. С поручениями Мозалевский, однако, не справился. Вечером того же 31 декабря он был арестован в Киеве.

А.Е.Мозалевский

Существуют два подробных показания Мозалевского о времени приезда Ипполита в Васильков. Причем показания эти столь же противоречивы, как и «Записки» Горбачевского. Первое из этих показаний, датированное 2-м января, повествует, что он был отправлен в Киев «по приезде из Петербурга в Васильков свитского прапорщика Муравьева-Апостола ... в 10 часов утра, через час». Иными словами, согласно этому показанию, Ипполит приехал в Васильков в 10 часов, до молебна. В Киев же Мозалевский поехал через час после приезда Ипполита и именно вследствие этого приезда. В другом показании, данном 9 января 1826 г., Мозалевский предложит следствию совсем другую версию происходившего: Муравьев-Апостол дал ему поручение ехать в Киев «прежде, нежели прибыл из Петербурга брат подполковника Муравьева, свитский прапорщик Муравьев же, которой приехал того ж 31-го декабря тогда, когда уже собрался полк к походу и служили молебен» (6: 21; 4: 251).

Для того, чтобы понять, какая из этих двух версий верна, следует отметить и некоторые другие странности, предшествующие командировке Мозалевского в Киев.

Поддержка Киева и его гарнизона была жизненно необходима Сергею Муравьеву. Однако курьер в этот город был послан только на третий день восстания. Странен и выбор курьера: до начала восстания Мозалевский о заговоре в полку ничего не знал, в его верности делу восставших у Сергея Муравьева не могло не быть сомнений. Логичнее было бы отправить в Киев кого-нибудь из более опытных офицеров, тех, кто давно состоял в заговоре и у кого не было пути назад.

К тому же Мозалевский очень устал: в ночь с 30 на 31 декабря он командовал караулом на заставе города Василькова, обеспечивая безопасность восставшего полка. Причем ночь эта выдалась напряженной и тре-

⁶¹ Там же. С.72; Ср.: ВД. Т.9. С.205.

возможной. Согласно показаниям Мозалевского, он был «наряжен» «с нижними чинами в караул на Богуславскую заставу с приказанием, чтобы всех проезжающих брать под арест и доносить об оных подполковнику Муравьеву-Апостолу; при каковом случае ночью и взяты были два жандармские офицеры Несмеянов и Скоков, по доставлении коих на гауптвахту отобраны от них бумаги и деньги и все оные доставлены к сказанному подполковнику Муравьеву». И отправлять не спавшего всю ночь Мозалевского в Киев сразу же «по смене с караула» (4: 249–250) значило существенно уменьшить шансы на успех его миссии.

Но Сергей Муравьев-Апостол послал в Киев именно Мозалевского: нет никаких свидетельств, что руководитель восстания хотя бы рассматривал вариант посылки другого курьера. Но этот странный выбор становится логичным, если предположить, что, отправляя курьера в Киев, руководитель восстания решал не только вопрос связи с городом, но и вопрос удаления Мозалевского из полка. Можно предположить также, что Мозалевский, командуя караулом на городской заставе в ночь с 30 на 31 декабря, был единственным из офицеров-черниговцев (кроме самого Сергея Муравьева), кто знал истинное время приезда в Васильков Ипполита. Наверняка младший Муравьев въехал в город задолго до полкового молебна, но факт этот необходимо было скрыть.

В этом случае становятся понятными и противоречия в показаниях Мозалевского: 2 января, еще не придя в себя после шквала обрушившихся на него событий, он невольно проговорился на допросе. Но уже 9 января, осознав свою ошибку, попытался ее исправить. Впоследствии же, когда и Сергей, и Ипполит Муравьевы-Апостолы погибли, Мозалевский останется единственным, кто будет знать подробности этой истории. И, рассказывая много лет спустя о своей киевской миссии Горбачевскому, он, с одной стороны, захочет рассказать правду, а с другой, – не сможет до конца раскрыть тайну, в сохранение которой он невольно оказался вовлечен. Отсюда и противоречивость «Записок» Горбачевского, повествующих о приезде Ипполита.

Эффектное же появление Ипполита перед восставшим полком во время молебна было, скорее всего, сценой театральной, постановочной. Сценой, позволявшей, с одной стороны, скрыть истинные мотивы отправки в Киев Мозалевского, а с другой, – поднять боевой дух восставших. Горячие объятия Ипполита с братьями перед полком, его клятва «свобода или смерть» рождали в умах и душах офицеров столь дорогие им модели поведения античных героев. «В последний день 1825 года черниговские офицеры увидели сцену из древней Руси или древнего

Рима: три брата, словно братья Горации, храм, молебн, свобода...», – констатирует Н.Я.Эйдельман⁶².

Для солдат же, античные модели не понимавших, приезд Ипполита был обставлен по-другому. Солдатам было объявлено, что в Васильков приехал курьер цесаревича Константина, привезший приказ, «чтобы Муравьев прибыл с полком в Варшаву». «Приметив же, что прочтение Катехизиса произвело дурное впечатление на солдат, я решился снова действовать во имя великого князя Константина Павловича», – показывал Сергей Муравьев-Апостол (6: 159; 4: 286).

Надо отметить, что мистификация с приездом брата Сергею Муравьеву удалась вполне. Об истинном времени приезда Ипполита не догадался никто – в том числе и Матвей Муравьев-Апостол, родной брат Сергея и Ипполита. Более того, торжественный въезд Ипполита в момент молебна поразил воображение Матвея: впоследствии он описывал этот эпизод много раз. «В 12 часов пополудни роты были собраны – и тут брат мой меньшей Ипполит меня крайне огорчил своим неожиданным приездом... Между тем священник Черниговского полка отпел молебен и прочел "Катехизис" по совету Бестужева-Рюмина. После сего роты пошли в поход», – рассказывал Матвей на следствии (9: 239). «Роты, помолившись, готовились выступить из Василькова; тут подъезжает почтовая тройка, и брат Ипполит бросается в наши объятия... Напрасно мы его умоляли ехать далее в Тульчин, место его назначения; он остался с нами», – читаем в его мемуарных записях⁶³.

Но для того, чтобы скрывать от ближайших соратников и даже от брата Матвея время приезда Ипполита, у Сергея Муравьева-Апостола должны были быть веские основания. По-видимому, сведения, которые привез Ипполит, оказались настолько секретными, что о них не должен был знать никто.

Матвей Муравьев-Апостол показывал на следствии: «Он (Ипполит Муравьев-Апостол. – А.Г., О.К.) говорил, что имел от Трубецкого письмо к брату, но, узнав в Москве, что Свистунов арестован, он оное сжег, коего содержание не знал». Очевидно, удовлетворившись показаниями Матвея, Сергея Муравьева-Апостола о письме вообще не спрашивали. На основании все тех же показаний Матвея в «Донесении Следственной комиссии» будет отмечено, что письмо это доставлено не было (9: 191; 17: 54). Из показаний Матвея и «Донесения» эти сведения попадут в историографию, и Н.Я.Эйдельман будет

---

⁶² Эйдельман Н.Я. *Апостол Сергей*. – М., 1975. – С. 252.

⁶³ *Муравьев-Апостол М.И. Указ. соч.* С. 53.

рассуждать о «зеленом мальчике» Ипполите, который «даже не догадался прочесть "истребляемое письмо"»⁶⁴.

На самом деле, рассказывая о письме, Ипполит попросту лгал Матвею. В курсе некоторых моментов содержания этого письма оказался Свистунов, и сообщить ему их мог только Ипполит (14: 341). Естественно, это не могло произойти после ареста кавалергардского корнета. Нетрудно предположить, что письмо к Сергею Муравьеву Ипполит сжег утром 19 декабря вместе с письмом к Орлову. Предварительно это письмо, как и письмо к Орлову, Ипполит прочел. Свидетельством же того, что Ипполит сумел адекватно донести до Сергея содержание этого письма, служат действия «во имя Константина», к которым руководитель восстания прибег сразу же после чтения «Катехизиса». Константиновский лозунг, вполне органичный на Сенатской площади, во время южного восстания выглядел странно. Черниговский полк давно уже присягнул Николаю, и полковая присяга прошла без эксцессов. И «имя» Константина во время южного восстания не могло возникнуть стихийно. Скорее всего, Муравьев начал действовать таким образом, как подсказывал ему в своем письме Грубецкой.

Но вряд ли руководитель восстания стал бы мистифицировать своих соратников только из-за константиновского лозунга. Обстоятельства командировки Мозалевского в Киев свидетельствуют: в письме, скорее всего, содержались адреса тех людей, с которыми Муравьев, чтобы выполнить «южную» часть плана Грубецкого, должен был связаться в Киеве. И именно поэтому эмиссар от восставших не мог быть послан в город до приезда Ипполита.

* * *

Командировка Александра Мозалевского – одна из самых не проясненных на сегодняшний день страниц восстания на юге. Мозалевский показывал, что Сергей Муравьев-Апостол, дав ему надеть партикулярное платье и предупредив об осторожности, «вручил три катехизиса, запечатанные в конверт, но не надписанные, приказав, чтобы по приезде в Киев по распечатании отдать их отправившимся со мною трем рядовым и одному унтер-офицеру в шинелях, у которых сам же Муравьев отпорол погоны, с тем, чтобы они роздали те катехизисы состоящим в Киеве солдатам, также дал мне письмо Курскаго пехотнаго полка к майору Крупникову и велел сказать ему, чтобы шел с баталионом в Брусилов на сборное место» (6: 21).

Но оказалось, что такого офицера в Курском полку не было. Как показали архивные изыскания, руководитель восстания, поручая Мозалевскому найти майора Крупникова (Крупникова), перепутал его с его младшим

---

⁶⁴ Эйдельман Н.Я. *Апостол Сергей*. – М., 1975. – С. 267.

братом, поручиком Александром Крупениковым, действительно служившим в Киеве. Александр же Крупеников к движению декабристов никакого отношения не имел⁶⁵.

Мозалевский настаивал на том, что получил от Муравьева только один адрес. Но рядовой Курского полка Степан Кошелев поведал следствию, что Мозалевский просил его проводить себя с Подола (где находились казармы полка) на Печерск, объясняя свою просьбу тем, что на Печерске живет его брат (б. 23). Естественно, что никакого брата у Мозалевского в Киеве не было, а на Печерск он должен был попасть по заданию Муравьева-Апостола. Печерск в начале XIX века – элитарный район Киева, там находились квартиры всех военных и гражданских начальников.

В 1997 году была предпринята попытка установить личность жившего на Подоле второго адресата послания руководителя мятежа. Им оказался Павел Ренненкампф, обер-квартирмейстер 4-го пехотного корпуса, человек, близкий к корпусному командиру князю Щербатову, хороший знакомый Сергея Трубецкого и многих других заговорщиков. Удалось выяснить также, что Ренненкампф состоял в тайном обществе и обещал восставшим поддержку⁶⁶. Очевидно, именно он мог быть связующим звеном между корпусным командиром и восставшими черниговцами. Однако к Ренненкампфу Мозалевский попасть не смог.

В «Записках» Горбачевского содержатся сведения о том, что у Мозалевского было и третье письмо, «адресованное на имя одного поляка». Попытки установить личность этого поляка не увенчались успехом. Вряд ли в данном случае столь важно установить точные адреса тех лиц, к которым послал Мозалевского Сергей Муравьев. Несмотря на личное мужество молодого офицера, его миссия в принципе не могла увенчаться успехом. Время было упущено: в Киеве объявили тревогу, городские власти отдали приказ задерживать всех подозрительных лиц. Прапорщик попытался скрыться, но, очевидно, от усталости, потерял бдительность и на выезде из города был арестован. Впоследствии, уже на каторге, он расскажет, что князь Щербатов, допрашивая его вскоре после ареста, заметил: «Я знаю лично С.И.Муравьева, уважаю его и жалею от искреннего сердца, что такой человек должен погибнуть вместе с теми, которые участвовали в его бесполезном предприятии. Очень жалко вас: вы молодой человек и должны также погибнуть». И при этом «слезы катились у доброго генерала»⁶⁷.

---

⁶⁵ См. об этом: Киянская О.И. Южный бунт. Восстание Черниговского пехотного полка. – М., 1997. – С. 81–89.

⁶⁶ См. об этом: Киянская О.И. Южный бунт. С. 90–97.

⁶⁷ Горбачевский И.И. Указ. соч. С.74; 77.

А.Г.Щербатов

Щербатов отказался выполнить прямой приказ главнокомандующего 1-й армией и не вывел 4-й корпус против мятежников. Все шесть дней мятежа между Васильковым и Киевом не было правительственных войск, Муравьеву был открыт путь на Киев, и поход туда был для него единственной возможностью избежать быстрого разгрома. Однако руководитель восстания этого не понял. После того, как Мозалевский не вернулся в полк к назначенному сроку, подполковник принял решение на Киев не идти.

«2 января, не имея никаких известий о Мозалевском и заключив из сего, что он взят или в Киеве, куда, следственно, мне идти не надобно . . . я решился двинуться на Белую Церковь, где предполагал, что меня не ожидают и где надеялся не встретить артиллерии», – показывал Сергей Муравьев на следствии (4: 287). Не доходя нескольких километров до Белой Церкви, Муравьев, узнав, что войска, на поддержку которых он надеялся, из этого местечка выведены, отдал приказ идти на Житомир.

* * *

Расчеты Сергея Муравьева-Апостола не оправдались: и возле Белой Церкви, и на дороге к Житомиру его уже «ожидали». Командир 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенант Рот вывел против мятежников большую часть своих войск. Если на Сенатской площади с мятежниками вели переговоры о мирной сдаче оружия, то в данном случае действовало предписание начальника штаба 1-й армии генерала Карла Толя: «Сила оружия должна быть употреблена без всяких переговоров: происшествие 14-го числа в Петербурге, коему я был свидетель, лучшим служит для нас примером»⁶⁸.

В непосредственном военном столкновении с черниговцами 3 января 1826 года участвовал отряд под командованием генерал-майора Федора Гейсмара. Отряд состоял из трех эскадронов гусар и 5-й конно-артиллерийской роты. «Южный бунт» был подавлен быстро и жестко.

Сергей Муравьев-Апостол расскажет на следствии: «Между деревнями Устимовкою и Королевкою был встречен отрядом генерала Гейсмара,

⁶⁸ Шильдер Н.К. Император Николай I. Т.1. СПб., 1903. С.337.

я привел роты, мною водимые, в порядок, приказал солдатам не стрелять, а идти прямо на пушки и двинулся вперед со всеми оставшимися офицерами. Солдаты следовали нашему движению, пока попавшая мне в голову картечь не повергла меня без чувств на землю. Когда же я пришел в себя, нашел батальон совершенно расстроенным и был захвачен самыми солдатами в то время, когда хотел сесть верхом, чтобы стараться собрать их; захватившие меня солдаты привели меня и Бестужева к Мариупольскому эскадрону, куда вскоре привели и брата и остальных офицеров» (4: 288).

Восстание Черниговского пехотного полка. Художник Н.Алексеев (из коллекции Тульчинского краеведческого музея. Публикуется впервые)

Нарисованную С.Муравьевым картину разгрома дополняют показания Матвея: «Брат Сергей упал, раненный в голову. Брату моему Ипполиту раздробило левую руку; я пошел, чтобы сыскать, нет ли какого-либо фельдшера, чтобы перевязать их, но тут же эскадрон наехал в хвост колонны. Гусары кричали солдатам: "Бросайте ружья", что они очень охотно делали. Не было ни одного выстрела из ружья. Я уже нашел брата моего Сергея окруженного гусарами, и мне тут сказали, что Ипполит после был убит» (9: 226).

«Ипполит, полагая, что брат убит, застрелился из пистолета», – уточнит Матвей в воспоминаниях.

Матвей не прав: Ипполит, тяжело раненный в руку картечным выстрелом, покончил с собой не в результате стихийного порыва, не потому, что увидел падение Сергея с лошади и решил, что он убит. О своем возможном самоубийстве он, по-видимому, думал с того момента, как присоединился к восставшему полку. Согласно сделанным в Петропавловской крепости записям Матвея, вечером 2-го января, когда разгром мятежников уже не вызывал сомнений, Ипполит вел с ним «продолжительный разговор... о судьбе человека»⁶⁹. В ходе разговора Матвей опять просил брата уехать, объясняя, что в ином случае его ждет долгий тюремный срок. Но Ипполит «успокаивал брата, уверяя его, что, оставшись с ними, он наверное не попадет в тюрьму»⁷⁰. По-видимому, прапорщик уже решил сам определить свою судьбу, не дожидаясь, пока победители это сделают за него. Но Матвей просто не сумел адекватно понять признание Ипполита.

Мы, конечно, никогда не узнаем точно мотивы, по которым Ипполит Муравьев-Апостол свел счеты с жизнью. Но нельзя исключить, что среди этих мотивов было и осознание юным прапорщиком собственной вины за поражение южного восстания. «На другой день, когда нас отправили в Белую Церковь, майор, который нас конвоировал (он был Мариупольского полка), по моей просьбе позволил мне проститься с Ипполитом; я его нашел: он лежал, раздетый и брошенный, в сенях малороссийской хаты», – таков был финал жизни Ипполита в изложении Матвея Муравьева (9: 226).

V. «Князь Сергей Трубецкой – самая жалкая фигура в этом кровавом игрище»

9 января, когда в столицу пришло известие о подавлении восстания Черниговского полка, Трубецкой получил от следствия вопрос следующего содержания: «Кто дал прапорщику квартирмейстерской части Ипполиту Муравьеву-Апостолу прокламации, которые он из Петербурга отвез к Сергею Муравьеву-Апостолу? Кто составил их и какого они содержания?»

На этот вопрос Трубецкой отвечал: «Я ничего не знаю о сей прокламации и в первый раз о ней слышу. Я уже показывал, что я дал ему к брату его письмо на французском языке, о котором уже я был спрашиван в Комитете, а что он еще получал и от кого, мне неизвестно» (1: 48).

---

⁶⁹ *Муравьев-Апостол М.И. Указ. соч. С.54; 13.*

⁷⁰ *Комментарии М.И.Муравьева-Апостола к мемуарной записи Ф.Ф.Вадковского «Белая Церковь» // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. Т.1. М., 1931. С.201.*

Опираясь на показания прапорщика Мозалевского от 2 января о том, что Ипполит приехал в Васильков *до* молебна на площади, следователи хотели знать, не был ли Трубецкой автором прочитанного *после* этого приезда «Православного Катехизиса». Трубецкой отвечал отрицательно и в данном случае говорил правду. Однако 9 января князь не мог не понять: Ипполит Муравьев-Апостол все же доехал до брата. Но, поскольку следствие располагает какими-то сведениями об этой поездке помимо тех, которые сообщил он сам, Сергею Муравьеву-Апостолу выполнить их совместный план не удалось. Судьба Трубецкого теперь напрямую зависела от того, как руководителю южного восстания будет вести себя на следствии.

Сергей Муравьев-Апостол избрал на следствии тактику, разительным образом отличавшуюся от тактики Трубецкого. Муравьев-Апостол не «запирался», не строил логически выверенных концепций заговора и не спасал свою жизнь, поскольку спастись в данном случае не представлялось возможным. На следствии он не лгал, правдиво отвечал на вопросы, но старался при этом обойти молчанием особо опасные эпизоды, выгородить как можно больше людей. В частности, он упорно обходил молчанием сюжеты, связанные с командировкой Мозалевского.

Всю ответственность за восстание Черниговского полка он брал на себя, утверждая, что «возмутил» полк без помощи кого бы то ни было, и поэтому «никаких фамилий чиновников военного звания или частных лиц», помогавших ему организовать восстание, назвать не может (4: 244). Имени Трубецкого в связи с восстанием на юге Сергей Муравьев-Апостол не произнес ни разу, как ни разу не произнес и имени брата Ипполита.

В позднейших мемуарах Трубецкой обмолвился: «Сидя в своем номере рavelина, я дивился, что не имею вопросов о членах общества на юге»⁷¹. По-видимому, он ждал от Муравьева-Апостола откровенных показаний о собственной роли в событиях. Но, поскольку вопросов об этом ему не задавали, он начал менять выстроенную в первых показаниях стройную «юго-центричную» концепцию заговора. Задача князя состояла теперь в том, чтобы следствие не вскрыло его киевские контакты, чтобы вся его конспиративная деятельность была сведена к участию в подготовке северного восстания.

Из его показаний уходит мотив противостояния «порочного» Пестеля и «мирного» Сергея Муравьева. Главным антигероем показаний князя вместо Пестеля становится Кондратий Рылеев, затянувший его самого, нерешительного и колеблющегося человека, в сомнительное предприятие. Причем если судить по этим показаниям, то, как и в случае с Песте-

---

⁷¹ С.П.Трубецкой. Материалы... Т.1. С.263.

лем, он стремился минимизировать последствия активной деятельности Рылеева. По его показаниям, все «решительные» распоряжения исходили накануне 14 декабря от Рылеева, он же, напротив того, выступал едва ли не союзником будущего императора в среде заговорщиков. Комментируя свое неудавшееся диктаторство, Трубецкой отмечал: «Если мне почитать себя диктатором, как мне то было объявлено, то я должен полагать, что во всех отношениях должна была исполняться моя воля. Если же другие члены между собою положили что-либо к исполнению, то я уже не диктатор» (1: 68).

И следствие в целом поверило Трубецкому несмотря даже на то, что от большинства своих показаний он отказался на очной ставке с Рылеевым. Именно на Рылеева была возложена главная ответственность за 14 декабря, хотя главным организатором восстания был, конечно, Трубецкой. Ответственность же за южное восстание целиком взял на себя Сергей Муравьев-Апостол, несмотря на то что план восстания он разрабатывал вместе с Трубецким. В тонкостях конспиративных намерений Трубецкого следствие не захотело разбираться: пришлось бы привлекать к ответственности многих из тех, кто, формально не входя в заговор, обещал Трубецкому военную поддержку. В частности, генерала от инфантерии князя Щербатова.

* * *

«Видимо, в Трубецком погиб блестящий юрист», – утверждает М.М.Сафонов⁷². И это утверждение отчасти справедливо: неудачливый политик, Трубецкой умело защищал сам себя. И Рылеев, и Сергей Муравьев-Апостол, и Пестель – главный противник князя – оказались в 1826 году на виселице. Сам же он с большим трудом, но все же остался в живых. Можно согласиться и с утверждением М.Н.Покровского: «Если Трубецкой не увеличил собой списка казненных, то лишь потому, что слишком он много оказал услуг следствию, с одной стороны ... а с другой, – явно боялись поставить в заголовок дела о бунте одно из крупнейших имен русской знати»⁷³.

Но император Николай I, сохранив Трубецкому жизнь, сделал все, чтобы жизнь эта была ему в тягость. «Надо же наконец признать, что ни на кого не сыпалось столько незаслуженных укоров, как на князя Трубецкого, между тем как в оправдание его можно многое сказать», – писал в мемуарах Свистунов⁷⁴.

---

⁷² Сафонов М.М. Указ. соч. С.228.

⁷³ Покровский М.Н. Предисловие к 1-му тому серии «Восстание декабристов». С.IX.

⁷⁴ Свистунов П.Н. Сочинения и письма. Иркутск, 2002. С.170.

Сосланный на каторгу преступник неоднократно имел возможность пожалеть о том, что не стал шестым повешенным. Во всех правительственных версиях событий князь выглядел полным ничтожеством. Уже в «Донесении следственной комиссии» русской публике объявлялось: Трубецкой 14 декабря весь день «скрывался от своих сообщников, он спешил в Главный штаб присягать Вашему величеству, думая сею готовностью загладить часть своего преступления, и потому, что там соумышленники не могли найти его, ему несколько раз делалось дурно; он бродил весь день из дома в дом, удивляя всех встречавших его знакомых, наконец, пришел ночевать к свояку своему, посланнику двора австрийского» (17: 58).

Автор «Донесения...» откровенно извращал факты: Трубецкой 14 декабря Николаю I не присягал и ни от кого не прятался. Кроме того, согласно собственным показаниям князя, «дурно» ему делалось не «несколько раз», а только однажды – при известии, что Московский полк вышел на площадь. И вовсе не от страха за собственную жизнь, а от мысли, что он, «может быть, мог предупредить кровопролитие» (1: 7). Кроме того, в день восстания на площади не было ни Рылеева, ни Булатова, но в «Донесении...» их поведение выглядит гораздо более пристойно, чем поведение Трубецкого.

Отвлекаясь же от сюжетов, связанных непосредственно с Сенатской площадью, «Донесение...» сообщало, что Трубецкой в 1817 году сознательно обманул своих товарищей сообщением о том, что «государь намерен возвратить Польше все завоеванные нами области и что, будто предвидя неудовольствие, даже сопротивление русских, он думает удалиться в Варшаву со всем двором и предать отечество в жертву неустойчивости и смятений», и эта ложь спровоцировала Московский заговор, один из первых обнаруженных следствием планов царубийства (17: 27). Между тем вполне возможно, что Трубецкой в данном случае адекватно передавал императорское намерение⁷⁵, а если и заблуждался, то заблуждался искренне.

Читатели узнали из «Донесения», что Трубецкой не только трус и лжец, но и растратчик. 5 тысяч рублей, собранных участниками заговора в виде членских взносов, были «отданы князю Трубецкому, а им издержаны не на дела тайного общества» (17: 28). Но Трубецкой был очень богат, и тратить общественные деньги ему просто не было смысла.

Публичная, печатная клевета была дополнена и клеветой устной: Николай I много раз рассказывал своим приближенным о том, как на первом же допросе Трубецкой упал к его ногам, умоляя о пощаде. Трудно сказать,

---

⁷⁵ Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. М., 1989. С. 84–93.

было ли так на самом деле, однако настораживает настойчивость, с которой царь внедрял этот рассказ в сознание своих подданных⁷⁶.

Эти и им подобные измышления быстро распространились в высшем свете, где у Трубецкого было много друзей и родственников, затем попали за границу. Клевета распространилась и среди товарищей бывшего диктатора по каторге, которые «не могли иметь к нему того сочувствия, которое было общим между ними друг к другу. Он не мог не замечать этого, и хотя ни одно слово не было произнесено в его присутствии, которое бы могло прямо оскорбить его, не менее того, однако, уже молчание о 14 декабря достаточно было, чтобы показать ему, какого все об нем мнения»⁷⁷.

Впоследствии официальная характеристика личности и дел Трубецкого отразилась в записках современников – как не декабристов, так и декабристов. Так, например, журналист Николай Греч, едва знавший князя, свел воедино все, что почерпнул о нем из правительственных сообщений. И выдал эту компиляцию за собственный мемуарный рассказ: «Князь Сергей Трубецкой, самая жалкая фигура в этом кровавом игрище... умом ограниченный, сердцем трус и подлец... 12-го числа был у Рыльева на сходбище, условился в действиях, но, проснувшись на утро 14-го числа, опомнился, струсил, пошел в штаб, присягнул новому государю и спрятался у свояка своего графа Лебцельтерна, австрийского посланника. Когда его схватили и привели к государю, он бросился на колени и завопил: "Жизни, государь!" Государь отвечал с презрением: "Даю тебе жизнь, чтоб она служила тебе стыдом и наказанием"»⁷⁸.

К «Донесению следственной комиссии» восходят воспоминания Ивана Якушкина: «14 декабря, узнавши, что Московский полк пришел на сборное место, диктатор совершенно потерялся и, присягнувши на штабе Николаю Павловичу, он потом стоял с его свитой»⁷⁹.

Столь же компилятивны и мемуарные записи Матвея Муравьева-Апостола, близкого друга Трубецкого, тесно общавшегося с ним в Сибири, но, по-видимому, так и не простившего князю смерти Ипполита. Матвей Муравьев писал: «С[ергей] П[етрович] был назначен на день 14 декабря 1825 года диктатором и верховным распорядителем восставших войск; но обычная воинская доблесть и храбрость С.П. на этот раз изменили ему, и он провел весь день в самом нелепом малодушном укрывательстве от своих

⁷⁶ См. об этом подробнее: Павлова В.П. *Декабрист С.П.Трубецкой // С.П.Трубецкой. Материалы... Т.1. С. 54–60.*

⁷⁷ Басаргин Н.В. *Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С.432.*

⁷⁸ Греч Н.И. *Записки о моей жизни. М., 2002. С.318.*

⁷⁹ Якушкин И.Д. *Записки, статьи и письма. М., 1951. С.157.*

товарищей, а наконец искал спасения от неизбежного ареста в доме австрийского посла графа Лебцельтерна... преданный суду, проявил при допросах малодушие и был из числа самых болтливых подсудимых»⁸⁰.

Трубецкой прекрасно знал о грязных толках и слухах вокруг своего имени и стоически переносил несправедливость. Товарищи по каторге не слышали с его стороны «ни одного ропота, ни одной жалобы». Бывший диктатор «безропотно, с кротостью и достоинством» покорялся «всем следствиям своей ошибки или слабости»⁸¹.

В 1848 году он написал письмо Зинаиде Лебцельтерн, сестре своей жены, в котором, между прочим, утверждал: «Знаю, что много клеветы было вылитое на меня, но не могу оправдываться. Я слишком много пережил, чтоб желать чьего-либо оправдания, кроме оправдания господина нашего Иисуса Христа»⁸².

И этому утверждению князя трудно не поверить.

---

⁸⁰ Муравьев-Апостол М.И. Указ. соч. С.74.

⁸¹ Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С.432.

⁸² Кологривов И. Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая // Современные записки. Т.62. Париж, 1936. С.254.

**Поразительное заблуждение!
Бросаются в атаку против знания
и понимания, используя
при этом средства
полузнания
и недопонимания.**

Йохан Хейзинга

**Люди сначала чувствуют,
не замечая; потом замечают
взволнованной
и смущенной душой;
наконец, обсуждают
чистым умом.**

Джамбатиста Вико

Илья Смирнов

ИЗВИЛИСТЫЕ ДОРОГИ К ХРАМУ

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

Heretofore the public education in Russia has been considered to be secular one. However such state of affairs is increasingly questioned. Clerics come to schools and universities. New textbooks are published (pertinent examples are "Islam. Spiritual and Moral Education of Schoolchildren" and "The Orthodox Biology"). Religious organizations are resolute in their claims to perform a peculiar role in moral instruction. All these trends cause intense discussions in the society. Separation is occurring: on one side of the barricade (or rather church fence) secular humanists are gathering, on the other side religious conservatives are rallying. Historian Il'ya Smirnov repeatedly published in 'Russia XXI' his tongue-in-cheek critical reviews of textbooks where mystics and clerical-monarchical propaganda substitutes for strict scientific knowledge. However in this article the author does not take so resolute position and recognizes that on a wide range of issues believers articulate more humane, responsible and, strange as it may seem, more liberal judgments than their secular opponents. At the same time under the cloak of secular humanism we with increasing frequency find dogmas that have neither scientific nor moral substantiation.

Страсбургский пролог

В октябре 2007 года православный Патриарх Алексей II посещал парламентскую ассамблею Совета Европы (ПАСЕ). Одной из самых важных (а в изложении некоторых СМИ – так просто наиважнейшей) оказалась такая религиозно-политическая проблема: почему в Москве не разрешают «гей-парады»?!

Инициатором обсуждения был, естественно, не сам патриарх, а английский лорд, «традиционный критик России по Чечне»¹.

Однако с точки зрения подавляющего большинства граждан РФ «гей-парады» так же полезны и приятны, как, например, фуршет копрофагов на Манежной площади. А зачем они нужны самим гомосексуалистам? Непонятно. Ведь агрессивная навязчивость не только не делает общество более «толерантным», но, наоборот, раздражает и озлобляет людей. Каждая попытка устроить «гей-парад» заканчивается для инициаторов мордобоем.

Почему же людям продолжают настойчиво навязывать то, что им не нужно? Почему в эту деятельность вовлекаются политики высокого ранга? На каком основании они требуют от религиозных деятелей одобрения того, что невозможно одобрить, оставаясь священнослужителем, – либо крест, либо «гей-парад»?

Ответ лежит на поверхности. Многие о нем догадываются, включая самого патриарха Алексея². Но не решаются четко сформулировать. Потому что, назвав вещи своими именами, мы вынуждены будем коренным образом пересмотреть устоявшиеся представления и привычные разделительные барьеры между «верующими» и «неверующими», «демократией» и «авторитаризмом», «открытым» и «традиционным» обществом.

Дежа вю

Среди т.н. «образовательных реформ», развернутых с начала 1990-х годов, видное место занимает нацпроект «Россия, которую мы потеряли». А именно: внедрение в школьные программы мистики и клерикально-монархического агитпропа вместо научного знания. Мы с коллегой-соавтором Авесханом Македонским по

---

¹ Зыгарь М., Коробов П. Патриарх прочел Европе мораль // Коммерсант. 2007. 3 октября. <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=810771&print=true>

² См. <http://www.newsru.com/religy/03oct2007/beitrag.html>

мере сил разоблачаем и высмеиваем новоявленный Союз меча и орала³. Так что нас с Авесханом трудно упрекнуть в «толерантности» к средневековому мракобесию. Автор этих строк был одним из немногих (очень немногих), кто пытался публично протестовать против канонизации Николая Романова. В результате последняя ежедневная газета, которая меня изредка печатала, перестала это делать⁴.

Я солидарен с учеными, подписавшими известное письмо протеста против наступления духовенства на науку и образование⁵. Мне тоже не очень хотелось бы видеть Закон Божий (как его ни назови) в расписании уроков государственной школы вместо часов, отнятых у физики или истории. Тем более не место теологии среди академических дисциплин.

Если кому-то непонятно почему, поясняю. Современная наука – явление интернациональное. Причем это относится не только к естественным дисциплинам, но и к гуманитарным. Чтобы заниматься историей Японии, не обязательно быть японцем. Конечно, ученые из разных стран могут по-разному интерпретировать события (например, Цусимское сражение или бомбардировку Хиросимы), но результаты их исследований естественным образом складываются в курс японской истории того или иного периода. А в области теологии между русским монахом и служителем синто не может быть даже осмысленной дискуссии – по той простой причине, что с православной точки зрения японские kami никакие не боги, а, в лучшем случае, фантазии отсталых язычников, в худшем – просто бесы. Что касается западных университетов, в которых до сих пор обучают теологов, то это дань средневековой традиции, и, если известные исторические обстоятельства нас от подобного пережитка избавили, нет особого резона искусственно его насаждать.

В общем, до поры до времени все было ясно. С одной стороны, креационисты и черносотенцы с иконой царя Николая, с другой, – светская школа, журнал «Скепсис» и естественным образом примкнувший к ним И.Смирнов. Однако после выхода фильма «Остров» ваш покорный слуга оказался «чужим среди своих». Как же так: сторонник свободомыслия и прогресса с одобрением отзываясь о произведении, в котором главный герой – монах, а основная идея – покаяние?⁶ Ничего не поделаешь. Жизнь сложнее любой публицистической схемы. И фильм

---

³ Последний фельетон на эту тему см.: Россия XXI. 2006. № 6.

⁴ См.: <http://www.screen.ru/Smirnov/messiah.htm>

⁵ http://www.atheism.ru/library/Other_100.phtml

⁶ Смирнов И. Остров: уточнение координат. http://sceptis.ru/library/id_1158.html

П.Лунгина / П.Мамонова заставляет лишний раз задуматься о реальной расстановке сил в обществе. Кто и с какой целью зовет граждан РФ в церковь? Кто и с какой целью этому противодействует?

Обнаружив в современной официальной пропаганде дословные заимствования из К.П.Победоносцева, многие мои коллеги пришли к выводу: страна действительно возвращается в начало прошлого века. Достаточно наглядны и социально-политические параллели. Номенклатурно-финансовая олигархия ельцинского призыва – и николаевская камарилья великих князей с приближенными к ним спекулянтами. Но исторические параллели – опасная почва. Похожее не значит идентичное. Никакой человек, даже самый богатый и высокопоставленный, не в состоянии дважды войти в одну и ту же реку. Тем более запихнуть туда большую страну.

Пишут, что РПЦ *«стремительно... превращается в одного из крупнейших собственников, сравнимых с самыми крупными "тузами" отечественной экономики»*⁷. Правильно. Но я подчеркнул бы слова *«одного из...»*. Если в конфликте из-за недвижимости монастырь давит провинциальных музейных работников или *«безбожное»* население, которое некстати путается под ногами, что в этом удивительного? С той же легкостью *«элитный инвестор»* освобождает участки от колхозных пенсионеров, дачников и прочих недобитых *«совков»*. Нормальное развитие конфликта в классовом обществе. А вот всероссийские проекты РПЦ оказываются куда менее успешными. Закон Божий в школах – очевидный пример. Может быть, через год или через два этот предмет и удастся пропихнуть в расписание уроков. Но триумфального шествия все равно уже не получается. Напомню, что, когда заинтересованным господам захотелось внедрить по всей России скупки краденого металла и игорные притоны или, например, отредактировать жилищное право таким образом, чтобы из квартир на улицу можно было выбрасывать маленьких детей, вопросы решались быстро и практически без сопротивления. Возражения начали поступать постфактум, когда поезд (с деньгами) уже ушел довольно далеко.

Может быть, чем черт не шутит, завтра и теологию включают в перечень научных дисциплин, по которым защищаются диссертации. Но это будет свидетельством не столько пробивной силы церковников, сколько внутреннего разложения академического сообщества. Если ученые степени можно дарить чиновникам или просто торговать ими, как с базар-

---

⁷ Осипов Г. «Посещать не благословляется»? // Культура. 2007. №39.

ного лотка⁸, то почему бы не расширить ассортимент? Политология, культурология... Теперь еще и теология до кучи. Хуже не будет.

Когда говорят: патриархия = отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС, то это хлесткая метафора, не более. Сегодня РПЦ вынуждена, во-первых, координировать свои действия с другими конфессиями, во-вторых, и это намного существеннее, конкурировать в сфере идеологии с такими мощными институтами, как ТВ, «шоу-бизнес», а также контора, именуемая многозначительной аббревиатурой ФАКК, да и сама президентская администрация, которая правой рукой укрепляет суверенную демократию, а левой – организует фестиваль «Территория»⁹.

Вот новое пособие для учителей, которое многие рецензенты восприняли (пожалуй, справедливо) как официально-установочное. Отзывы на эту книгу были озаглавлены так: «*Российских учителей научат "суверенной демократии"*» или «*Администрация президента написала "Новейшую историю России"*». Что же мы видим на ее страницах? Там с равным воодушевлением рекламируются «*философия*» от И.А.Ильина с В.В.Розановым и «*искусство*» от О.Кулика с А.Осмоловским¹⁰. Что это – редакторская оплошность, авторская эклектика? На мой взгляд, не эклектика, а позиция. В основе лежит т.н. «*постмодернизм*», о котором чуть ниже.

У клерикалов нет и в помине той идеологической монополии, которой они обладали 100 лет назад. Конечно, среди чиновников и тогда хватало циничных карьеристов, которые не верили ни в бога ни в черта, только в пачку денег у себя в кармане, но и они вынуждены были демонстрировать почтение к догмам «*самодержавия, православия, народности*» как к несущей конструкции государственного здания. «*Если Бога нет, то какой же я после этого капитан?*» Сегодня источник легитимности совсем иной, поэтому церковь не может (и не будет) занимать того места, которое она занимала в царской России.

---

⁸ См.: Балацкий Е. Диссертационная ловушка // *Свободная мысль–XXI*. 2005. №2.

http://www.postindustrial.net/content1/show_content.php?table=free&lang=russian&id=124

⁹ Об этом славном мероприятии см., например: Заславский Г. Прогноло что-то в Венгрии, наверно... // *Независимая газета*. 2006. 17 октября. http://www.ng.ru/culture/2006-10-17/15_hungary.html#; Райкина М. Фестиваль стал пенисным турниром // *Московский комсомолец*. 2006. 17 октября. <http://www.mk.ru/numbers/2413/article84745.htm>; и др.

¹⁰ Филиппов А.В. *Новейшая история России, 1945–2006. Книга для учителя*. М.: Просвещение, 2007. С.473–478. Отзывы на книгу см., например:

<http://www.svobodanews.ru/Article/2007/09/20/20070920181200320.html#top>

<http://www.og.ru/news/2007/07/16/31096.shtml>

Далее, чтобы перейти от презренной политики к более возвышенным сюжетам (собственно религиозным), нам придется уточнить значения некоторых терминов.

О том, что все и так понимают

Что такое религия, понимают все. Если в газете написано «собрались религиозные деятели», читатель представляет себе зал, в котором чинно восседают архиереи с крестами, муллы в чалмах, а также несколько конкурирующих между собой раввинов. Три разновидности «авраамического» монотеизма. Плюс еще ламы из Калмыкии или Бурятии, которые, конечно, не монотеисты, но, поскольку буддизм у нас «традиционный», к нему тоже надо отнестись с почтением.

Если поднять глаза и посмотреть вдаль, за границы РФ, такое же уважение придется проявить и к индуизму с даосизмом. Ведь эти религии веками исповедует население дружественных держав. Однако кришнаиты внутри России все равно останутся «сектантами», при том, что даже яростные их противники (А.Л.Дворкин¹¹ и др.) пока не отыскали серьезных догматических разногласий «Сознания Кришны» с классическим индуизмом.

Итак, слово «религия» часто используется как эмоционально окрашенный ярлык. Религия – то, что мне нравится или, по крайней мере, не вызывает резкого отторжения. Что не нравится – псевдорелигия. Ср.: наши разведчики и чужие шпионы. Отсюда распространенное определение официального советского коммунизма как эрзац-религии. С другой стороны, понятие может расширяться до полной потери смысла, когда, например, утверждается, что атеизм тоже религия, только ее последователи верят не в Бога, а в то, что его не существует.

Примечание на полях. Элементарная логическая ошибка, которая с тупым постоянством повторяется в СМИ. На самом деле обязанность доказывать возлагается на того, кто утверждает. Если я заявил, что нечто существует – например, джинны, змеи горынычи или телекинез, – то я же должен и представить доказательства, причем не какие попадая (не рассказ приятеля, которому невесть что почудилось «в понедельник после Пасхи»), но достоверные и убедительные. Пока я их не представил, никто не обязан мои фантазии опровергать. Таким образом, суще-

---

¹¹ Дворкин А.Л. *Сектоведение. Опыт систематического исследования* // Н.Новгород: Христианская библиотека, 2006.

ствование Змея Горыныча о семи головах – действительно, предмет веры. Но обратное – то, что его не существует, – не предмет веры, а практический опыт.

К сожалению, путаница со словом «религия» характерна не только для газет и телевидения, но и для работ, претендующих на академическую основательность. Берем свежееотпечатанный курс *«Религиоведение»*, авторы – два доктора наук и один кандидат. В порядке определения утверждается, что *«без богов религии нет»*, далее – классификация *«различных вариантов истолкования идеи Бога»* (уже в единственном числе): *«Тотемизм (фетишизм, идолопоклонство) – архаическая форма религии, основанная на отождествлении богов с какими-то предметами (вещами, животными, растениями или их изображениями)»*¹².

Животное – это предмет. Тонко подмечено. На самом же деле, во-первых, тотемизм вовсе не то же самое, что фетишизм, во-вторых, он не предполагает веры в богов, тем паче в единственного Бога с большой буквы, в-третьих, фетишизм – тоже культ не богов, а скорее все-таки неодушевленных предметов, наделенных сверхъестественными свойствами, в-четвертых... Как говорится, найдите десять ошибок в трех строчках текста.

Источник этих ошибок – не только удручающе низкий уровень гуманитарного образования и книгоиздания, но и тот факт, что историческое разнообразие религий намного шире наших сегодняшних представлений.

Обратимся к более серьезной научной литературе.

«В низших формах религии веры в особый потусторонний мир, в богов, вообще в сверхъестественные существа может и не быть, – отмечает один из самых авторитетных специалистов по первобытному обществу Ю.И.Семенов. – Но в любой религии, какой бы она ни была, всегда присутствует вера в сверхъестественную силу, от которой зависит результат человеческих действий и, тем самым, жизнь человека. Эта вера – основной признак и элемент любой религии.

*Но если человек убежден, что существует какая-то сила, от которой зависит успех или неуспех его действий, то, естественно, он будет стремиться тем или иным способом использовать эту силу, чтобы отвлечь от себя неудачи и обеспечить нужные результаты ... Вера без дела мертва. Там, где нет культовых действий, нет действительной веры в сверхъестественную силу»*¹³.

---

¹² Ильин В.В., Кармин А.С., Носович Н.В. Религиоведение. СПб.: Питер, 2007. С.20–21.

¹³ Семенов Ю.И. Возникновение религии и ее первая, исходная форма – магия // Скелпис.

Итак, *«вера в сверхъестественную силу и культовые действия – неотъемлемые элементы всякой религии, не существующие друг без друга»*.

Определение едва ли не безупречное. Однако, применяя его на практике, мы сталкиваемся с некоторыми трудностями. Связаны они, в первую очередь, с толкованием прилагательного «сверхъестественный». Совершенно реальные обстоятельства могут субъективно восприниматься как сверхъестественные и побуждать современного человека к действиям, таким же разумным, как первобытный магический ритуал. Вы скажете: это суеверия, пережитки.

Ю.И.Семенов пишет о современном парапсихологическом, гадательном и прочем шарлатанском бизнесе: *«...характерная черта суеверия – полная бессистемность... беспорядочное нагромождение верований и обрядовых действий»*. Но как быть, если иррациональные представления и «*обрядовые действия*» происходят не из мезолита, а из свежих телевизионных новостей и прямо на наших глазах складываются в систему?

В основе социализма – вполне рациональный анализ общественных отношений. С авторами можно соглашаться или не соглашаться, но нельзя отрицать, что они работали на уровне передовой науки своего времени. Однако российские (китайские, вьетнамские и пр.) рабочие и крестьяне, участвуя в социалистической революции, были, в большинстве своем, безмерно далеки от ее научного обоснования. И воспринимали происходящее с *«религиозным энтузиазмом»* (формулировка Марии Спиридоновой¹⁴). В ходе строительства нового общества этот фактор не только не ослабевал, но, наоборот, становился более заметным хотя бы уже потому, что реальность самым принципиальным образом расходилась с теорией. То есть становилась непознаваемой, а человек перед ней – беспомощным. Классическая питательная среда для архаичных культов. Их мы и получили. Сталин – *«отец народов»*, музеи Ленина в городах, где он никогда не бывал, лечение болезней с помощью цитатника Мао Цзэдуна, закланяния в передовицах газет.

«Смерть пионерки» Эдуарда Багрицкого¹⁵ воспроизводит классический сюжет религиозной литературы. Юная героиня отвергает амулет старой, неправильной религии (*«золоченый, маленький, Твой крестильный крест...»*) ради священных символов новой, правильной:

2002. №1. http://scepis.ru/library/print/id_305.html

¹⁴ См.: Леонтьев Я.В. *«Скифы» русской революции*. М.: АНРО-XXI, 2006.

¹⁵ *Смерть пионерки // Багрицкий Э.Г. Стихотворения и поэмы*. М., 1987. С.254–258.

*Красное полотнище
Вьется над бугром.
«Валя, будь готова!» –
Восклищает гром.*

Она отталкивает самого близкого человека (мать) и погибает сама. Точь-в-точь как христианские мученицы, которые отказывались поклониться статуе императора.

«– Я не имею ни жены ни детей, – и все, что у меня есть, дарю тебе, – делаю тебя госпожою всех имений моих. Все это я дам в приданое за тобою господину моему Лисимаху, и буду вам вместо отца... Скажи же мне, что ты не отвращаешься от богов наших, этим ты доставишь великую радость душе моей. Если же не послушаешь моего увещания, то не проживешь, клянусь богами, и трех часов. Итак, выбирай себе, что хочешь, и скажи нам.»

На это святая Феврония так отвечала Селину:

«Судия! Я имею на небе чертог нерукотворный, в котором совершается брак во веки нерасторжимый, приданое же мое все небесное царство. Имея Жениха Бессмертного, я не хочу соединиться со смертным и тленным человеком. А о том, что ты мне обещаешь, я и слушать не хочу»¹⁶.

Конечно, никакой «научный социализм» здесь ни при чем. Поведение обеих героинь ритуальное, мотивы подчеркнута иррациональные, причем иррационализм у Багрицкого выражен даже сильнее, чем в житии. Ведь святая верила в бесов (= языческие боги), тогда как для советской пионерки крест, по логике вещей, просто кусочек металла.

Между тем «Смерть пионерки» – образец, на котором воспитывались миллионы подрастающих граждан СССР. Читательская аудитория научного коммунизма была намного меньше.

Интересно, что в СССР весь цикл развития «всепобеждающего учения»: от апостолов и мучеников до унылых чиновников, которые сами не верят в то, что бормочут, – пришелся на время жизни одного поколения.

Человеку (и обществу в целом) приходится определять стратегические цели и мотивы, смысл существования, выходящий за рамки простых материальных потребностей. А как? Боюсь, что не только пионерка Валя с мученицей Февронией, но даже самый мудрый академик не

---

¹⁶ *Житие и страдание святой преподобномученицы Февронии*
<http://www.russkiysobor.ru/sanctus/995/1056/1130/>

сумеет вывести систему ценностей из монографий логическим путем. В лучшем случае это будет логика индивидуального применения. Ведь, разобравшись в устройстве классового общества, один труженик объединяется с братьями по классу, чтобы вместе бороться за лучшую долю. Другой тоже вступает в борьбу – за место в правящем классе лично для себя. Рациональная основа одна и та же. Жизненные модели полярные.

Как лучше поступить: помочь старенькой соседке донести до дома тяжелую сумку или, улучив момент, украсть из этой сумки ее жалкую пенсию? Конечно, в обоснование доброго поступка ученый может сослаться на опыт предков: солидарные коллективы жизнеспособнее, групповой отбор поддерживал именно тех, кто заботился о детях и стариках, а эгоистов сурово наказывал¹⁷. Но это закономерность развития больших социальных организмов на протяжении тысячелетий. А на уровне отдельно взятого индивида аморальное поведение зачастую выгоднее. Да и общество в целом на конкретном отрезке своего исторического пути (сопоставимом с человеческой жизнью) получит солидную фору, если сэкономит на слабых и незащищенных.

Волей-неволей обращаешься к функциональному – от социальной функции – и расширительному толкованию понятия «религия». У Л.Н.Толстого это *«установление отношения человека к бесконечному существованию, которому он чувствует себя причастным и из которого он выводит руководство своей деятельности...»*. Вариант: *«определение отношения человека к началу всего и вытекающего из этого положения назначения человека и, из этого назначения, правил поведения»*¹⁸.

Я ни в коей мере не претендую на то, чтобы выносить вердикты по вопросам, которые до меня обсуждали величайшие умы человечества. Просто обращаю внимание на факт: *«религиозное возрождение»* в эпоху научно-технического прогресса связано не только с пережитками Средневековья. Религия неожиданным образом прорастает на почве самой, что ни на есть, современности, преобразуя в *«дома молитвы»* образцово рациональные учреждения, вплоть до Дома Научного Атеизма. Новейшая история свидетельствует о том, что потребность быть причастным к *«бесконечному существованию»* очень сильная и важная. Неустрашимая.

Другой вопрос – как и чем она удовлетворяется?

---

¹⁷ Эфроимсон В.П. Родословная альтруизма // Новый мир. 1971. №10.

http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECCE/VV_EH12W.HTM

¹⁸ Толстой Л.Н. Что такое религия и в чем сущность ее? // Толстовский листок – запрещенный Толстой. М.: Пресс-Слово, 1995. Вып.1.

«И бесы веруют...»

На наших глазах формируется социальный сверхорганизм со своим правящим классом. Какие же идеалы вдохновляют глобальную финансово-бюрократическую олигархию?

При всех конфликтах и противоречиях внутри этого класса (между производящим и спекулятивным капиталом, между региональными группировками, между демократами и республиканцами в США и т.д.) явственно вырисовывается доминирующая, наиболее популярная в «*бондонде*» система взглядов. Их часто называют «либеральными». На мой взгляд, это неточно и несправедливо. На классических либералов их наследники похожи не больше, чем раковая опухоль на ту здоровую ткань, из которой она произошла.

С.Е.Кургинян употребляет термин «*постмодернизм*». С важным уточнением: «*Постмодернизм предполагает регресс и вторичную архаизацию в качестве modus operandi, он не может существовать без этого*¹⁹».

Ценности, предлагаемые сегодня «золотому миллиарду», автор этих строк попытался систематизировать в книге «*Либерастия*». Она так и не была напечатана на бумаге, но активно почковалась в Сети, в результате чего вынесенный в заглавие неологизм обрел самостоятельную жизнь. В книге я старался избегать употребления слова «*религия*». Но должен честно признать, что к концу некоторых глав погружался в тягостное недоумение перед вопиющей бессмысленностью того, что приходилось описывать. Вообще-то агитпроп и не обязан подчиняться здравому смыслу. Но за трещинами в логике, как правило, скрывается корыстный интерес. Читаешь в газете про «*расширение сознания*» химическими препаратами и понимаешь, что наркобизнес проводит рекламную кампанию. Однако в джентльменском наборе глупостей, обязательных к принятию на веру гражданами «*открытого общества*», есть и такие, под которые решительно невозможно подвести корыстный интерес.

Со времени опубликования «*Либерастии*» прошло уже немало лет. Сюжеты книги благополучно развивались. И в них с каждым годом все явственнее проявляются иррационализм (вплоть до полного разрыва со здравым смыслом) и ритуально-культовая сторона.

---

¹⁹ Кургинян С.Е. Логика политического кризиса в России.
<http://www.POLIT.ru/lectures/2005/03/02/kurginjan.html>

Есть основания полагать, что мы имеем дело не просто с пропагандистской кампанией, но со специфическим религиозным феноменом. Для его адептов предметом смакования, культивирования и, в конечном итоге, поклонения становится всякое зло и всякая патология, с какой только может столкнуться человек, вплоть до дерьма в прямом, сантехническом значении слова (любимая субстанция «писателя» В.Сорокина)²⁰. Оттенки не имеют значения, лишь бы воняло. Одни и те же, с позволения сказать, театральные деятели представляют на московских подмостках тошнотворные образцы гомосексуальной субкультуры и глумятся над памятью солдат Великой Отечественной. Одно и то же издательство публикует апологию генерала Дудаева, книжонку под названием «Скины, Русь пробуждается» и «Подлинную историю ЛСД».

Главного редактора издательства я знал когда-то как порядочного и разумного человека. Получив от него рекламный проспект его «Ультракультуры», высказал – в максимально тактичной форме – свое отношение к ассортименту. И получил ответ: «*Common sense*²¹ у всех очень разный: у и гомосексуалиста, и, скажем, у серийного убийцы или военного преступника свой *common sense*, и чем он менее *common*, чем твой, в нерелигиозной системе ценностей доказать не представляется возможным... Лучше честно признать "постгуманность" ситуации в которой мы находимся...

См. первый акт «Макбета», где ведьмы поют: «*Fair is foul, and foul is fair*»²². Зло есть добро, добро есть зло.

Это ведь тоже «религиозная система ценностей», а ведьмы тоже своего рода служители культа. Богословы знают, как он называется.

Вы скажете, что и сто лет назад предприимчивые господа работали одновременно на царскую полицию и на революционное подполье. Правильно. Только они этого не афишировали. А разоблачение ведущего тогдашнего «постмодерниста» Е.Ф.Азефа имело катастрофические последствия и для полиции, и для социалистов-революционеров. Сегодня провокаторов переименовали в политтехнологов, и это уважаемая профессия, которой гордятся.

В лекции С.Е.Кургияна (ее мы уже цитировали выше) высказаны и такие соображения: «постмодернизм» в силу своей хаотической природы и внутренней пустоты «не может ничему сопротивляться»²³. Боюсь,

---

²⁰ Смирнов И. Голубое кало. <http://www.screen.ru/Smirnov/soro.htm>

²¹ Здравый смысл.

²² Шекспир У. Макбет. http://lib.luksian.com/texte/fict_sz/045/index.php

²³ Кургиян С.Е. Логика политического кризиса в России.

что автор недооценил энергию и целеустремленность поборников «цивилизации смерти». Они наступают. Действуют в любой гражданской профессии по-военному организованно (чего трудно было ожидать от клуба любителей помойки); легко налаживают горизонтальные связи («реформатор образования» знает, кого поддержать в литературных кругах); моментально определяют в своем кругу тот самый «*сюттон sense*», которого якобы не существует; не боятся конфронтации с большим начальником. Их активность питается не только грантами и премиями, но и чувством, которое можно было бы назвать «высоким», не будь таким специфическим его предмет. Московский театральный деятель М. Угаров с искренним восторгом, как Шантеклер солнце, встречает каждое матерное слово, произнесенное там, где раньше не принято было материться. Вот в «Коммерсанте» появилось слово на букву «е». Вот банкир выругался на букву «х», и журналисты не побоялись воспроизвести. А вот долгожданное – эстетика пропахших мочой подворотен прорвалась-таки в газету «Культура». Жизнь удалась. В ней проявился высший смысл: «ненорматив становится стандартом». Пожилой дяденька с высшим образованием вместо того, чтобы нанять внуков, выискивает повсюду драгоценные сокровища на «х» и на «п», а по дороге еще наставляет коллег по профессии: «Актерам мы всегда говорим: "Ни в коем случае, если есть матерное слово, нельзя его педалировать, оно, наоборот, должно быть легче других. Вот тогда оно сильно работает". И для актеров это, надо сказать, тоже хорошая проверка на органичность. Очень немногие могут материться на сцене естественно»²⁴. Он сумасшедший? Нет. Перед группировкой на букву «п», которую он представляет (постмодернисты – а вы что подумали?) один за другим капитулируют прославленные театры.

Еще один живой классик – кинорежиссер Кира Муратова. В ее новом фильме «бессмысленные паяцы истекают клюквенным соком вперемешку с похотью. Особой противностью отличается персонаж Богдана Ступки, поскольку он сожительствоует еще и с собственной дочерью. И вот на встрече с Кирой Муратовой у нее спрашивают, а не патологичен ли этот тип.

Кира Муратова: Фу, гад какой, гадость какая. Почему же? У него своя правда. Вот он такой организм, да, а что? Таких много организмов, это есть, кем-то скрываемое и кем-то выпячиваемое, и в психологии, и в физиологии. Это мне и хотелось передать. Вообще, во всех

---

²⁴ Михаил Угаров. Театр для всех. Беседу ведет Марина Шимадина // Искусство кино. 2007. №3. <http://www.kinoart.ru/magazine/03-2007/experience/ugar0703/>

персонажах – переливание, как в шаре таком, все струится и переливается разными красками. Это и есть гуманизм. Причем, вы говорите, что я не даю оценок. Да, я не имею право давать людям и персонажам окончательные оценки. Если они убийцы – ну, тогда, да, могу. И то должна быть адвокатом, как всякий автор.

Вопрос из зала: А как бы вы отнеслись к возможным упрекам, что это персонаж, что называется, больной, патологичный?

Кира Муратова: Никак бы не отнеслась. Как к привычным глупостям»²⁵.

И подавляющее большинство послушно соглашается. Действительно, кто придумал такую глупость – осуждать «организм» за сожительство с собственной дочерью.

Так кто же здесь хаотичен и не способен к сопротивлению? Нормальные люди. В Москве начала XXI века повторяется ситуация двухтысячелетней давности, описанная Г.С.Кнабе²⁶. Та самая расстановка сил, из которой в Риме выросли живые боги, всем известные «*постгуманисты*» Калигула и Нерон.

Вид на «Открытое общество» через задний проход

Так мы подошли к ответу на вопрос, поставленный в начале статьи. Право на «*гей-парад*» не имеет никакого отношения к сексу. Это профессиональный конфликт. И развивается он в строгом соответствии с логикой подобного рода конфликтов. Новая конфессия требует легализации публичных ритуалов.

Гомосексуалистам отведена особая роль в программе освобождения человечества от разума и морали. По-видимому, в их субкультурных сообществах издавна культивировалось многое из того, что сегодня мутным потоком выплескивается на экраны и на страницы газет. Воспитанники этой субкультуры установили контроль над важнейшими пропагандистскими институтами «*Открытого общества*», в частности над Голливудом. В таком – социально-политическом – контексте можно говорить о гомосексуальном лобби.

«*Британская воскресная газета "Independent on Sunday"* по случаю завершения в Лондоне одного из самых массовых в Европе гомосексуальных фестивалей опубликовала список наиболее влиятельных в коро-

---

²⁵ Программа М.Тимашевой «*Поверх барьеров, российский час*»

<http://www.svobodanews.ru/Transcript/2007/06/14/20070614160615557.html#top>

²⁶ Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. М.: Наука, 1981. С.16–29.

левстве гомосексуалистов. Список возглавил актер сэр Иен МакКеллен. Среди его последних фильмов – "Повелитель колец" и "Код да Винчи". На втором месте – поп-звезда сэр Элтон Джон. Комиссар Европейского союза по торговле Питер Мэнделсон – на пятом месте»²⁷.

Но есть и другая сторона. Правовой «постгуманист» видит в гомосексуалистах людей, отмеченных особой благодатью. Ведь их праведность (наизнанку) не вычитанная из книг, а якобы врожденная (в псевдонаучных рассуждениях о причинах гомосексуализма всячески преувеличивается роль природных, биологических факторов – за счет факторов социальных, связанных с искажением, случайным или преднамеренным, нормального развития личности). Соответственно те действия, которыми человек обозначает свою принадлежность к избранной касте, воспринимаются не как интим, а как важный для общества ритуал.

Перефразируя Ф.Рабле (V книга Пантагрюэля, гл. VIII), можно сказать: «Дорогой друг! Ты вправе оскорблять последними словами президента США и английскую королеву, быть патологическим антисемитом и приходить в восторг от нацистских киноагиток Лени Рифеншталь, но не трогай ты священных этих птиц, если тебе дороги жизнь, благосостояние и благополучие».

Здесь придется сделать одно уточнение для правильного понимания авторской позиции. Все сказанное в этой главе не относится к обычному гомосексуалисту. Он-то как раз достоин сочувствия, как и любой человек, страдающий от болезни, пусть не опасной для жизни, но причиняющей много беспокойств. Но это его частная, действительно интимная проблема. Другое дело – граждане, сделавшие из своей болезни профессию и занятые ее распространением среди нормальных, здоровых людей²⁸.

Книга «*Либерастия*» уже подвергалась критике со стороны т.н. «левых» за то, что в ней слишком много места занимают периферийные сюжеты, как-то: наркотики, педерастия, реклама etc., в то время как настоящему марксисту следовало бы сосредоточиться на империализме и еще на «*израильской военицине, известной всему свету*»²⁹.

---

²⁷ http://www.svobodanews.ru/news.aspx?item=163282&zone=ru_news_culture#top

²⁸ Для желающих поспорить, болезнь или нет, см. в книге «*Либерастия*», гл. 9 (<http://www.screen.ru/Smirnov/9.htm>) информацию о том, как в действительности происходило изъятие этого диагноза из официального перечня психических заболеваний.

²⁹ Иоффе И. «*Наш человек*» со «*Свободы*». <http://left.ru/2006/16/ioffe150.phtml>

Но ведь не я выбрал из великого разнообразия нервно-психических нарушений какое-то одно, чтобы уделить ему неза заслуженное внимание. Наоборот. Сами империалисты определили для этого нарушения особое, исключительно важное место в своей идейно-воспитательной работе с населением.

«Столица Германии Берлин... оказалась во власти представителей сексуальных меньшинств, устроивших традиционный для этого города гей-парад. На этот раз представители нетрадиционной сексуальной ориентации решили превратить свое шествие в акцию протеста.

Как сообщает телеканал Euronews, на улицы столицы Германии вышли около 400 тысяч геев, лесбиянок, бисексуалов и транссексуалов, съехавшихся в Берлин с разных концов Германии и из других стран Евросоюза... Масштабности мероприятия способствовал и тот факт, что его полностью поддержал мэр города Клаус Воверайт, который и сам является гомосексуалистом. Более того, градоначальник прибыл на гей-парад и даже выступил перед собравшимися»³⁰.

18 января 2006 года на заседании Европарламента в Страсбурге была принята резолюция *«О гомофобии в Европе»*. 468 – за; 149 – против; 41 – воздержались. Борьба с *«гомофобией»* должна разворачиваться во всех учреждениях, включая школы. *«Необходимо всячески поддерживать гомосексуальные браки или союзы – кому что нравится. Они, по мнению Европарламента, должны пользоваться таким же уважением и иметь такое же высокое достоинство и защиту, как и другая часть общества»* (§2). Несогласных с этой программой *«гомофобов»* рекомендовано привлекать к ответственности, вплоть до уголовной³¹.

Практическая реализация. Одно из условий для получения разрешения на проживание в Голландии – просмотр агитационного кинофильма, который воспитывает *«толерантность»* к гомосексуализму: *«если хочешь попасть в Голландию, придется полюбить геев»*³². И приобретенные копии фильма за собственный счет. Заметьте: условие приобщения к *«золотому миллиарду»* вовсе не клятва верности империализму, а нечто совсем иное, вроде бы второстепенное на фоне глобального поте-

---

³⁰ <http://top.rbc.ru/society/24/06/2007/107387.shtml?print>

³¹ <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?jsessionid=0DCF81C6101BE87DC1F2D49452088AF3.node1?type=TA&language=EN&reference=P6-TA-2006-0018> – Комментарий: Сперанская Е. Европарламент ставит под сомнение право на свободу совести. Взгляд со стороны. http://www.strasbourg-reor.org/modules.php?name=News&new_topic=32&file=print&sid=102

³² <http://www.from-ua.com/news/441affeb4d606/>

пленя, терроризма и гуманитарных бомбежек то одной, то другой страны.

Но не стоит забывать опыт истории. Бесконечные распри в Византии, открывшие арабам дорогу на север и на запад, русский Раскол православия в XVII веке, оппозиции в ВКП (б) – все эти религиозно-политические водовороты тоже закручивались вокруг причин, совершенно несущественных с точки зрения стороннего наблюдателя. Война остроконечников с тупоконечниками. Ну, не все ли равно, как будет воспроизводиться имя Спасителя на языке, которым не пользовались ни сам Иисус, ни апостолы, потому что язык этот в евангельские времена вообще не существовал? Светская историография нам подсказывает, что социальные причины Раскола намного глубже и серьезнее. Но современники-то различали сторонников Никона и Аввакума именно по внешним, несущественным признакам, которые несущественны для нас, а для средневекового сознания были исполнены магической силы. От расстановки букв в священном тексте, от сложения фигуры из пальцев зависела эффективность обряда, то есть спасение или не-спасение души.

Кто-то из читателей скажет, что исторические аналогии притянуты за уши и автор сам попадает в ловушку, от которой предостерегал других...

В октябре 2004 года юрист Рокко Буттильоне, официально выдвинутый от Италии на пост комиссара Европейской комиссии (министра ЕС), не был допущен к работе на том основании, что он недоброжелательно высказывался о гомосексуализме. Подчеркиваю: не призывал к насилию, репрессиям или какой бы то ни было дискриминации. Профессор Буттильоне всего лишь позволил себе заметить, что с точки зрения католической церкви, к которой он принадлежит, это грех. Добавил еще много смягчающих оговорок: что гомосексуалисты ничем не хуже других людей, потому что все люди грешники, и сам профессор не исключение, etc.³³ Не помогло.

Как справедливо отмечали комментаторы, дело Буттильоне обозначило принципиальный разрыв со «*Старой Европой*», для которой возможность публично высказывать свое мнение была «*одним из неотъемлемых прав*»³⁴. Я бы добавил: это возвращение в Европу, несколько более старую. Ту, в которой люди, не принадлежавшие к государственной

---

³³ <http://www.maranatha.org.ua/cnews/index.php?id=9540>

³⁴ Маслов О., Прудник А. *Камо грядеши, Европа?*

<http://www.apn-nn.ru/print.php?typ=diskurs&id=311>

церкви, если им даже позволялось жить и дышать воздухом, были лишены права занимать сколько-нибудь ответственные должности. Лояльность к официальным святыням – условие карьеры.

В католическом княжестве не мог стать министром человек, не признающий культа святых или монашества. В Объединенной Европе – человек, не одобряющий гомосексуализма.

Символом гуситского движения в XV веке была чаша, потому что гуситы требовали для мирян права причащаться *«под обоими видами»* – хлебом и вином, в чем и разошлись с католической церковью.

Интересно, что должно быть изображено на знамени ОБСЕ? Какой священный предмет?

Храм или вольер?

С точки зрения традиционных конфессий *«постмодернистская»* система ценностей – чистой воды сатанизм.

Для христиан это должно быть особенно очевидно, ведь антихрист в их представлении именно тот, кто будет внешне подражать Христу, извращая самую суть его учения. Политкорректная *«толерантность»* вроде бы выглядит вполне по-христиански: Иисуса тоже осуждали за то, что он дружелюбно общается с грешниками. Принципиальное отличие: христианская этика исходит из того, что человек, как подобие Божие, не равен собственным порокам и в состоянии, с Божьей помощью, их преодолеть. *«Толерантность»* – это терпимость к пороку как таковому, основанная на главной мантре, заимствованной у шекспировских ведьм: *«зло есть добро, добро есть зло»*. По версии Киры Муратовой: *«надо понять зло и его простить»*³⁵.

Правда, мало кто из религиозных деятелей решается прямо, без эвфемизмов, поставить вопрос о том, что это за мировоззрение и куда ведет.

Либерастия, в свою очередь, не настаивает на безоговорочной капитуляции конкурентов. Предлагаемая ею модель мирного сосуществования такова. Одна государственная идеология (религия) + много других, терпимых постольку, поскольку они не посягают на авторитет государственной и не вступают с ней в прямую полемику по принципиальным вопросам. Подобного рода «плюрализм» был характерен для европейских государств, когда они уже выросли из инквизиции, но еще не доз-

---

³⁵ Кира Муратова: *«Я уже давно провинциалка»* / Интервью С.Валхар // Округа. Юго-Запад. 2005. 16 апреля.

рели до настоящей демократии. Он существовал и в Древнем Риме, где христиан преследовали вовсе не за поклонение Христу, а за неуважение к государственному культу (поклонитесь статуе императора и молитесь потом у себя, кому хотите, хоть крокодилу). Примерно то же самое практиковалось в Османской империи.

Ничего нового, ничего удивительного.

Удивительно то, что люди, претендующие на особые отношения с самим Создателем Вселенной, соглашаются участвовать в этом кордебалете, причем не под лезвием ятагана и не под дулом пистолета (как в СССР при Сталине), а по доброй воле. Реакция христиан на дело Бутильоне оказалась старчески вялой и беспомощной. Она совершенно несопоставима по размаху с берлинским *«гей-парадом протеста»*. Италия проглотила оскорбление, которое безо всякой причины нанесли ее официальному представителю. Это же не футбол, чтобы возмущаться всерьез. Другая как бы католическая страна, Испания, одобрила как бы «браки» между лицами одного пола³⁶. А протестантские пасторы готовы этих молодоженов «бракосочетать» именем Христовым. Забавно: даже Емельян Ярославский не требовал от духовенства, чтобы в храме устраивали кощунственные пародии на религиозный обряд. Религиозная ситуация в США пока еще не столь вызывающим образом расходится ... наверное, уже не столько с вероучением, сколько с психической нормой. Но и здесь традиционные конфессии медленно, но верно сдавали позиции³⁷. Американские «правые», такие смелые в Белоруссии и в Ираке, во внутренней политике больше заботились не о том, как отстоять свои позиции, а о том, чтобы не обидеть противника.

«...Президент Буш внезапно высказался по одной из самых опасных для американского политика тем – о его отношении к однополым бракам... Пока политики ее сторонятся, они вообще бы предпочли скрыть свои взгляды по этой щекотливой теме. Поэтому заявления президента Буша оказались для многих ошеломительными. Президент попытался прикинуть к золотой середине, сказав, что он поддержит в случае необходимости поправку к Конституции, гарантирующую, что брак будет уделом мужчины и женщины, но он не против легализации однополых союзов на уровне штатов»³⁸.

---

³⁶ <http://www.svoboda.org/ll/world/1004/ll.100204-2.asp>

³⁷ <http://www.svoboda.org/programs/otb/2003/obt.121903.asp>

³⁸ <http://www.svoboda.org/ll/usa/1203/ll.122003-1.asp>

Верующие сами для себя определяют место в одном из вольеров большого «постмодернистского» зоопарка, чтобы его инфернальный хозяин, обходя владения, хвастался перед гостями:

– Здесь у нас сидят панки. Близко не подходи, а то он плюнет. А вот хиппи, смотрите, какие лохматенькие! Здесь правоверные католики воюют с презервативами. Интересное нашли занятие в разгар эпидемии СПИДа... Что за грохот? Нет, это не евроремонт, это атеисты рубят топором иконы. Кстати, надо бы подбросить в их вольер свежих икон и корма побольше, чтобы не отошались при такой физической нагрузке.

Помните, в чем состоит магия Кольца Всевластия у Толкиена? *«А Одно – всеильное – Властелину Мордора, Чтоб разъединить их всех, чтоб лишить их воли И объединить их всех в их земной юдоли...»*

Ситуация, в которую сегодня попали традиционные конфессии, подготовлена их длительным перерождением в субкультуры. Показательный пример – наше «*бывшее*» Отечество, где крах официального коммунизма открыл, казалось бы, широчайший простор для религиозного возрождения: проповедуй – не хочу. И что же в результате возродилось? *«Воинствующая этнография»*, первобытная магия, приложение к политике (как правило, довольно грязной). В то самое время, когда миллионы людей погружались в первобытный хаос и безысходное отчаяние, духовные наставники решали более важные проблемы. Понимает ли Творец Вселенной по-русски или только по-церковнославянски? Или только по-арабски? Можно ли православной женщине носить брюки, а мусульманской – фотографироваться на паспорт с непокрытой головой? Распространяется ли святость только на чету Романовых или на их духовного наставника Г.Е.Распутина тоже?

Когда Жириновский уходил в отпуск, публику развлекали крестовыми походами то против Н.К.Рериха, то против Ч.Дарвина. И ведь подвиги эти не спишешь на ретивых исполнителей низшего ранга: феерическое сочинение в жанре «православной биологии для школьников» имеет гриф *«По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II»*³⁹.

Если современный культурный человек верит в разумное и нравственное начало мироздания – это можно понять. Лично мне кажется, что для такой веры нет особых оснований (к сожалению), но еще меньше

---

³⁹ Вертьянов С.Ю. *Общая биология. Учебник для 10–11 классов общеобразовательных учреждений с преподаванием биологии на православной основе. М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005. – Рецензию см.: Авесхан Македонский. Школа юного неандертальца. <http://ps.1september.ru/article.php?ID=200504024>*

оснований считать, что человек, по-иному определивший свое «отношение к бесконечному существованию», глупее меня.

И совсем другое дело – представление о Боге как о гнусном старикашке, который подглядывает за своими детьми через замочную скважину: в какой позе занимались любовью? что готовили на завтрак в четный четверг нечетного месяца? И потом подвергает людей садистским наказаниям за нарушение нелепых табу, которые сам совершенно по-разному сформулировал для разных народов (чтоб вернее их запутать). А в свободное время этот персонаж еще с увлечением участвует в племенных расправах и демонстрирует в самых разных школьных предметах образованность, достойную сказочного Незнайки.

По-моему, такое представление – изощренное богохульство. Принять его с благоговением может сегодня либо существо очень темное (тот, кто поверит и в бога-крокодила, и в святой футбольный клуб); либо тот, чья психика серьезно травмирована; либо, наконец, человек, для которого религия – средство решения каких-то посторонних, обычно политических проблем.

Примечание на полях. Автор не призывает относиться с нигилистическим пренебрежением к традиционным обычаям и ритуалам. Они составляют неотъемлемую часть культуры. Дикость начинается тогда, когда конкретному обычаю, имеющему свою историю и этнографическую прописку, приписывают особую «спасительную» роль для всего человечества. Таким образом, религия, во-первых, сразу же низводится на уровень первобытной магии, во-вторых, становится опаснейшим рассадником социальной инфекции, известной как «псевдовидообразование» (= ксенофобия, национализм).

В этой главе мы приводили примеры в основном из новейшей истории православия. Однако другие конфессии «возрождались» в XX веке очень похожим способом. Ситуация в исламе самая трагическая, ведь первыми жертвами террористов становятся не иноверцы, а свои же мусульманские «отступники», просто случайные прохожие на улицах (см. публикации профессора А.А.Игнатенко на эту тему⁴⁰). В вышедшей недавно книге отечественных индологов Е.Н.Успенской и И.Ю.Котина «Сикхизм» хорошо показано, что новейшее «духовное возрождение» этой религии стало возрождением не столько изначального учения гуру Нанака (а оно, заметим, до сих пор представля-

---

⁴⁰ Например: Игнатенко А.А. Правоверность, доказываемая ненавистью. Ваххабизм в изложении его сторонников // Независимая газета. 2001. 14 сентября.
<http://vivovoco.astronet.ru/OUTSIDE/VAHHAB.HTM>

ет большую общечеловеческую ценность и предлагает интересные решения для некоторых «неразрешимых» проблем современной цивилизации), сколько позднейших к нему дополнений, связанных с перерождением религиозной общины в феодальную монархию. Авторы не случайно сравнивают сикхских экстремистов (жертвами которых стали Индира Ганди и еще множество людей разных национальностей) с талибами и ваххабитами. Аналогия прослеживается еще и в том, что деньги на террор в открытую собирали среди сикхской диаспоры на Западе⁴¹. Вместо того, чтобы прицельно поддержать разумные, прогрессивные направления этого вероучения, «Открытое общество» заигрывало с экстремистами. Хуже того: соглашалось, что они имеют право выступать от имени конфессии в целом.

Выбирая в качестве целевой аудитории наиболее отсталые слои населения и приспособлявая проповедь к их уровню, традиционные конфессии сами отталкивают тех, кто обеспечивает общечеловеческий прогресс. Один учебник «православной биологии» наносит авторитету РПЦ среди ученых (не только биологов, но и химиков, геологов, медиков) больший ущерб, чем все происки католических конкурентов. Таким образом, духовенство ставит себя в заведомо проигрышное положение по отношению к агрессивной либерастии, которая предлагает пастве красиво упакованную и современную на вид продукцию глобального применения. Что ей противопоставить? Икону Николая Второго?

Чем сердце успокоится?

Исторические церкви – слишком сложные явления, их культурный багаж слишком велик, разнообразен и противоречив, чтобы их можно было определить такими же простыми ярлыками, какие использовала инквизиция против «ереси». Их уже неоднократно списывали в запасники исторического музея, а они благополучно пережили своих могильщиков и конкурентов.

Возьмем хотя бы то самое выступление Алексея II, с которого началась эта статья. Наверное, с конфессиональной точки зрения патриарх отставивал, в первую очередь, свое вероучение. Но если взглянуть со стороны, то он защитил нашу нормальную жизнь и здоровье подрастающего поколения. Вера помогла патриарху назвать вещи своими име-

---

⁴¹ Успенская Е.Н., Котин И.Ю. Сикхизм. СПб.: Петербургское Востоковедение; Азбука-классика, 2007. С.325, 318.

нами – что ж, значит, вера бывает очень полезна. И мне, светскому вольнодумцу левого толка, в данной конкретной ситуации ближе «правый» патриарх, чем такие «левые», которые заигрывают с профессиональными расстреливателями⁴².

Победное шествие ваххабизма в двух наиболее пострадавших от него регионах (в Таджикистане и Чечне) остановили последователи традиционного суфийского ислама. Наверное, я предпочел бы, чтобы это сделали какие-то светские силы, связанные с европейским Просвещением. Но таких не нашлось. Хуже того: гости из европейских столиц (включая обе российские) поощряли кровавое безумие⁴³. Значит, люди объединились вокруг тех, кто осмелился всерьез сопротивляться. И люди были правы.

В принципе, я сторонник научного, а не религиозного образования. Вопрос: нужно ли в школе половое просвещение? Необходимо по жизненным показаниям. Ведь не только ВИЧ, но целый букет опаснейших инфекций распространяется половым путем, то есть через наше невежество. Но, если науку в этой области олицетворяет академик РАО И.С.Кон⁴⁴, многие родители предпочитают священника.

Для тех, кто не очень внимательно следит за «образовательными формами», поясняю. В дискуссиях о сексуальном просвещении школьников сталкиваются две как бы полярные точки зрения.

Никакого такого просвещения вообще не нужно, вместо конкретной медицинской информации учитель должен наговорить побольше красивых слов о целомудрии и супружеской верности.

Детишек надо как можно раньше, желательно с ясельного возраста, вовлекать в обсуждение широкого спектра проблем из учебника «*Сексопатология*» (написанного вроде бы не для них, а для взрослых медиков).

На самом деле это не спор религии с наукой или «отсталой России» с «продвинутым Западом». Это перебранка двух фанатиков, которым одинаково наплевать на детей, главное – утвердить в обществе свои идеологические догмы. Какой лучше? Оба хуже. Достижение первого – то, что дети за элементарной информацией вынуждены обращаться к «опытному» товарищу и к порнографической литературе, где мораль

---

⁴² *Субкоманданте Маркос. Приветствие демонстрации Достоинства лесбиянок, геев, транссексуалов и бисексуалов.* <http://komsomol.narod.ru/Marcos/GLBT.htm>

⁴³ *Мяло К.С. Россия и последние войны XX века.*
<http://www.x-libri.ru/elib/myalo000/00000244.htm>

⁴⁴ *Академик И.С.Кон на сайте gay.ru* <http://www.gay.ru/science/kon/>

просто цветет и пахнет. Усилиями второго они обогатятся взрослыми комплексами и парой ученых словечек из лексикона Фимы Собак, не усвоив при этом элементарных гигиенических навыков: «продвинутые» западные школьницы травятся гормональными таблетками вместо того, чтобы потребовать от партнера надеть презерватив. Таким образом, змея кусает свой хвост. *«Постмодернизм»* оборачивается архаикой, архаика *«постмодернизмом»*. Следовало бы вымести из школы поганой метлой и то, и другое, обеспечив нормальный медицинский ликбез на уроке анатомии. Научный, он же нравственный.

Далее по повестке дня актуальных дискуссий в прессе. Я уважаю Ч.Дарвина и не сомневаюсь в том, что человек произошел от обезьяноподобного предка. Но, когда из теории эволюции выводится т.н. *«этология человека»* (вообще-то, этология – наука о поведении животных) и на основании этой модной дисциплины⁴⁵, призванной заменить старую социальную психологию, человека приравнивают к биологическому *«организму»* (привет от Киры Муратовой), игнорируя все высшее, связанное с культурой, с общественным прогрессом, – извините, такой *«науке»* я предпочитаю христианский взгляд на человека как на *«образ и подобие Божие»*. Теоретически он обоснован ничуть не более (и не менее), но в жизни может вдохновить на какой-нибудь добрый поступок. *«Этология человека»* – просто терминологическая бессмыслица + обоснование безответственного поведения как частных лиц, так и властей.

Нужно трезво отдавать себе отчет в том, что состояние, в котором сегодня находятся многие гуманитарные дисциплины – культурология, социология, философия, – не дает ни малейшего основания полагаться на них как на альтернативу *«клерикализму»*. Убрав со стен портреты Карла Маркса, философские факультеты заодно отменили какие бы то ни было критерии научного подхода. Теперь потоки заумной болтовни на общие темы растекаются из-под их дверей в самые разные стороны – то к светскому *«постмодернизму»*, то к затхлой средневековой схоластике и мистике. Чем же такой философский факультет лучше духовной семинарии? На священника в облачении, по крайней мере, понятно, куда пожаловаться, если он начнет использовать служебное положение для пропаганды ксенофобии или порнографии. Не факт, что жалоба возымеет действие, но иерархическая структура церкви дает какой-то шанс. А куда пожалуешься на доктора несуществующих наук?

---

⁴⁵ Рецензию на одну из работ в этом жанре см.: *«Бредущие среди нас». Попрошайничество как патология.* <http://www.svobodanews.ru/Article/2007/09/07/20070907144552513.html#top>

Если мы обсуждаем тот или иной проект, в результате которого церковь усиливает свое влияние в сфере образования, воспитания и художественной культуры, мы не вправе с порога отвергать добросовестные намерения инициаторов. Да, очень часто имеет место сознательная игра на понижение интеллектуального уровня («архаизация»). Но порою люди, в том числе и чиновники (которые тоже люди), судорожно пытаются нащупать хоть какую-нибудь опору, чтобы противостоять окончательному распаду.

Основа науки – факты. И если мы считаем, что представляем в полемике с религиозными деятелями именно беспартийную науку (а не конкурирующую религию или политическую партию безбожников), то нам следует опираться на факты. А реальность сегодня такова, что для очень большого количества наших соотечественников будет спасительна какая угодно, хоть средневековая, мораль. При всех политических разногласиях с Ю.Н.Арабовым ему не откажешь в наблюдательности и здравом смысле, когда он говорит: *«Я "среднему американцу" отдал бы предпочтение, потому что, во всяком случае, в южных штатах, в глубинке, этот "средний американец" еще ходит в церковь. У него есть какие-то остатки традиционалистского общества, традиционалистской культуры. Это – неплохо. А у нас сейчас "средний русский" – это зверь! Вообще ничего нет. Это выжженная душа в выжженной стране»*⁴⁶. И если Закон Божий хоть кого-нибудь удержит от того, чтобы зарезать соседа или изнасиловать родную дочь, может, и лучше ввести Закон Божий?

Допустим, это напрасная надежда, Закон Божий окажется так же целителен для народной нравственности, как Ленинский зачет. Но люди имеют право надеяться, и прежде чем их осуждать, нужно предложить взамен что-то лучшее.

Мы уже упоминали фильм П.Лунгина «Остров». Свидетельством слабости и несамостоятельности «*Духовного Возрождения*» в России было то, что по ходу этого процесса не появилось ни одного сколь-нибудь значительного и популярного произведения религиозного искусства (то есть такого, в котором ценности вероучения облечены в художественную форму и средствами искусства утверждается религиозная мораль). Разве что песни Бориса Гребенщикова. Но он начал петь о «*звезде Аделаида*» и «*серебре Господа*» задолго до всякого «*Духовного Возрождения*», ни к какой конфессии официально не примыкал (или примыкал ко всем сразу), так что если и «*возрождался*», то

---

⁴⁶ Арабов Ю.Н. Интервью Л.Наумову о творчестве А.Башилачева.

<http://www.bashlachev.spb.ru/talks/Arabov.html>

сам по себе. Таким образом, борьбу с «*постмодернистами*» на художественном фронте традиционные конфессии начисто проигрывали. Но в самое последнее время появляется целый ряд талантливых произведений разных жанров, в которых религия не драпировка, а суть. К ним можно предъявить много претензий как по форме, так и по содержанию. Православные программы группы АЛИСА замусорены «*псевдовидообразованием*». Вроде бы динамика положительная: мусора становится меньше, что и дает нам сегодня основание рассматривать творчество Константина Кинчева именно как христианское, а не черносотенное. С романом Людмилы Улицкой «*Даниэль Штайн, переводчик*» еще более сложная ситуация. Мне до сих пор окончательно не ясно, что проповедует автор – то ли нормальный христианский экуменизм (то, к чему пришел в своих духовных поисках главный герой, католический священник), то ли такую специфическую его разновидность, когда все религии равны перед лицом одной, которая равнее прочих. Мы уже знаем, как она называется. Некоторые пассажи в романе, а также выступления Улицкой в СМИ, дают основание именно для такой (печальной) трактовки. Позиция создателей «Острова» более определенная. Если к «Даниэлю Штайну» – три принципиальные претензии, то к фильму П.Лунгина, пожалуй, только одна (сцена с больным ребенком, которая будет воспринята, вне зависимости от авторских намерений, как очередная реклама «*экстрасенсорного*» жулья). А если оценивать фильм в целом, исходя из реального положения в кинематографе и в обществе вокруг, то экранная реставрация архаичного жанра жития оказалась на удивление прогрессивной. Ведь в течение долгих лет с экранов нам внушали, что убийство – развлечение. В фильме «Остров» это катастрофа. Поступок, за который нужно расплачиваться всю жизнь. Далее. С начала 90-х годов разнообразные «*полумглысты*»⁴⁷ проповедовали «*терпимость*» к гитлеровцам и презрение к солдатам Великой Отечественной. В фильме «Остров» нацисты представляют абсолютное, inferнальное зло (каковым они и являлись в действительности). И эта большая историческая правда намного важнее отдельных неточностей, которые при желании легко отыскать в любом художественном произведении.

То, что именно этот фильм, а не очередное изделие Балабанова-Серебренникова, собрал массовую аудиторию и призы фестивалей, большая победа, и не верующих над неверующими, но общая для граждан России. Светские гуманисты почувствовали себя обойденными? Что ж, снимите (напишите, нарисуйте, спойте) что-нибудь сопоставимое на пользу людям.

---

⁴⁷ См.: Россия XXI. 2006. №1. http://www.scepsis.ru/library/id_702.html

Не могу не согласиться с Юрием Болдыревым, когда он пишет, что принципиальное размежевание в России происходит вовсе не между верующими и неверующими⁴⁸. Но ведь не только в России. Реальность такова, что сладкая парочка «*постмодернизм*» + мракобесие» нигде не встречает организованного сопротивления (как, впрочем, и нацизм его не встречал на первых этапах своего триумфального марша). Либералы сегодня противостоят не столько государства или партии (сами расколотые изнутри), сколько «*проблемы растерянной человечности*» (формулировка С.Е.Кургиняна) в самых разных сферах. Нормальная реакция людей на то, что их заталкивают в патологию. Вроде бы в стихийности наша слабость. Но в ней и наша сила. Тот, кто вознамерился вытравить из Хомо Сапиенс разум и совесть, неминуемо вступает в противоречие с самой человеческой природой, которую не в состоянии распустить и запретить никакой Европарламент. Ведь непонятно, что именно распускать. И НАТО не сможет разбомбить, потому что не определит цели для бомбардировщиков. Где центры сопротивления? Где угодно. В маленькой сельской церквушке. В палеонтологическом музее. В душе у своего же НАТОвского солдата, которому мама читала на ночь хорошие сказки. Надеюсь, что наша природа одолеет новую заразу, как раньше homo sapiens одолевал оледенение, оспу и нацизм. Желательно только, чтобы проблемы человечности были менее растерянными, для чего есть хорошее средство, рецепт доктора Конфуция – называть вещи своими именами. И еще неплохо было бы нам всем научиться оценивать расстановку сил (свой – чужой) в каждой конкретной ситуации, исходя из базовых ценностей (главное – второстепенное), а не из эфемерных партийных ярлыков.

---

⁴⁸ Болдырев Ю. *Линии фронта – истинные и ложные* // Новая газета. 2007. Приложение «Кентавр» №5. <http://www.novayagazeta.ru/data/2007/kentavr05/00.html>

Наши авторы

Четверикова Ольга Николаевна

кандидат исторических наук,
доцент МГИМО (университет) МИД РФ

Лапин Владимир Викентьевич

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН,
доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге

Готовцева Анастасия Георгиевна

кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры литературной критики
факультета журналистики Российского государственного
гуманитарного университета

Киянская Оксана Ивановна

доктор исторических наук,
профессор кафедры литературной критики
факультета журналистики Российского государственного
гуманитарного университета

Смирнов Илья Викторович

историк, независимый журналист

Our authors

Chetverikova Ol'ga Nikolaevna

Ph.D., historian,
assistant Professor of Moscow State Institute
for International Relations (University)

Lapin Vladimir Vikent'evich

Ph. D., historian,
senior specialist of Saint Petersburg Institute of History (RAS),
assistant Professor of European University (Saint Petersburg)

Gotovtceva Anastasiya Georgievna

Ph. D., philologist,
senior teacher, chair of literary criticism, faculty of journalism,
Russian State University for the Humanities

Kiyanskaya Oksana Ivanovna

D.Sci., philologist,
Professor, chair of literary criticism, faculty of journalism,
Russian State University for the Humanities

Smirnov Il'ya Viktorovich

historian, independent journalist

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2007 г.

Теория и практика политических игр

Бардахчиев Ю. Б.

Роль исторического травматизма в стратегическом диалоге. №5

Бялый Ю. В.

Ценности как психологический фактор принятия стратегических решений. №5

Кургинян С. Е.

Дети унтер-офицерской вдовы. №1

Кургинян С. Е., Бялый Ю.В., Бардахчиев Ю.Б.

Угроза ядерной войны. Пацифистские мифы и угрожающая реальность. №2

Кургинян С. Е.

Оргоружие-2. Диалектика естественного и искусственного в предстоящем «доуничтожении» России. №3

Кургинян С. Е.

Тупик прагматизма. О подлинной причине, порождающей все новые сбои в российской внутренней и внешней политике. №4

Кургинян С. Е.

Куда убежал кролик? Или о психологических источниках дефицита стратегии в современном мире. №5

Кургинян С. Е.

Качели. Новый виток войны спецслужб и его влияние на ход политического процесса. №6

Геоглобалистика

Гринеvский О. А.

Как начиналось объединение Германии. №№3,4,5

Мальков В. Л.

Холодная война: истоки и уроки. Опыт интерпретации. №№2,3

Фридман Л. А.

Китай, Россия и США. Разные расчеты – разные результаты (окончание). №1

Четверикова О. Н.

Стратегия «балканизации» Европы: регионы и этноменьшинства в планах европейского строительства. №№5,6

Ресурсы нации

Бородулин В. И., Тополянский В.Д.

Лишний человек. Доктор Г.И.Сокольский в Москве середины XIX века. №№2,3

Ярлыки и мифы

Антонов Д. И.

«Безобразные образы»: к эволюции древнерусских представлений об ангелах и демонах в XVII веке. №№3,4

Найдыш В. М.

Предмет философии мифологии и ее становление в России (окончание). №1

*Рассел Д.
Святилище под волнами. №4*

Современные утопии

*Горохов А. Ю.
Человеческая жизнь: самостоятельная ценность или экономическая категория? №1*

Россия в мире

*Лапицкий М. И.
«Я просто родился эмигрантом». Америка в «Дневниках 1973–1983»
Александра Шмемана. №2*
*Мяло К. Г.
На крути своя: перед вызовом глобализации (окончание). №1*

Пути духовных исканий

*Каравашкин А. В.
Строгое творчество. О живописи и графике Александра
Айзенштата. №3*

Страницы истории

*Готовцева А. Г., Киянская О. И.
К истории несостоявшейся революции (С.П.Трубецкой и восстание
Черниговского полка). №6*
*Киянская О. И.
П.И.Пестель на следствии. №1*
*Лапин В. В.
Кавказская война XVIII–XIX веков в исторической памяти. №6*
*Марьина В. В.
Георги Димитров – советский гражданин. 1934–1945 гг.
(по материалам дневников Г.Димитрова). №№3,4*
*Мякова Е. М.
«Вандея»: историческое событие в роли политической аллегории. №2*
*Ненароков А. П.
Наследие российской социал-демократии. №5*
*Розенталь И. С.
Прогрессист Голицын и его дневник. №4*

Актуальный архив

*Репников А. В., Христофоров В. С.
«...Как яркий враг большевиков» (из следственного дела
В.В.Шульгина). №5*

Редакционная почта

*Журавлев В. В.
«История всех тащит к ответу»!
Год 1917 в России глазами современников – мастеров отечественной
сатиры и юмора. №2*
*Каджая В. Г.
Преступники и праведники. №5*
*Смирнов И. В.
Извилистые дороги к храму. №6*

The List of All Published Materials in 2007

Theory and Practice of the Political Games

Bardakhchiev Yury.

Role of Historical Trauma in the Strategic Dialogue. №5

Byaly Yury.

Values as a Psychological Factor of Strategic Decision-making. №5

Kurginyan Sergey.

The Children of a Non-commissioned Officer's Widow. №1

Kurginyan Sergey, Bardakhchiev Yury, Byaly Yury.

The Threat of Nuclear War. Pacifist Myths and Dangerous Reality. №2

Kurginyan Sergey.

Organizational Weapon-2. Dialectics of the Natural and the Artificial in Forthcoming «Final Destruction» of Russia. №3

Kurginyan Sergey.

Dead-lock of Pragmatism: on the Genuine Cause which Generates New and New Failures in Russian Domestic and Foreign Policy. №4

Kurginyan Sergey.

Whereto did the Rabbit Run? Some Thoughts about Psychological Sources of Lack of Strategy in the Contemporary World. №5

Kurginyan Sergey.

Teeterboard: A New Swing in Secret Services' War and its Impact on Political Process' Progress. №6

Geopolitics and International Policy Issues

Chetverikova Ol'ga.

«Balkanization» of Europe Strategy: Regions and Ethnic Minorities in Designs of the European Building. №№5,6

Fridman Leonid.

China, Russia and the USA. Different Calculations Bring about Different Results (the end). №1

Grinevsky Oleg.

How Germany Unification had Started. №№3,4,5

Mal'kov Victor.

The Cold War: the Sources and the Lessons. Towards the Interpretation of the Origins of «Containment». №№2,3

Resources of Nation

Borodulin Vladimir, Topolyanskiy Viktor.

A Superfluous Man: Doctor G.I.Sokolski in the Mid-19th Century Moscow. №№2,3

Labels and Myths

Antonov Dmitriy.

«Images of No Image»: To the Evolution of Medieval Russian Ideas of Angels and Demons in the 17th Century. №3,4

Naydysh Viatcheslav.

The Subject of the Philosophy of Mythology and Emergence of the Discipline in Russia (the end). №1

Russell James.
The Shrine beneath the Waves. №4

Modern Utopia

Gorokhov Andrey.
The Human Life: Self-sustained Value or an Economic Notion? №1

Russia in the World

Lapitskiy Mark.
«I just Was Born as Emigre». «America in Diaries, 1973–1983»
by Aleksandr Shmeman. №2
Myalo Kseniya.
*Back to the Perennial Natural Circle: in the Face of the Globalization
Challenge (the end).* №1

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Karavashkin Andrey.
*The Austere Creativity: On Alexander Aizenstat's Painting and Graphic
Works.* №3

Pages of History

Gotovtceva Anastasiya, Kiyanskaya Oksana.
*The Abortive Revolution Revisited (S.P.Trubetskoi and the Chernigovsky
Regiment's Rebellion).* №6
Kiyanskaya Oksana.
P.I.Pestel under Investigation. №1
Lapin Vladimir.
*The Caucasian War of the 18th-19th Centuries in the Historical
Memory.* №6
Mar'ina Valentina.
*Georgi Dimitrov as a Soviet Citizen: 1934–1945 (Based on G.Dimitrov's
Diaries).* №№3,4
Myagkova Elena.
«Vendee»: Historical Event in a Role of Political Allegory. №2
Nenarokov Al'bert.
Heritage of the Russian Social Democracy. №5
Rosental Isaak.
Progressist Golitsyn and his Diary. №4

Topical Archive

Repnikov Alexander, Khristophorov Vassily.
«... As the Inveterate Foe of Bolsheviks» (Excerpts from Judicial Scrutiny
File of V.V.Shulgina). №5

Readers' Letters

Kadzhaya Valeriy.
The Evil-doers and the Righteous. №5
Smirnov Il'ya.
Winding Ways to the Temple. №6
Zhuravlev Valeriy.
«The History Calls All of Us for Answer»! Events of 1917 as Seen by Eyes
of Contemporaries, Masters of the Russian Satire and Humor. №2

Учредитель
«Экспериментальный творческий центр»

Главный редактор

С.Е.Кургинян

Редколлегия:

Бялый Ю.В. (зам. гл. ред.),
Мамиконян Е.Р. (зам. гл. ред.),
Каравашкин А.В.,
Куриленкова А.А.,
Петрова И.Н.

Перепечатка допускается
по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются

Позиция редакции не всегда совпадает с мнением авторов

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года

Регистрационное свидетельство 011074

Юридический адрес редакции:

123001, Москва, Вспольный пер.,18

Редакция располагается по адресу:

Москва, Садовая-Кудринская, 22

телефон (495)291-74-79

факс (495)694-17-54

E-mail russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

© «Россия XXI» 2008

Цена свободная

ISSN 0869—8503

**Подписка на газеты и журналы по Москве
через Интернет: www.GAZETY.ru**

Подписано в печать 28.04.2008. Формат 60x88 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная I. Объем 12 печ. л.

Тираж 2000 экз. Заказ

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».

140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.

Тел. 554-21-86

6.2007 november-december

S o c i a l , P o l i t i c a l a n d

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

Teeterboard: A New Swing in Secret Services' War
and its Impact on Political Process' Progress ____ 4

Geopolitics and International Policy Issues

Olga Chetverikova

«Balkanization» of Europe Strategy (the end) __ 46

Pages of History

Vladimir Lapin

The Caucasian War
of the 18th–19th Centuries
in the Historical Memory _____ 82

*Anastasiya Gotovtceva,
Oksana Kiyanskaya*

The Abortive Revolution Revisited
(S.P.Trubetskoi and the Chernigovsky
Regiment's Rebellion) _____ 102

Readers Letters

Il'ya Smirnov

Winding Ways to the Temple __ 162